

Роман Антропов

Герцогиня и «конюх»

Роман Лукич Антропов

Герцогиня и «конюх»

Предисловие

В галерее исторических русских царственных женщин, волею капризной судьбы и случаем занимавших в то время трон, Анна Иоанновна является едва ли не самым главным лицом.

Интерес проистекает не из положительных или отрицательных сторон Анны, потому что как первые, так и вторые, по правде сказать, заурядны, далеко не ярки, не полны.

Анна Иоанновна была, бесспорно, умна, но умом грубым, неотесанным, не отшлифованным гранью просвещения. В этом отношении любой из ее царевичей мог быть на голову выше ее. Она была, как и большинство «властных» женщин тогдашнего темного русского времени, жестока, но... что стоят все ее жестокие шутки, забавы и наказания в сравнении с припадками гнева великого Петра, ее царственного дяди? Анна Иоанновна обладала и некоторыми чисто женскими слабостями, но что они – наряду с неукротимыми царственными прихотями Екатерины Великой?

Что же в таком случае привлекает внимание историков и романистов к этой личности?

Только одно: удивительная трагичность рока, который преследовал ее всю жизнь.

Словно какое-то проклятие нависло над частной жизнью Анны Иоанновны, составив длинную, прихотливую цепь. Что ни звено – то удар, удар и удар.

Казалось, грехи былых поколений властелинов отпрыгнулись на ней с фатальной силой.

Анна Иоанновна была безвольна, как последняя из «подлых рабынь»; достаточно сказать, что у нее было чуть не пятнадцать женихов и ни за одного из них она не имела права выйти замуж по чувству и влечению собственного сердца, по своей воле. Это была живая кукла-игрушка в руках и царей, и бесчисленных дворцово-политических партий.

Ввиду того, что наш роман касается последних лет пребывания, «сидения» Анны в Митаве в качестве герцогини Курляндской,[1] скажем несколько слов о ее прошлом.

Дочь покойного царя Иоанна Алексеевича, брата и соправителя по престолу Петра Великого, Анна Иоанновна не помнила своего отца, умершего, когда ей было всего три года. Детство и отрочество она провела в родном селе Измайлове у своей матери, царицы Прасковьи, вместе с двумя своими сестрами, из которых сама она была среднею.

Когда Анне исполнилось пятнадцать лет, она уже пышно расцвела и казалась вполне сформировавшейся девушкой. Из Петербурга пришел властный приказ грозного Петра, и туда прибыли все его родственники; послушная велениям своего деверя, царица Прасковья прибыла туда с дочерьми.

Петр чрезвычайно ласково встретил вдову своего «названного» брата и своих племянниц.

После мирной, «тишайшей» жизни Москвы старого уклада, в которой выросла царевна Анна

Иоанновна, непривычный блеск и шум петербургской придворной жизни совсем ошеломили ее.

– Матушка! Весело-то тут как! – говорила Анна матери, царице Прасковье.

А та только брови сурово сдвигала.

Прошло два года такой новой, чудно-прекрасной жизни, пролетевшей как волшебный, сказочный сон.

Царская роскошь... блеск... почитание... поклонение.

И первый удар уже готовился для Анны Иоанновны.

Петр Великий приготовил племяннице жениха. Еще в октябре 1709 года он в Мариенвердере сговорился со своим союзником, королем Пруссии, обвенчать русскую царевну Анну с племянником короля – Фридрихом-Вильгельмом, герцогом Курляндским.

На этот брак Петр возлагал много надежд: во-первых, вступить в родство (свойство) с прусским королевским домом, а во-вторых, приобрести влияние на курляндские дела.

И участь несчастной Анны была решена. Политических целей ради Петр принудил ее идти замуж за Фридриха-Вильгельма.

Двадцатилетняя девушка-царевна была принесена на заклатие... и кем же? – собственным родным дядей!.. Отсюда начинается трагическая жизнь горемычной герцогини, позднее – императрицы.

– Матушка, – скорбно вырвалось раз у Анны Иоанновны, – а если он мне не люб?

Но грозная фигура страшного деверя стояла «денно и ночью» перед глазами царицы Прасковьи.

– Молчи, дитячко, нишкни! Сам того требует, – давясь слезами, утешала она дочь. – Кто ж против

его пойти может?..

И «политический» брак был заключен.

Но этот «политический» брак известен в истории более под кличкой «пьяного» брака.

Свадьба справлялась целым рядом «зело неумеренных празднеств», с таким гомерическим приношением «Бахусу и Венусу» (Венере), что даже не все петровские животы вынесли «сие потребление».

Для Анны, молодой герцогини Курляндской, все это окончилось непредвиденной катастрофой. После «прощальной» зверско-пьяной попойки ее молодого супруга чуть не замертво уложили в возок, который должен был везти герцогскую чету в Митаву.

В сорока верстах от Петербурга, на мызе Дудергофе, оправдалась старинная русская поговорка – «что русскому здорово, то для немца – смерть»: неумеренно опоенный петровскими кубками «большого орла» Фридрих-Вильгельм, герцог Курляндский, супруг Анны, скоропостижно скончался.

Итак, мы видим, что Анна осталась двадцатилетней вдовой, прожив супружеской жизнью, угарной, полупьяной, всего два месяца и несколько дней.

Казалось бы, трагическое вдовство могло избавить несчастную русскую царевну от заключения в Митаве. Но не тут-то было. Петр опять-таки ради политических соображений отправил ее в Курляндию. После смерти Фридриха-Вильгельма герцогский жезл Курляндии достался в руки последнего потомка Кетлеров, первоначальных герцогов Курляндии, семидесятилетнего Фердинанда. Трусливый и слабый, не любимый народом, чувствуя свою неспособность управлять герцогством, он, проживая в Данциге, отказался явиться в Митаву, и вместо него кукольным герцогством стал управлять совет обер-ратов, людей, думавших более «о добром пиве и кнастере»,[2] чем о государственных делах.

Отправив в Митаву свою племянницу Анну, Петр назначил резидентом Курляндии Петра Михайловича Бестужева.[3] Кроме назначения на должность полномочного резидента, он был командирован туда и в качестве гофмаршала[4] вдовствующей герцогини.

И началось «великое сидение» Анны Иоанновны в Митаве, продолжавшееся без малого семнадцать лет. Вступив туда совсем юной, двадцатилетней, она вырвалась из курляндского пленения, чудом сделавшись русской императрицей, женщиной уже пожилой, тридцатисемилетней, надломленной, раздраженной на всех и на все озлобленной.

Часть первая

I. Герцогиня и резидент

Над Митавой стояло еще солнце, хотя оно и близилось к закату. Своими прощальными, нежно-ласковыми лучами оно золотило черепичные крыши домов, зелень садов и особенно играло на шпицах кирок.

Один лишь герцогский замок, это мрачное, типичное жилище средневековых феодалов, с его толстыми, выпуклыми, неуклюжими стенами, с его узкими, готическими окнами, с его подъемным мостом, весь полный какого-то мистического ужаса, казалось, был глубоко равнодушен в закатной улыбке великого жизнедавецца. Ни один солнечный блеск не играл на темном камне.

Не веселее было и внутри замка старых Кетлеров, в котором томилась, проклиная свое царственное происхождение, Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская.

Мрачные комнаты с готическими потолками, залы с потемневшими амбразурами окон, вой и свист ветра в старых печах навевали на нее какой-то непреодолимый страх, жуткость, робость. По ее приказанию все залы замка, лишь только, бывало, стемнеет, освещались массой свечей, вставленных в канделябры. Но даже эти канделябры навевали на нее еще больший страх.

– Не люблю я их... боюсь их... Какие-то рогатые, «когтистые» звери... – часто шептала Анна Иоанновна сама про себя, тихонько творя крестное знамение.

И в эти секунды ей с поразительной наглядностью представлялись картины тихого, безмятежного житья в богобоязненном селе Измайлове.

Матушка... сестры... странницы... «говорливые» бабы и девки...[5] Заведут, бывало: «А послушайте, царица-матушка и царевны распрекрасные, сказ про то, как явился одного раза

молодчик, разудалой принц-красавец». И Анна Иоанновна, вся охваченная жгучим порывом воспоминаний, частенько забывала о своем положении, о том, что она – герцогиня Курляндская. Она давала резкий звонок из своих «покоев», но вместо «говорливой» матушки к ней быстро входила какая-нибудь то обер-гофмейстерина, то просто – гофмейстерина.[6]

– Ваша светлость изволите звать? – на чистейшем немецком языке спрашивала вошедшая.

Вздрагивала тогда «герцогиня», недоумевающе-испуганно глядела на вошедшую и отрывисто бросала:

– Ах, нет, я не вас звала... Ступайте!

И, когда та уходила, племянница великого Петра склоняла свою голову на руки и плакала холодными, едкими слезами.

– Одна! Одна! Разве его считать?.. – проносился тоскливый шепот в комнате.

И так шли годы, долгие годы...

Но вот уже несколько недель до того момента, с которого начинается наш роман, Анна Ивановна (ее так и величали при дворе «Ивановной») стала неузнаваема: весела, бодра, жизнерадостна.

Какая-то волшебная, чудесная перемена произошла с митавской пленницей-затворницей. Куда девались ее апатия, ее сонливость, ее раздражительность! В самой ее фигуре, рыхлой, склонной к изрядной полноте, появились подвижность, порывистость движений; в глазах засиял блеск еще молодой женщины, мучительно-страстно хотевшей любить и быть взаимно любимой.

В этот тихий, наступивший над Митавой вечер Анна Иоанновна взволнованно ходила по будуару, убранному роскошно, но тяжело, неуклюже. Она то и дело поглядывала на фарфоровые часы «венецейской» работы. Видимо, она кого-то нетерпеливо ожидала.

– Наконец-то! – воскликнула герцогиня, когда дверь будуара тихо растворилась и на пороге появилась фигура высокого, пожилого, но все еще красивого человека.

Это был гофмаршал ее светлости и резидент российского двора Петр Михайлович Бестужев.

Заметная седина уже тронула его волосы, но лицо было моложаво, приятно. Это был тип настоящего русского вельможи-царедворца.

При порывистом восклицании Анны Иоанновны Бестужев еле заметно улыбнулся тонкой царедворской улыбкой, а затем, не торопясь, подошел к герцогине и, целуя руку, спросил:

– Ваша светлость изволили ожидать меня с таким лестным для меня нетерпением?

Анна Иоанновна, с досадой вырвав руку, воскликнула:

– Ах, Боже мой, Петр Михайлович, избавь меня от своих кудреватых фраз! Неужто ты не видишь, что мне не до них!..

Какая-то растерянность, а вместе с тем и ласковость зазвучали в голосе герцогини-вдовы.

Бестужев быстрым взглядом окинул ее фигуру. Анна Иоанновна была одета в красное бархатное платье с массой кружев. Все драгоценности, не слишком многочисленные, были на ней. На пышной, высокой прическе, не шедшей к лицу Анны Иоанновны, ярко переливаясь радужными огнями, горела маленькая герцогская корона.

– О, ваша светлость, сегодня у вас поистине царственный вид! – все с той же иронической усмешкой проговорил Бестужев.

Анна Иоанновна топнула ногой и горделиво откинула голову.

– А разве тебе, Петр Михайлович, неизвестно, что я – царского рода, что я – племянница царя Петра? Или вы все здесь, в этой проклятой Курляндии, забыли об этом? Или я для всех вас только несчастная вдовка какого-то замухрышки-герцога?

Этот взрыв сознания своего высокого положения у безвольной герцогини несколько смутил стареющего вельможу.

«Что с ней? Однако ее сильно захватило новое чувство!..»

Бестужев низко поклонился ей и счел необходимым возразить на слова Анны:

– Ваша светлость, кажется, изволили не точно выразиться, сказав «вы все»... С каких же пор вы причисляете меня к числу ваших недругов?

И Бестужев прямо посмотрел в глаза Анны Иоанновны.

И под этим взглядом она вспыхнула, несмотря на слой румян и белил.

– Так вот... тебе больше, чем кому иному, Петр Михайлович, не приличествовало бы изводить меня, – начала Анна Иоанновна, подходя к Бестужеву и кладя руку на его плечо. – Сейчас, здесь, в этой комнате, мы с тобой *entrevier Augen*, наедине. Зачем же все это лукавство с твоей стороны, зачем эти постоянные «ваша светлость» и «вы изволили»... Ах! – Несчастливая герцогиня, русская царевна, порывисто вздохнула, словно ей не хватало воздуха, словно ее душила затхлая атмосфера герцогского замка старых Кетлеров. – Ах, Петр Михайлович! – бурно продолжала она. – Если бы ты знал, что творится вот здесь, в этом сердце, ты пожалел бы меня! Ты... ты помнишь эту комнату?

Бестужев молча наклонил голову.

– Ты помнишь, что в этой комнате случилось? Я, забыв свое царское происхождение, сделала тебя своим интимным другом...

– Ваша светлость...

– Молчи! Молчи! Дай высказаться, дай излиться сердцу... Ну, да, да! Я приблизила тебя к себе. Почему? Спроси женщину, а не царицу, не царевну, почему она может пойти на это... Ты знаешь, сколько мне пришлось вытерпеть за это от царицы-матушки. О, как она поносила меня в своей опочивальне! И раз я ей сказала: «Лучше бы мне, матушка, девкой простой родиться, чем царевной. Хорошо вам всем говорить, убеждать меня, а побывали бы вы в моей ситуации. Разве жила я? Разве изведала я счастье молодой женщины? Силком меня замуж выдали, мужа лишили, в замок к немцам заточили... Руки, что ли, мне на себя накладывать?»

Высокая, полная грудь Анны Иоанновны порывисто подымалась. Крупные слезы лились из глаз и медленно текли по ее накрашенным щекам.

Что-то глубоко-страшное, трагическое сквозило в фигуре этой женщины, одетой царственно-великолепно, со сверкающей короной, и плачущей холодными, едко-жгучими слезами.

Бестужев вмиг преобразился. Лицо «лукавого царедворца» сбросило маску и стало простым, хорошим лицом. Он порывисто шагнул к своей курляндской повелительнице и голосом,

перехваченным волнением, прошептал:

– Ваша светлость... Анна... зачем вы про это говорите? Оставьте... не надо... не тревожьте меня!.. Ведь все это – кончено, былшем поросло...

Анна Иоанновна склонилась к голове Бестужева и, поцеловав его в лоб, промолвила:

– Так, так, мой хороший, мой милый Петр Михайлович... Я знала, я чувствовала, что ты – не такой, как другие. А говорю я про это потому, что хочется видеть мне в тебе друга моего настоящего. Ты правду молвил: то, что было между нами, окончено. Наваждение ли то было по младости вдовьего положения или что иное – не все ли равно? А теперь... – Анна Иоанновна вновь вспыхнула и тихо добавила: – А только теперь, Петр Михайлович, на тебя надежду мою возлагаю. Ты знаешь, о чем я говорю. Помоги мне! Страшно мне думать, что и ты против меня пойдешь...

И она в каком-то тревожном ожидании уставилась взором на своего бывшего интимного друга – гофмаршала и резидента Бестужева.

– Никогда! – вырвалось у него. – Ах, Анна, Анна, если бы вы знали, какого преданного друга вы имеете во мне! Клянусь вам, что ни кнут, ни Сибирь, ни даже плаха не заставили бы меня изменить вам. И это я вам докажу сегодня же! – Он вынул из кармана золотую «луковицу» и, посмотрев, который час, продолжал: – Сейчас, ваша светлость, я побеседую с вами подробно о том, что живо волнует ваше доброе сердце.

– О нем? О Морице? – живо воскликнула Анна Иоанновна.

– Да, да... Но пока нам необходимо сделать маленькое приготовление.

– Какое?

– Нам необходимо сервировать стол на два лица, при этом надо сделать так, чтобы обойтись без ваших придворных служащих.

– Что это значит, Петр Михайлович? – с удивлением спросила герцогиня.

– Ничего особенного, ваша светлость... Быть может, сегодня вечером, вот сейчас, скоро, явится один нужный для нас человек... Так необходимо по русскому обычаю угостить его хлебом-солью. Кстати, ваша светлость, в ваших погребах имеется добрый, старый польский мед?

– Ты же, голубчик, доставил мне его, – улыбнулась Анна Иоанновна веселой, довольной улыбкой.

– Ну вот и отлично! – весело потер руки Бестужев. – Итак, ваша светлость, не угодно ли вам помочь своему гофмаршалу в чисто хозяйственных приготовлениях?

– А кто прибудет, Петр Михайлович? – спросила заинтригованная Анна Иоанновна.

– Один важный посетитель от него, – уклончиво ответил Бестужев.

Анна Иоанновна, стоявшая у окна, тревожно проговорила:

– Судя по той таинственности, которой ты, Петр Михайлович, облакаешь посещение твоего гостя, я заключаю, что оно должно быть секретным. Но как же этот человек проникнет в замок? Смотри: подъемный мост уже поднят.

Бестужев, улыбнувшись, ответил:

– Не беспокойтесь, Анна: тому человеку дан пароль, и мост спустят для него. Примемся за работу, ваша светлость.

Рядом с «бодоаром» герцогини Курляндской находилась небольшая уютная гостиная. Анна Иоанновна перешла в нее.

Бестужев скрылся и вскоре вернулся с белоснежной скатертью и несколькими бутылками. Он поставил посреди гостиной стол и кратко бросил герцогине:

– Накрывайте, ваша светлость.

И герцогиня и будущая российская императрица, слегка засучив рукава своего богатого бархатного туалета, стала накрывать на стол, как простая камер-фрау.

– Работайте, работайте, ваша светлость, а я пока озабочусь закусками и иными деликатесами, – оживленно продолжал Бестужев.

Вскоре стол был сервирован.

Анна Иоанновна поставила посреди него вазу с ярко-пунцовыми розами.

– Ну а теперь, ваша светлость, давайте побеседуем немного... – начал Бестужев. – Садитесь!

Анна Иоанновна покорно села в вычурное золотое кресло.

– Итак, вы упорно желаете, чтобы принц Мориц Саксонский сделался вашим супругом, приняв курляндскую герцогскую корону? – спросил Бестужев.

– Да, – еле слышно слетело с уст Анны Иоанновны.

– Вы полюбили его, Анна? Но как могло это случиться? Вы видели его мельком у меня...

Герцогиня, передернув плечами, возразила:

– Ну и что ж из того, Петр Михайлович, что только мельком? Он – ты прости меня за откровенность! – сразу завладел моим сердцем, лишь только я увидела его... Такой красивый, смелый, решительный. И потом, истомилась я во вдовстве моем. Посуди ты сам: каково сладко мне живется?... Что такое я? Жена без мужа, герцогиня без настоящей короны, без власти, без силы. А годы идут, мой старый друг, идут неумолимой чередой... И какие годы! Лучшие, молодые уже прошли.

Бестужев, сострадательно поглядев на Анну Иоанновну, произнес:

– Вы, ваша светлость, все говорите, как женщина, а не как лицо из царственного дома... Но мы, дипломаты, царедворцы, должны глядеть несколько глубже, соображаясь с массой побочных обстоятельств.

Анна Иоанновна сделала нетерпеливый жест рукой.

– Одну минуту внимания, ваша светлость! – остановил ее Бестужев. – Дело в том, что лично я сильно сомневаюсь, чтобы ваше пламенное желание могло осуществиться. И, если это дело провалится, вините только свое рождение: все, имеющие право носить горностаевые мантии, – несчастнейшие из всех смертных, так как все их желания зависят не от их воли, а обязаны согласовываться с известными конъюнктурами...

– Я не понимаю тебя, Петр Михайлович! – слегка побледнев, сказала герцогиня.

– Сейчас вы поймете, ваша светлость. – Бестужев налил в стакан золотистого токайского и стал мелкими глотками прихлебывать ароматную, крепкую влагу, продолжая: – Вам, Ан... ваша светлость, отлично известно, что такое представляет собой Курляндия. Это – тот лакомый кусок, на который точат зубы и Речь Посполитая, и Пруссия, и мы – русские. Весь вопрос заключается в том, кто окажется хитрее и за кем этот лакомый кусочек останется.

– Но я-то тут при чем? – негодуяще вырвалось у Анны Иоанновны.

Старый царедворец проснулся в Бестужево. Он вынул золотую, осыпанную бриллиантами, табакерку и, запустив в нос изрядную понюшку душистого табака, продолжал:

– Как «при чем» вы, ваша светлость? Разве вы не знаете, что вы – законный придаток к сему герцогству?

Бешенство исказило грубое, не особенно красивое лицо Анны Иоанновны.

О, эти молнии гнева, бороздившие ее лицо! Как часто потом, когда она сделалась императрицей, устрашали они толпившихся у ее трона.

– Как, как ты сказал: законный придаток? – задыхаясь от злобы, выкрикнула она. – Кто же из меня чучело сделал?

– Ваш дядюшка, ваша светлость, великий император Петр.

Анна Иоанновна схватила серебряный кованный графин и с силой швырнула его в стену, но попала в зеркало, и последнее разбилось вдребезги.

Бестужев вздрогнул.

– Вы суеверны, Анна? – дрогнувшим голосом спросил он.

– О, да!

– В таком случае поздравляю вас: кто-то скоро должен умереть... Дорога вам очищается, но... пока все еще темно... Однако вы, ваша светлость, перебили меня. Я возвращаюсь к курляндским делам. Итак, прошу вас внимательно слушать меня! Дело вкратце заключается в следующем. Побочный сын польского короля Августа Второго, саксонский принц Мориц, с тайного согласия своего отца, домогается и вашей руки, и курляндской короны... Так, ваша светлость?

– Так, Петр Михайлович.

– Теперь ответьте мне: все ли ведомо вам о принце Морице? – Бестужев подошел к Анне Иоанновне и схватил ее за руку. – Все ли ты, Анна, знаешь о нем? – повторил он глухим, вздрагивающим голосом.

Это давно, почти никогда не слыханное «ты» поразило Анну Иоанновну.

– А что... что именно? Какая тайна?

– А то, что ведомо ли тебе... вам, ваша светлость, что этот Мориц – авантюрист, искатель грандиозных предприятий?

Анна Иоанновна схватилась за сердце.

– Знаете ли вы, ваша светлость, – продолжал Бестужев, – что он, этот блестящий, великолепный Мориц Саксонский, уже раз заключил брак по расчету с богатою наследницею Викториею фон Лебен, развелся с ней и теперь – кто знает? – отыскивает, быть может, лишь

более блестящий, выгодный брак?

Анна Иоанновна была бледна как полотно.

– Это жестоко, Петр Михайлович, ты ранишь меня прямо в сердце, – прошептала она.

– Я только предупреждаю вас, ваша светлость, на правах вашего искреннего, любящего вас друга. Слушайте дальше.

Бестужев вынул из бокового кармана толстый, вчетверо сложенный пакет, состоявший из нескольких листов.

– Что это? – спросила Анна Иоанновна.

– Секретнейший указ, ваша светлость, который я получил из Петербурга. Вот его содержание! – ответил Бестужев и начал читать вполголоса: – «Избрание Морица противно интересам русским и курляндским: 1) Мориц, находясь в руках королевских, принужден будет поступать по частным интересам короля, который через это получит большую возможность приводить в исполнение свои планы в Польше, а эти планы и нам, и всем прочим соседям курляндским могут быть иногда очень противны, от чего и для самой Курляндии могут быть всякие сомнительные последствия. 2) Между Россией и Пруссией существует соглашение удержать Курляндию при прежних ее правах; Россия не хочет навязать курляндским чинам герцога из бранденбургского дома; но если они согласятся на избрание Морица, то прусский двор будет иметь полное право сердиться, зачем бранденбургскому принцу предпочтен Мориц? И тогда Курляндия со стороны Пруссии не будет иметь покоя; Пруссия скорее согласится на разделение Курляндии на воеводства, чем на возведение в ее герцоги саксонского принца; 3) Поляки никогда не позволят, чтобы Мориц был избран герцогом Курляндским и помогал отцу своему в его замыслах относительно Речи Посполитой».

Бестужев окончил чтение и посмотрел на Анну Иоанновну.

– Что вы скажете на это, ваша светлость? – спросил он.

– Значит, нет никакой надежды? – с отчаянием в голосе воскликнула герцогиня.

Гофмаршал, сделав какой-то неопределенный жест рукой, произнес:

– Попытаемся... Вы видите сами, ваша светлость, какую трудную партию мне приходится вести ради вас: с одной стороны, мне хочется сделать угодное для вас, с другой – я не должен забывать, что я – резидент ее величества. В Верховном тайном совете решили навязать вам и Курляндии двоюродного брата герцога Голштинского,[7] второго сына умершего епископа Любского. Императрица с этим согласилась.

– Ни за что! – гневно воскликнула Анна Иоанновна, ее лицо покрылось красными пятнами бешенства.

– Но главный ваш враг – это Меншиков, ваше высочество, – продолжал Бестужев. – Знаете ли вы, что он сам метит на Курляндское герцогство?

– Он? Этот презренный раб? – задрожала герцогиня.

– Да, он, ваша светлость. Затем могу сообщить вам еще одну, заслуживающую внимания новость.

– Добивай!.. – растерянно, упавшим голосом вырвалось у Анны Иоанновны.

– Вы, конечно, хорошо знаете Лефорта?[8] – спросил Бестужев.

– Я думаю.

– Так вот представьте, он писал Морицу, что Курляндию можно приобрести еще иным путем: стоит только жениться на Елизавете Петровне...[9]

– Что?! – воскликнула герцогиня.

– То, что вы изволите слышать, ваша светлость, – невозмутимо продолжал Бестужев. – Но этого мало. Лефорт вообще принял на себя роль свата принца Морица. Не угодно ли вам познакомиться с отрывком одного из его писем к Морицу?

И Бестужев вынул из бокового кармана изящную записную книжку.

– А как же... как же, Петр Михайлович, ты ознакомился с содержанием этого письма? – удивилась Анна Иоанновна.

Тонкая, ироническая усмешка пробежала по губам дипломата.

– Мой совет вам, ваша светлость, – ответил он, – никогда не спрашивать дипломатов и царедворцев, как, каким путем они узнают то, что им необходимо знать. Это все равно что – по французской поговорке – говорить в доме повешенного о веревке. Итак, Лефорт настаивает, чтобы Мориц сам приехал в Петербург. – Бестужев, вытащив крошечные листки бумаги, начал читать: – «Вы должны явить собою важную особу, держать открытый дом, устраивать празднества, делать подарки, ибо русские самки любят веселье, что входит в ритуал русской жизни. Осмелюсь также указать вам, что в иных случаях необходима широкая щедрость».

– О! – негодуяще вырвалось у Анны Иоанновны. – «Русские самки»! Ах, он...

И она произнесла слово, не совсем удобное в устах русской царевны и герцогини Курляндской.

Бестужев закашлялся.

– Ну-с, ваша светлость, – через минуту продолжал он, – а вот, что граф Мантейфель спрашивает Лефорта: сколько будет стоить Морицу приобретение симпатии и друзей в наших губерниях? И вот что отвечает Лефорт: «Трудно сказать. Если говорить о Нан – надо уметь, если о Лиз – надо знать».[10]

– Что это за «Нан»? – спросила Анна.

– «Нан»? Это – вы, ваша светлость, «Анна», – ответил Бестужев, – а «Лиз» – это Елизавета Петровна. Я не буду далее читать вам это интереснейшее письмо, а скажу только следующее: Лефорт пишет, что взять Елизавету будет стоить дороже, чем вас, а если вообще похерить вопрос о Елизавете, то, безусловно, лучше и выгоднее предпочесть вам дочь Меншикова.

Анна Иоанновна, дрожа от волнения, подошла к окну и резким движением распахнула его.

– О! – простонала она. – Какой ужас, как все это низко, гадко!.. – Теплый ветер, ворвавшись в комнату, заиграл пламенем свечей в канделябрах и пышной прической царственной пленницы. – Ты прав, ты прав, Петр Михайлович, – продолжала она, – горе тем, кто носит горностаевые мантии!.. Сколько дрызг, хитрых интриг сплетается клубком вокруг них!..

Бестужев, подойдя к герцогине, произнес:

– Не сердитесь на меня, Анна... ваша светлость, за то, что я раскрыл вам все это. Я не

считал себя вправе держать вас во тьме неведения.

– Сердиться? На тебя? Бог с тобой! – воскликнула Анна Иоанновна. – Я тебя благодарить должна, Петр Михайлович. И знай: если это случится – ты будешь первым из первых. Ну, чем я виновна, что он понравился мне? Разве я – не женщина? Разве я могу заказать моему сердцу: молчи, не рвись, потому что ты – царица, герцогиня...

Резкий свист донесся из глубины парка.

Бестужев захлопнул окно.

– Что это? – отшатнулась Анна Иоанновна.

– Идите в ваш «бодоар», ваша светлость! – ответил резидент. – Тот человек, которого мы ждем, прибыл. Это его сигнал.

Бестужев довел Анну Иоанновну до будуара, а затем быстро вышел.

II. Тайное свидание Морица Саксонского с Анной Иоанновной

Анна Иоанновна, опершись на высокую спинку кресла, застыла в каком-то безмерно-жутком немом ожидании.

«Кого это он пригласил? Кто этот таинственный гость?» – проносилось в голове герцогини, вконец измученной тяжелым разговором с Бестужевым.

Дверь будуара распахнулась.

Первым вошел Бестужев, за ним порывистой походкой высокий, стройный человек, закутанный в черный плащ.

Анна Иоанновна вздрогнула. Мысль, что ее, быть может, пришел убить какой-нибудь наемщик, пронизала все ее существо.

– Ваша светлость! – торжественно возгласил Бестужев. – Как гофмаршал вашего двора, я принял смелость пригласить сюда для совещания его высочество принца Морица Саксонского.

Прибывший сбросил с себя плащ.

Вздых облегчения и радости вырвался из груди Анны Иоанновны.

– Ах, ваше высочество... вы?! – воскликнула она.

А высокий, красивый, в раззолоченном мундире Мориц Саксонский опустился перед ней на одно колено и осторожно-почтительно поднес ее руку к губам.

– О, ваша светлость! Сегодняшний вечер – счастливейший в моей жизни: я вижу вас... – пылко произнес претендент на Курляндское герцогство.

В этой чрезмерной порывистости чувствовалось больше театральности, поддельной аффектации, чем истинного рыцарства.

Но не Анне Иоанновне, взволнованной радостью неожиданного свидания и вообще, по

свойству своей грубоватой натуры, не понимавшей тонкостей, было понять, подметить это.

Она низко склонилась к Морицу и вопреки этикету горячо поцеловала его в лоб.[11]

Бестужев кашлянул и вмешался в эту «трогательную встречу».

– Ваше высочество! Вы вооружены с ног до головы? Эти пистолеты... – резидент указал на шарф мундира Морица, за который были заткнуты два пистолета.

Побочный сын короля Августа II вспыхнул.

– Что делать, ваше превосходительство, если здесь, в Митаве, на своего будущего герцога собираются охотиться, как на вепря или дикого кабана, – раздраженно вырвалось у него.

– Как? – всколыхнулась Анна Иоанновна. – Вы, ваше высочество, подвергаетесь здесь такой опасности?

Тревога влюбленной женщины зазвучала в голосе герцогини.

– Да, да, ваша светлость! – ответил Мориц. – Вам должно быть известно, какое сильное противодействие встречает в Петербурге мое желание сделаться герцогом Курляндским. А вы знаете, что в политике все средства хороши и допустимы, раз они ведут к определенной цели. Поэтому мне приходится быть зорким, охраняя свою жизнь.

И Мориц Саксонский, этот гениальный политический авантюрист с «нечистой царственной кровью», горделиво откинул голову назад.

Анна Иоанновна совсем простодушно залюбовалась им.

– Я полагал бы, ваша светлость, что его высочеству не мешало бы подкрепить свои силы бокалом доброго старого польского меда или золотистого токайского? – обратился к своей повелительнице хитроумный гофмаршал Бестужев.

– Ах, да, да! Спасибо тебе... вам, Петр Михайлович, что вы напомнили мне о моих обязанностях гостеприимной хозяйки, – засуетилась Анна Иоанновна. Она повернулась к изящнейшему принцу Морицу и с попыткой на кокетство спросила: – Вы не откажетесь, ваше высочество?

Мориц, прижав руку к сердцу, произнес:

– Но только с одним условием, ваша светлость...

– С каким же?

– Чтобы я, ваш скромный рыцарь, удостоился высокой чести выпить первый кубок из ваших рук! – с пафосом, низко склоняясь, воскликнул Мориц.

Бестужев налил два кубка меда.

– А себе? – бросила ему герцогиня.

– Там, где племянница императора изволит чокаться с сыном короля, кубку простого смертного, не августейшего, нет места, – почтительно склонился Бестужев.

И, если бы Анна Иоанновна была чуть-чуть пронциательнее, она заметила бы ироническую усмешку, тронувшую углы губ ловкого царедворца.

Бестужев скрылся за портьерой.

Анна Иоанновна протянула кубок Морицу.

– За что же мы выпьем, ваше высочество? – взволнованно спросила она.

– А как бы вы думали, ваша светлость? – дрогнувшим голосом ответил он вопросом на вопрос и впился долгим, пристальным, горящим взглядом в лицо герцогини.

Та сомлела. И бесконечно жутко стало «Измайловской» царевне, герцогине Курляндской, и бесконечно сладостно.

«Ах, этот взгляд!.. Как он глядит на меня!» – все так и запело и заликовало в ней.

А лицо чужеземного, сказочного «принца» все ближе и ближе склонялось к ней, а голос, бархатный, нежный, так и лился в душу.

– Вы молчите, ваша светлость? Хорошо, я дерзну сказать вам, за что я подымаю мой кубок. Слушайте же, царица моей души!.. Вы держитесь рукой за одну часть герцогской короны, но другая часть этой короны свободна, она как бы висит в воздухе. И вам одной тяжело держать ее. Правда?

– Правда... – еле слышно слетело с уст Анны Иоанновны.

– Вы задыхаетесь здесь? Да?

– Да...

– И вот является к вам человек, которому день и ночь снится ваш дивный образ. Этот человек говорит вам: «Вам не следует самой держать корону над собой; надо, чтобы другой держал ее над вашей прелестной, царственной головкой. Позвольте, чтобы я облегчил вашу работу...» Скажите, ваша светлость, что вы ответили бы этому человеку?

Рука Анны Иоанновны, державшая кубок, сильно дрожала.

– Я... – с трудом выжимая из себя слова, начала она. – Я... сказала бы этому человеку: «Что ж, помогите мне, поддержите корону надо мной!»

– А?! Так?! Ну, в таком случае я гордо, смело поднимаю мой кубок за наше совместное счастье! О, Анна, Анна!

Ликующий возглас пронесся по небольшой гостиной мрачного кетлеровского замка, и Мориц, залпом осушив кубок меда, бросился к племяннице великого Петра и с силой прижал ее к своей груди.

Бешеным градом посыпались поцелуи на ее лицо, ее грудь, ее открытые руки.

– Моя! Моя! Моя невеста, моя будущая герцогиня Курляндская. *Le duc Frederick Wilhelm est mort vive le duc Moritz de Saxe!*[12] – пылко произнес Мориц.

– Милый мой... милый... – лепетала словно в бреду Анна Иоанновна. – Я все ждала принца, который пришел бы ко мне, скучающей затворнице, и вызволил бы меня из постылого заключения. И вот явился ты, такой гордый, сильный, смелый...

Портьера зашевелилась.

– И я смело отдаю тебе мою руку! – горячо сказала герцогиня. – Мой Мориц, мой долгожданный жених!..

Портьера распахнулась, и в гостиную вошел Бестужев.

Анна Иоанновна высвободилась из объятий Морица Саксонского. Ее лицо пылало румянцем счастья. Она со счастливой улыбкой подошла к своему гофмаршалу и прерывистым от волнения голосом радостно проговорила:

– Поздравь нас, Петр Михайлович!

За нею подошел и Мориц.

– Да, да, наш добрый, верный друг, – сказал он, – все кончено: вы видите перед собою жениха и невесту, Бестужев.

Лицо резидента и гофмаршала было бесстрастно. Ни один мускул не дрогнул на нем.

– Ваше высочество, сейм еще не состоялся... Еще неизвестно его решение, – спокойно произнес он.

Анна Иоанновна отшатнулась. Краска гнева бросилась ей в лицо.

– Петр Михайлович! Ты забываешься! О чем ты говоришь? При чем тут сейм, раз я, я желаю этого?! – воскликнула герцогиня и гневно топнула ногой.

– Увы, ваша светлость, вы не вольны избирать кого бы то ни было в герцоги Курляндские, – усмехнулся Бестужев.

– Но ведь завтра все это решится, ваше превосходительство, – смутился Мориц. – Позвольте, разве к вам не явился генерал-кригс-комиссар литовского войска Карп с веряющим письмом от литовского гетмана Потоя к курляндским обер-ратам?

– Да, он был у меня.

– Так в чем же дело? Разве обер-раты пойдут против ясно определенных инструкций?

– Не пойдут, ваше высочество, – невозмутимо продолжал Бестужев. – Я, со своей стороны, сделал все возможное... Более того, я не сомневаюсь, что завтра сейм провозгласит вас своим герцогом. Но... – Бестужев, глядя в упор на Анну Иоанновну, dokonчил: – Но не забывайте Петербурга, не забывайте Меншикова.

– Я усмирю этого подлого раба! – гневно воскликнула герцогиня-царевна.

– Предостерегаю вашу светлость: пока он – всемогущ, – уклончиво ответил Бестужев.

Анна Иоанновна хотела что-то ответить, но вдруг ее бриллиантовая корона, прикрепленная к высокой, пышной прическе, сорвалась и упала на пол.

Мориц бросился поднимать ее, но был предупрежден Бестужевым. Последний поднял корону и подал герцогине.

Суеверная Анна Иоанновна побледнела как полотно.

– Что это... что это должно означать?.. – тихо, упавшим голосом прошептала она.

– О, моя дорогая невеста, не придавайте слишком большого значения этому ничтожному факту! – пылко воскликнул Мориц Саксонский.

– Разумеется, разумеется, – поддакнул Бестужев. – Голова вашей светлости не может остаться без короны.

Анне Иоанновне, выпившей два кубка, вино бросилось в голову.

– Я знаю, что за мной многие бегают, но я хочу сама распоряжаться своей судьбой! – резко произнесла она. – Мне не нужно ваших ставленных женихов...

– Ваша светлость... – строго произнес гофмаршал.

– Да, да, да! Ты слышишь это, Петр Михайлович?! – уже грозно, бешено dokonчила герцогиня.

В дверь гостиной раздался стук. На секунду все как бы оцепенели.

– Кто это?.. – первая спросила герцогиня.

Бестужев спокойно вошел в будуар Анны Иоанновны и вышел оттуда с черным плащом Морица Саксонского.

– Наденьте его на себя, ваше высочество, закутайтесь в него хорошенько, – тихо по-французски произнес Бестужев, подавая плащ Морицу. – Иногда бывают случаи, когда инкогнито лучше открытого забрала. А выйти вам отсюда некуда.

Претендент на курляндский престол быстро задрапировался в плащ, опустив капюшон на лицо.

Бестужев подошел к двери, в которую стучали, и настежь раскрыл обе ее половины.

На пороге стояла гофмейстерина ее светлости Анны Иоанновны баронесса Эльза фон Клюгенау, красивая, уже пожилая женщина с хищным и хитрым выражением лица.

– Что вам надо? – несколько взволнованно и грубо бросила своей придворной по-немецки Анна Иоанновна.

– Приношу тысячу извинений вашей светлости, что осмеливаюсь беспокоить вас, но господин обер-камер-юнкер Бирон домогается видеть вас по важному делу, – быстро проговорила гофмейстерина.

Анна Иоанновна недовольно сдвинула брови; Бестужев закусил губу.

– Что ему надо? – неудачно вырвалось у ее светлости.

– Обер-камер-юнкер двора вашей светлости не считает меня в числе своих конфиденток и потому не поверяет мне сущности разговоров с вашей светлостью, – запутанным немецким периодом злобно-торжествующе ответила придворная герцогини Курляндской, а взгляд ее быстрых, острых глаз не сходил с задрапированной черной фигуры.

– Так в чем же дело, ваша светлость? – встал Бестужев. – Если Бирону надо что-либо сообщить вашей светлости, пусть он войдет. Просите его, любезная баронесса! – властно отдал он приказ гофмейстерине, захудалой вдове одного из митавских баронов.

Через секунду в гостиную вошел среднего роста, склонный к полноте человек в придворном мундире. Его лицо нельзя было назвать красивым, за исключением глаз, в которых сверкали какая-то скрытая внутренняя сила и, главное, поразительная самоуверенность.

Его движения были ловки, смелы, едва ли не повелительны. Несмотря на то, что в нем не виднелось ни йоты аристократизма, «породы», он как-то невольно привлекал к себе внимание.

– Очевидно, произошло что-либо чрезвычайно важное, любезный Бирон, если вы дерзнули утруждать ее светлость в такой неурочный час? – Бестужев выпрямился во весь рост перед

своим ставленником.[13]

Бирон, низко поклонившись герцогине, с улыбкой посмотрел на Бестужева и ответил:

– Вы не ошиблись, ваше высокопревосходительство... Но, разумеется, если бы я знал, что у ее светлости находится ее гофмаршал, я не минул бы вас за разрешением предстать перед ее светлостью.

Бирон говорил с сильным акцентом.

– И сделали бы хорошо, мой милый Бирон, так как у ее светлости находится доктор. Ее светлость нездорова.

– Что вы хотели... – начала было герцогиня.

Но Бирон фамильярно перебил ее:

– Ах, ваша светлость, у вас доктор? Благодарите судьбу!

– Послушайте, Бирон!.. – вспыхнул Бестужев.

– Ах, оставьте, ваше высокопревосходительство! – все так же преувеличенно громко и развязно продолжал обер-камер-юнкер. – Во-первых, моя уехавшая сестра шлет вам свой поклон, а во-вторых, я продолжаю настаивать, что я чрезвычайно рад, что у ее светлости находится доктор.

При словах «моя сестра шлет вам поклон» Бестужев изменился в лице.[14]

– А... а на что вам понадобился доктор? – быстро оправился от еле заметного волнения резидент и гофмаршал.

– Дело в том, ваша светлость, что ваша любимая лошадь Маркиза Помпадур серьезно захворала. Зная, как вы, ваша светлость, любите ее, я решил потревожить вас в столь поздний час. Но, может быть, это к лучшему? Может быть, присутствующий здесь доктор не откажет в милосердии бедному животному?

Мориц вскочил. Край его плаща распахнулся и обнажил блестящий мундир.

– Наглец! – загремел Мориц. – Если ты – конюх, так ты должен знать, что животных лечат не те доктора, которые лечат людей.

Бирон смертельно побледнел и отшатнулся.

Это слово «конюх», случайно вырвавшееся у принца и брошенное прямо в лицо обер-камер-юнкеру, было равносильно для того удару хлыста, потому что Бирон (Бирен) не мог похвастаться знатностью происхождения: Он был сын низшего служащего при дворе прежних Кетлеров.

– За подобное оскорбление вы дадите мне сатисфакцию! – перехваченным от бешенства голосом прохрипел Бирон.

– Я?! Тебе? Да ты, любезный лошадиный, с ума сошел! – расхохотался Мориц, но вдруг спохватился и повернулся к герцогине: – Простите, ваша светлость, что в вашем высоком присутствии я позволил себе произнести несколько резких слов по адресу этого шута. Но его нахальство взорвало меня.

Бирон не сводил горящего гневом взора с лица Анны Иоанновны. А та совсем растерялась, не зная, что ей делать, как поступить.

Эту тяжелую сцену окончил Бестужев. Он заявил:

– Я, как гофмаршал двора ее светлости, принимаю на себя миссию выяснить завтра же для обоюдного соглашения то печальное недоразумение, которое только что произошло. А пока, опять-таки как гофмаршал, я хочу напомнить, что в настоящую минуту ее светлость нуждается в покое. Доктор, мы можем отправиться с вами вместе. До свидания, господин Бирон, завтра мы увидимся.

Бирон, никому не поклонившись, вышел из гостиной.

Бестужев направился в будуар герцогини.

– Следуйте за мною, ваше высочество, – тихо шепнул он принцу и скрылся в будуаре.

Мориц порывисто обнял Анну Иоанновну.

– Итак, дорогая Анна, все кончено? Вы согласны быть моей женой? – спросил он.

– Да!.. – счастливым шепотом вырвалось у герцогини.

– О, в таком случае я буду гордо и смело бороться за корону! Знаете ли вы, какие силы таятся во мне, как я безумно горд и честолюбив, как владею шпагой и какой я великий полководец?

– Ваше высочество, пора!.. – послышался голос Бестужева из будуара.

– Прощайте, Анна, моя дорогая невеста, нет, нет: до свидания! – воскликнул Мориц.

Когда он вместе с Бестужевым ушел, у Анны Иоанновны вырвалось восклицание:

– Наконец-то счастье улыбается и мне!..

III. Черные тучи

Митава ликовала.

Последнее заседание сейма ознаменовалось событием огромной важности: подавляющим большинством голосов был избран новый герцог, и этим герцогом стал граф Мориц Саксонский.

Тихие, буколические улицы и площади старонемецкого городка расцвели яркой иллюминацией.

– Да здравствует герцог! Да здравствует герцогиня! – неслись по улицам громкие возгласы.

Почти ни для кого в Митаве не являлось секретом, что, получив курляндскую герцогскую корону, Мориц возьмет за ней и ее приданое: вдовствующую герцогиню Анну Иоанновну.

Когда эти возгласы толпы ворвались в окна мрачного герцогского замка, Анна Иоанновна задрожала от радостного волнения.

– Он победил! Он победил, мой красивый, блестящий принц Мориц! Где же он? Что же он не едет ко мне?

Анна Иоанновна, эта тучная, рыхлая женщина, словно по волшебству преобразилась. Она бегала по анфиладе комнат своего замка-темницы и возбужденно шептала:

– А где же Петр Михайлович? И он не едет. Да что они все, с ума посходили, что ль? – Она набросилась на свою гофмейстерину Эльзу фон Клюгенау. – Милая баронесса, вы слышите эти клики?

– Да, ваша светлость...

– А знаете ли вы, милая, что это значит?

– Избрание нового герцога, ваша светлость, – еле заметно усмехнулась придворная дама.

– И только? – гневно вспыхнула Анна Иоанновна. – Вы ошибаетесь, любезная. Это означает и избрание народом мне супруга.

Это нетактичное, более чем странное в устах герцогини и русской царевны восклицание повергло в изумление чопорную немку.

– О! – только и вырвалось из ее уст, сложенных бантиком.

– Да, да, да! – все более и более ажитировалась Анна Иоанновна, закусывая, по русской натуре, удила. – Знаете, баронесса, что скоро у вас будет новый повелитель: принц Мориц Саксонский, герцог Курляндский, мой муж?

Непритворная радость осветила лицо пожилой красавицы гофмейстерины.

– Ваша светлость!.. – воскликнула она. – Какое счастье! Позвольте мне, вашей нижайшей слуге, принести вам мое почтительнейшее поздравление!

И баронесса Эльза фон Клюгенау схватила руку Анны Иоанновны и прижала ее к своим губам.

Герцогиня была растроганна:

– Спасибо... Я, откровенно говоря, не полагала, что вы так любите меня...

Анна Иоанновна совсем размягчилась, слезы выступили на ее глазах. И в эту минуту она готова была всех обласкать, всем сделать приятное.

Вдруг она вспомнила о Бироне, которого вчера так резко «саданул» ее будущий супруг. Она помимо своей воли вспомнила те «шаловливые шутки», которые она позволяла себе со своим молодым обер-камер-юнкером.

– А где Эрнст Бирон? – спросила она гофмейстерину. – Позовите его сюда, любезная баронесса.

– Его нет в замке, ваша светлость, – угрюмо ответила Клюгенау, и ее лицо сразу потемнело.

А где же он?

– Я слышала, что он поехал к обер-гофмаршалу.

– А-а!.. – протянула Анна Иоанновна. – Пойдите, пойдите, баронесса, что это вы плачете? Что с вами? Да неужели... – У Анны Иоанновны словно сразу открылись глаза. Она привлекла придворную к своей широкой груди и ласково спросила: – Вы любите Эрнста?

Лицо Клюгенау покрылось густым румянцем.

– Говорите же, отвечайте на мой вопрос! – продолжала допрос Анна Иоанновна.

– Да, ваша светлость, я люблю Бирона, – призналась гофмейстерина.

«Так вот оно что! – с усмешкой подумала про себя счастливая герцогиня. – Этот хват Бирон успел влюбить в себя эту стареющую немецкую «божью коровку»... То-то она частенько так злобно поглядывает на меня!»

– Ну, что же, милая баронесса, хотите, я буду вашей свахой? – рассмеялась Анна Иоанновна.

– Ах, нет, нет, ваша светлость! – в испуге замахала Клюгенау руками. – Если этому суждено быть, пусть это совершится само собой. Вы не знаете, ваша светлость, какой это настоящий мужчина!

– Что же значит «настоящий мужчина»? – уже громко расхохоталась Анна Иоанновна.

– Он такой сердитый... властный... он – лев... – сентиментально закатила глазки придворная дама герцогини Курляндской. * * *

После свадьбы дочери Петра Михайловича Бестужева, красавицы Аграфены Петровны, вышедшей замуж за князя Никиту Федоровича Волконского, уныние и пустота воцарились в его дворце. Но в последние дни дворец резидента стал неузнаваем. Какая-то лихорадочно-суетливая жизнь была в нем ключом. То приезжали курьеры, по-видимому, с весьма важными донесениями, то прибывали влиятельнейшие обер-раты во главе с маршалом. Помещение Бестужева в эти дни походило на штаб-квартиру главнокомандующего.

Бестужев нервно расхаживал по кабинету.

Избрание Морица Саксонского герцогом Курляндским совершилось.

Для Бестужева это не явилось неожиданностью, потому что он более, чем кто-либо иной, был в курсе выборов и сам активно помогал этому. Но теперь, когда это совершилось, неясное, но властное предчувствие какой-то грядущей беды и неприятностей закрадывалось в душу ловкого, хитрого царедворца.

– А как взглянут на это там, в Петербурге? – шептал он, схватываясь по привычке за голову.

Сегодня у Бестужева уже побывал Мориц.

Новоизбранный герцог шумно благодарил его за «содействие» и обещал никогда не забыть этой услуги.

– Мы встретимся с вами, Бестужев, у Анны сегодня вечером, – смеясь, проговорил Мориц на прощание.

Бестужеву подали записку. Он распечатал конверт.

«Мой милый Петр Михайлович! Что же ты не торопишься ко мне?.. При всей важной okazji желательно и любезно бы для меня было видеть в моем замке моего гофмаршала».

Бестужев в раздражении скомкал и бросил на пол записку.

– Дура! Эк как обрадовалась!.. Точно простая старая дева, выскакивающая замуж... Вдова... соскучилась, расторопилась, подумаешь, горемычная...

В дверь постучали.

– Войдите! – гневно крикнул Бестужев.

В кабинет быстрой, уверенной походкой вошел Бирон.

При виде своего ставленника ко двору светлейшей герцогини озлобление резидента еще более усилилось.

– А-а... Это вы, Эрнст Иванович? – сухо проговорил он.

– Как видите, господин обер-резидент и обер-гофмаршал! – с насмешкой в голосе ответил выскочка, сын придворного конюха, непостижимым образом обратившийся в обер-камер-юнкера. – Вы, кажется, не в духе? Это меня удивляет: в Митаве ликование, целое море огней – и вдруг тот, кто способствовал всему этому, мрачнее тучи. Donner-wetter! Was soll das bedeuten, Excellenz?[15]

– Что это за тон, который вы приняли в последнее время? – затопал ногами Бестужев. – Теперь уж я спрошу вас: что должно это означать?

– Только одно: я чувствую под собой твердую почву.

– И... и давно вы стали чувствовать ее, любезный Бирон?

– С тех самых пор, как вы, ваше превосходительство, породнились со мной через мою сестру секретным браком, а главное – с тех пор, как вы затеяли вашу двойственную игру с Петербургом по поводу «курляндского дела».

– Бирон! – бешено вырвалось у Бестужева.

– Господин резидент! – в тон ему ответил Бирон.

Они встали друг против друга, словно два смертельных врага, измеряющие свои силы, готовые к прыжку друг на друга.

– То есть как это: я вмешался в «курляндское дело»? – первым нарушил тягостное молчание Бестужев. – Не сошли ли вы с ума, мой любезный друг Эрнст Иванович?

– Нисколько.

– Как же я, резидент ее величества, мог бы обойтись без вмешательства в это дело, во главе которого я стою? – спросил Бестужев.

Бирон насмешливо улыбнулся:

– Вы правы, Петр Михайлович, но вы только одно упустили из виду: нельзя в одно и то же время быть и строгим резидентом-дипломатом, свято отстаивающим интересы русского двора, и обер-гофмаршалом вдовствующей герцогини, изнывающей по отсутствию постоянного супруга.

Слова «постоянного супруга» Бирон резко подчеркнул и насмешливо поглядел на своего покровителя.

«Ого! Этот «конюх» действительно зазнался», – подумал Бестужев.

А «конюх» невозмутимо продолжал:

– Слушайте меня внимательно, Петр Михайлович. Да будет вам известно, что все «митавское действие» известно мне досконально, до последнего шнура на запечатанных конвертах курьеров.

– В самом деле, мой милый? – насмешливо бросил Бестужев, изменяясь помимо своей воли в лице.

– Да, да, уверяю вас, ваше превосходительство!

– Виноват, Эрнст Иванович, – вдруг круто перебил Бирона Бестужев. – Ответьте мне только на один вопрос с той откровенностью, на какую я, кажется, имею право: вы-то, вы почему так близко интересуетесь и принимаете к сердцу это «курляндское дело»?

На секунду в кабинете воцарилось молчание.

– Хорошо, я вам отвечу прямо и откровенно, – произнес наконец Бирон. – Я потому против всего этого, что не хочу никому – понимаете, никому! – отдать Анну.

Это признание было до такой степени неожиданным и дико-странным, что Бестужев буквально замер в немом изумлении.

– Что? Что вы сказали, Бирон? – не веря своим ушам, пролепетал пораженный резидент. – Вы здоровы? В своем уме?

Бирон расхохотался:

– Совершенно здоров! А если бы и был болен, то во всяком случае не обратился бы к тому доктору, которого вы изволили вчера привести к ее светлости. Я ведь знаю, что это за лечитель телесных недугов, ха-ха-ха! С ним я сведу счеты, будьте уверены!..

– Ах, вы знаете? Это делает честь вашей проницательности и исключает всякую возможность сведения между вами каких-либо счетов, – пробормотал совсем сбитый с толку Бестужев.

– Это почему же? – надменно выпрямился «конюх». – Не потому ли, что он – не то граф, не то принц? Но, дорогой Петр Михайлович, не забывайте, что этот граф-принц не настоящей крови и что таких господ величают...

Резкое, отвратительное слово прозвучало в кабинете русского вельможи.

– Вы забываетесь, Бирон! – вспыхнул Бестужев. – Всему есть предел.

– Совершенно верно, ваше превосходительство, – невозмутимо продолжал Бирон. – И первое, чему должен быть положен немедленно предел, – это неуместному и чрезмерному ликованию Митавы по поводу кукольного избрания этого авантюриста Морица герцогом. Смотрите, Петр Михайлович, как бы для вас это не явилось равносильным смертному приговору.

– Как так? – привскочил на кресле Бестужев.

– Очень просто. В то время как в Митаве происходит ликование, возжигаются иллюминации, к Митаве приближаются два неожиданных гостя. Из Варшавы едет Василий Лукич Долгорукий, а к курляндской границе подъезжает сам светлейший Александр Данилович Меншиков.[16]

Бестужев вскочил так порывисто, что кресло отлетело в сторону.

– А вы... вы откуда же это знаете? – дрогнувшим голосом спросил он.

Бирон, насмешливо поведя плечами, ответил:

– У меня, ваше высокопревосходительство, есть друзья, которые сообщают мне интересные новости. Ну-с, теперь вы сообразите сами: для чего сюда едут два посланца ее величества Екатерины Алексеевны, один из которых – сам всесильный Меншиков? Для того, вы

полагаете, чтобы приветствовать избрание Морица Саксонского? Так вот я и спешил к вам, чтобы предупредить вас о тех черных тучах, которые сгущаются над Митавой и отчасти над вашей головой.

– И это... это верно?

– Вы можете ждать появления Долгорукого или извещения от светлейшего каждую секунду, – резко произнес Бирон. – Мой совет вам: немедленно отдайте распоряжение о прекращении иллюминации и народного ликования; помните, что все это учтется вам!

Бестужев позвонил и отдал краткий приказ:

– Тушите огни! Чтоб ни одна плошка не освещала моего дворца...

И вскоре дворец русского резидента стоял большой черной массой.

– Если все это подтвердится, Эрнст Иванович, я буду считать себя вашим должником, – взволнованно проговорил Бестужев.

– Мы еще сочтемся, Петр Михайлович... Я просил бы вас только об одном: не становиться на моем пути.

Наступило молчание.

– Вы, вот, Эрнст Иванович, – заговорил Бестужев, – только что сказали одну фразу, смысл которой для меня не ясен, туманен: «Я не хочу никому отдать Анну». Так?

– Так!

– Что должна означать эта фраза? Сейчас мы наедине, мы можем говорить откровенно, – продолжал Бестужев.

– Извольте, я сам не люблю играть в прятки. Для вас, Петр Михайлович, кажется, не должно бы быть секретом, что ее светлость, Анна Иоанновна, подарила меня своею благосклонностью... Припишите это чему угодно: моей ловкости или ее скуке – но факт остается фактом.

Бестужев изменился в лице и закусил губу.

Бирон заметил это.

– Вы, может быть, осуждаете меня за то, что я оглашаю тайну, какую обыкновенно не принято говорить даже на исповеди священнику? – спросил он. – Но, во-первых, вы сами настаивали на полной откровенности, а во-вторых, мы – не просто мужчины, а люди придворные, которым разрешено делать такие ходы, какие не дозволяются простым смертным.

«Ловкий он, ох ловкий!» – проносилось в голове Бестужева.

– Итак, это совершилось, – продолжал между тем Бирон. – В том, что вы знаете это, не может быть сомнения. Лучшим доказательством служит ваше письмо к вашей дочери Аграфене Петровне Волконской.

– Как?! Вы и это знаете?

– Знаю. Хотите, я вам на память скажу начало его? «Я в несносной печали; едва во мне дух держится, потому что через злых людей друг мой сердечный от меня отменился, а ваш недруг (Бирон) более в кредит остался».

– Как вы узнали содержание этого письма? – глухо спросил Бестужев.

– А не все ли это вам равно, Петр Михайлович? Только вы одну ошибку допустили: я – вовсе не ваш недруг, а друг, а вот по отношению ко мне-то вы разные интриги пробуете подпускать.

Бестужева передернуло.

– Итак, я не хочу отдавать то, что мне принадлежит! – опять надменно выпрямился Бирон. – Вы извините меня, но это только русские дур... глупые люди глядят спокойно и хладнокровно, как мимо их рта проносят ложку.

– И конечная цель вашего домогательства? – прищурился Бестужев, играя лорнетом.

– Она так высока, что вы, donner-wetter, даже не поверите мне! – потер руки Бирон.

Бестужев с нескрываемым удивлением глядел на тайного фаворита ее светлости.

Бирон подошел и заглянул во все двери кабинета.

– Что это вы делаете, Бирон? – спросил резидент.

– Иногда и двери имеют уши, ваше превосходительство, – прошептал «конюх», а затем, подойдя вплотную к Бестужеву и в упор глядя на него, продолжал: – Скажите, Петр Михайлович, вы верите в тайные науки магов и чародеев?

Бестужев усмехнулся:

– Вы положительно решили сегодня изводить меня загадками, любезный Эрнст Иванович.

– Однако вы не пожалеете о сегодняшнем вечере... Итак, верите вы или нет?

– Нет! – решительно ответил Бестужев.

– Напрасно! Смотрите на мою руку. Этой руке было предсказано, что она будет поддерживать корону. Что вы скажете на это, Петр Михайлович?

Ироническая улыбка тронула губы Бестужева.

– Скажу, что это предсказание в некотором отношении исполнилось, – ответил он. – Вы очень близко стоите к особе, на голове которой находится герцогская корона.

Бирон, отрицательно покачав головой, возразил:

– Этого мало.

– Я вас тогда не понимаю: о какой же еще короне говорите вы?

Бирон склонился к самому уху резидента и тихо прошептал:

– Я говорю о короне императорской!

Бестужев вздрогнул и, во все глаза поглядев на Бирона, воскликнул:

– Что?

– Да, да... именно о короне императорской.

– И будете поддерживать ее вы?

– Я.

– Но чью же?

– Императорскую корону Анны Иоанновны.

Бестужев встал в раздражении:

– Я совершенно не понимаю, Бирон, почему у вас явилось желание мистифицировать меня. То, что вы говорите, отзывается, простите, бредом.

– Вы так полагаете?

– Да, я так полагаю! – резко ответил вконец измученный Бестужев.

– Ну, так слушайте же меня внимательно!

Бирон начал вполголоса что-то долго и подробно говорить Бестужеву, и по мере того, как говорил Бирон, все большее и большее изумление отражалось на лице резидента.

– Да, да, там еще, в Москве, на коронации.

– Кто же он?

– Великий магистр, Джиолотти... Он был проездом... Я виделся с ним...

И опять Бирон стал объяснять чудесную тайну своего открытия.

Бестужев утирал пот со лба шелковым платком.

– Великий Боже... если это правда?.. – глухо произнес он, и смертельная тревога послышалась в его голосе. – Слушайте, Бирон, а это – не шарлатан?

– Нет, Петр Михайлович, он – ученейший человек. Перед ним бледнели многие сильные мира сего...

Бестужев делал все усилия, чтобы овладеть собой.

– Ну, хорошо, допустим! – произнес он. – Он, этот великий магистр, предсказал вам блестящую будущность. Но при чем же тут непременно Анна? Разве вы – раз вам это суждено – не можете играть такую же выдающуюся роль при другом русском венценосце? Ведь он, ваш Джиолотти, именно про Анну вам не говорил?

– Совершенно верно. Но вы отлично понимаете, что ни при ком ином, кроме Анны, мне не суждено возвыситься на такую ступень власти, – бросил Бирон. – А если вы сомневаетесь в этом, то ведь не так трудно проверить еще раз все это.

– Каким образом? – живо спросил Бестужев.

– Очень простым: я выпишу этого Джиолотти из Италии сюда, к нам. Конечно, это будет сопряжено с большими деньгами, но что они в сравнении с тем великим будущим, которое нас ожидает?

Слово «нас» Бирон особенно подчеркнул.

– Нет, нет! Этого быть не может! – схватился за голову Бестужев. – Это пахнет волшебной сказкой, – по-немецки вырвалось у него.

Он не видел лица Бирона, а оно было злоторжествующее и особенно вызывающее.

IV. Царевна и «презренный раб»

На следующее утро Бестужев, сильно взволнованный, вошел, по обыкновению, без доклада к Анне Иоанновне.

– Что это означать должно, Петр Михайлович, что вы все меня покинули? Я скучала одна, – стала пенять герцогиня.

– Теперь не до скуки, ваше высочество, – раздраженно вырвалось у резидента.

Анна Иоанновна, испуганно поглядев на него, спросила:

– Что такое опять? Что случилось?

– Более чем серьезное: Меншиков прибыл в Ригу.

Герцогиня схватилась за сердце; неясное предчувствие беды властно охватило все ее существо.

– Это он для чего же? – растерянно прошептала она.

– Для и ради этого проклятого курляндского дела, по которому я, ваше высочество, из-за любви и преданности к вам рискую сломать себе шею, – угрюмо произнес Бестужев. Он прошелся по будуару Анны и, вдруг круто остановившись перед ней, сказал: – Сию же минуту вам надо собираться в дорогу, ваше высочество.

– В какую дорогу? Куда? – обомлела Анна Иоанновна.

– На свидание со светлейшим в Ригу. Будет гораздо лучше, если вы увидите с ним до его приезда в Митаву.

– На свидание с ним, с этим презренным рабом? А если я этого не желаю?

– Мало ли что приходится делать помимо своего желания! Слушайте!.. Меншиков приехал с целью круто повернуть курляндское дело. Нечего и говорить, что он употребит все свое влияние, дабы Мориц не был утвержден в герцоги ее величеством. Мало того: он вам сообщит одну преинтересную новость. Так вот вымаливайте у Меншикова милость, чтобы он не противился избранию Морица и вашему браку с ним. Хлопочите, плачьте, но помните одно: что бы ни случилось, вы должны крепко держаться за меня, так как без меня вам солоно придется, ваше высочество. И помните еще одно: если вы убедитесь, что никакие мольбы не помогают, – покоритесь, потому что ничего другого вам не остается.

Митавская царственная затворница, тихо заплакав, промолвила:

– Так вот оно что!.. Стало быть, конец моим мечтам?.. Так, так!.. Вот почему и корона с головы моей упала.

Бестужеву вдруг с поразительной ясностью вспомнился вчерашний разговор с Бироном, которого он ненавидел, но силу и ум которого вчера оценил.

– Не плачьте об этой короне, ваше высочество! Для вас мы найдем иную, более блистательную! – вырвалось у него, и он принялся подробно пояснять Анне Иоанновне все

то, что она должна говорить светлейшему о нем, Бестужеве.

Давясь слезами, но с глазами, полными злобы и непримиримой ненависти к «подлому рабу-пирожнику», выскочке-временщику, под дудку которого она – русская царица – должна плясать, Анна Иоанновна принялась снаряжаться в короткий путь. А перед ее глазами, словно нарочно, вставал дерзко-красивый, блестящий образ «сказочного принца» Морица. * *

Анна Иоанновна остановилась за Двиною, в пустом старом замке, и послала Меншикову записку:

«Уведав о прибытии вашей светлости, почла за приятную нужду повидать вас; поелику прошу пожаловать вас ко мне. Анна».

В мучительном волнении ожидала герцогиня Курляндская свидания с ненавистным ей человеком.

– Господи! – вырвалось у нее негодующим стоном. – До чего довели меня, до какой конфузии, до какого срама!.. Я перед ним, точно девка подлая, стоять на допросе должна. И по какому праву он пытать совесть и желание мое осмеливается? – Все больше и больше озлобление подымалось со дна души Анны. – Я покажу тебе, презренный раб, как надо обходиться с племянницей императора! – настраивала она себя на воинственный лад.

– Ваша светлость! Ваша светлость! – вбежала служанка. – Светлейший приехал! Идет сюда!..

И тут вдруг случилось то, что должно было случиться: рыхлая, безвольная русская царица, воспитанная в полутюремном укладе тогдашней варварской русской жизни, сразу почувствовала прилив страха, робости. Куда девалась воинственная, горделивая спесь царицы перед властным мужчиной, могущественным временщиком? Ее ноги задрожали, руки похолодели, сердце неровно заколотилось...

Распахнулась дверь – и на пороге выросла фигура светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова.

Он был в парадной форме, при всех регалиях, с лентой через плечо.

Тяжело опираясь на трость с золотым набалдашником, подходил он к племяннице того, кто из грязи, ничтожества своей державной волей сделал его могущественнейшим человеком империи.

Анна Иоанновна не выдержала и торопливо сама пошла к нему навстречу.

– Благодарю вас, князь Александр Данилович, что так скоро изволили вы пожаловать по моему зову, – взволнованно начала она.

Меншиков низко поклонился и, поцеловав протянутую руку герцогини, произнес:

– Не вам, ваше высочество, следует благодарить меня, а мне вас за ту высокую честь, которую вы изволили оказать мне вашим неожиданным прибытием сюда. Я полагал свидеться с вами немедля по моем прибытии в Митаву в вашем герцогском замке.

Анна Иоанновна закусил губу. Она поняла, что удар отпарирован искусно и что Меншиков подчеркивает то обстоятельство, что она первая прибыла к нему на поклон, а не наоборот.

– Разрешите мне сесть, ваше высочество... Нога что-то у меня побаливает. – И, не ожидая ответа Анны, светлейший грузно опустился в кресло. – Как вы, ваше высочество, изволите

себя чувствовать в Митаве? Ее величество изволит живо интересоваться...

Анна Иоанновна вспыхнула. Эту, казалось бы, невинную фразу она истолковала как прямую над собой насмешку, «издевку».

«И он, и они еще спрашивают об этом?!» – пронеслось в ее голове.

– Благодарю ее величество и вашу светлость за столь лестную заботу и внимание о моем митавском заключении, – с сарказмом и неподдельной горечью ответила она. – А я, признаюсь, так полагала, что, упрятав меня в Митаву, обо мне совсем позабыли. Что думать о какой-то несчастной вдовке какого-то захудалого немецкого герцога?..

Меншиков и бровью не повел, а только пылливо, зорко вскинул на Анну Иоанновну свой взгляд и продолжал:

– Напрасно изволите так полагать, ваше высочество! Вы не только вдова немецкого принца, но и русская царевна.

Наступило молчание.

Знаменитый сподвижник Петра со значением смотрел на герцогиню, как бы предоставляя ей первой начать настоящую беседу.

«Ты вызвала меня на свидание, так говори, что тебе надо от меня», – стоял немой вопрос в глазах светлейшего.

Анна Иоанновна поняла это и, собравшись с духом, начала:

– Вы вот, князь Александр Данилович, упомянули, что ее величеству благоугодно интерес иметь к моему житью в Митаве.

Меншиков молча наклонил голову.

Видя это, герцогиня продолжала:

– Услыхав о вашем прибытии, я поспешила к вам навстречу, желая обратиться через вас к ее величеству с всепокорнейшей просьбой. Дозвольте мне питать надежду, что вы со своей стороны окажете мне содействие.

О, с каким трудом вырвались у Анны Иоанновны последние слова!

– Ваше высочество, вы можете быть уверены в том, что я рад служить вам, – произнес светлейший. – В чем дело?

– В моей судьбе, я хочу учинить перемену, князь Александр Данилович.

– Это какую же, ваше высочество?

Анна Иоанновна почувствовала необъяснимую робость и, запинаясь, ответила:

– Вам, конечно, ведомо, что принц Мориц Саксонский пожелал сделаться герцогом Курляндии?

– Да, я знаю это, ваше высочество.

– Так вот я желала бы выйти замуж за него, – выпалила Анна Иоанновна сразу, быстро, решительно. – Теперь Мориц Саксонский избран сеймом в герцоги... Но, поелику я не вольна сама распоряжаться своей судьбой, и я прибегаю с покорной просьбой к ее величеству об

утверждении Морица герцогом и о всемилостивейшем разрешении вступить мне с ним в брак.

Словно гора свалилась с плеч герцогини-царевны.

Меншиков спокойно высморкался в шелковый платок, после чего бесстрастно спросил:

– Это все, ваше высочество?

– Да.

– В таком случае я глубоко сожалею, что ваша первая и единственная просьба к ее величеству ни в каком случае не будет исполнена императрицей.

Анна Иоанновна порывисто встала с кресла.

– Это почему же?

– По трем причинам, ваше высочество, – ответил Меншиков, тоже вставая с кресла.

– Как вы можете знать наперед, угодно будет ее величеству или нет снизойти до моей слезной просьбы? – крикнула Анна Иоанновна.

В этом «вы», которое она швырнула с особым подчеркиванием в лицо Меншикову, зазвучало презрение царевны к худородному, надменному вельможе.

Глаза великого «высочки» засветились злобой и раздражением.

– Ваше высочество, вы изволите забывать, что я по моему положению являюсь ближайшим и главным руководителем планов ее величества, – резко отчеканил Меншиков. – И, если угодно вам знать, я именно по этому делу и прибыл сюда.

Анна Иоанновна спохватилась, что сразу зашла слишком далеко, и поспешила смягчить свою вспышку.

– Ах, князь Александр Данилович, вы, кажется, могли бы понять ту ужасную ситуацию, в которой я пребываю, – вырвалось у нее. Слезы уже готовы были брызнуть из ее глаз, но страшным усилием воли она поборолась: ей стало противно плакать перед этим человеком. – Постойте, Александр Данилович, выслушайте меня. Неужели у ее величества не дрогнет сердце нанести удар мне, которая столько лет пребывает во вдовстве? Ведь каждая ее придворная дама живет лучше и счастливее меня. – Голос Анны стал заметно дрожать. – Что это за жизнь вы устроили мне здесь? Не могу я больше так, не могу, не хочу! – бешено закричала она, после чего, гордо выпрямившись, продолжала с удвоенной энергией: – Блаженные и вечно достойные памяти государь император Петр Алексеевич имел всегда обо мне попечение... Вам, Александр Данилович, должно быть, ведомо, что о супружестве моем с некоторыми особами и трактаты уже были подписаны. Или не так я говорю?

– Вы изволите говорить, ваше высочество, сущую правду, и на нее я позволю себе выразить лишь одно: иногда и предреченное меняется волею рока, – почтительно ответил Меншиков.

– Почему же из всех только именно одна я должна испытывать всю тяготу этого рока? – опять вспыхнула Анна Иоанновна.

– Не огорчайтесь, ваше высочество: после годов испытания всего вернее ожидать счастья.

– Ха! Вы все толкуете о счастье для меня, а где же оно, когда оно придет? Вот теперь, когда я по своему желанию пытаюсь устроить свою судьбу, вы первые мешаете ему.

Как ни крепилась Анна Иоанновна, она не выдержала: ее грудь заколыхалась, веки задрожали, губы запрыгали, и она с громким рыданием опустилась в кресло и забилась головой о его высокую спинку.

На что уж был прожженный «царедворец» Александр Данилович Меншиков, какую, кажется, суровую муштру с петровской дубинкой прошел он, как, казалось бы, должен был закалиться он «при всех видах», но и он невольно смутился перед этим взрывом отчаяния герцогини Курляндской.

Что думал он, глядя на царственную племянницу своего великого благодетеля, бившуюся головой о кресло, исходившую слезами?

– Ваше высочество... Бог с вами... придите в себя!.. – заговорил он. – Негоже русской царевне предаваться такому отчаянию... Сейчас я приведу те резоны, по коим вам не стоит печься о браке с сим графом Саксонским, а пока скажу одно: иной, может, найдется.

– Не надо мне вашего выбора! – крикнула Анна Иоанновна. – Опять, может быть, такого же мужа, как и первого, изберете... Опять через месяц вдовой оставите... Опять споите его до смерти...

С герцогиней сделался сильнейший истерический припадок.

Вбежала служанка, Меншиков совсем растерялся.

Но мало-помалу Анна Иоанновна стала приходиться в себя. Слезы облегчили ее вконец измученную грудь.

– Ваше высочество, – произнес светлейший, – не чаял я, что вы все это столь близко принимаете к сердцу. На меня вы не должны гневаться: я являюсь лишь исполнителем воли ее величества.

Анна Иоанновна, иронически усмехнувшись, возразила:

– Такая скромность не идет к лицу вам, князь Александр Данилович! Если прежде вы действительно являлись только исполнителем державной воли, то теперь представляете собою полновластного хозяина ее, распорядителя. А о сердце моем больше не тужите: окаменело оно с сей минуты на веки вечные. Одно скажу вам: действительно, многое меняться может в жизни каждого человека. Так вот, если когда-нибудь случится и вам нелегко – вспомните тогда нашу сегодняшнюю встречу и не забудьте о слезах, которые проливала перед вами несчастная герцогиня Курляндская. А теперь, ваша светлость, милостивый государь князь Александр Данилович, потрудитесь поведать мне те резоны, по коим ее величеству не угодно будет исполнить мою просьбу.

Анна Иоанновна встала и царственно-горделиво выпрямилась всей своей пышной фигурой перед «подлым рабом».

Меншиков по свойству своей «подлой» природы невольно пригнулся перед этой величественной осанкой. Но и, пригибаясь, он не удержался, чтобы не умалить захудалой царевны следующими словами:

– В вашем высочестве произошла изрядная перемена после того, как вы изволили быть на коронации в Москве в сопровождении обер-камер-юнкера Бирона. Довольны ли вы им, ваше высочество? Он, кажется, имеет большую осведомленность в лошадях.

– Да, да, каждый должен быть чем-нибудь, Александр Данилович: кто – пирожником, кто – лошадиником, – усмехнулась герцогиня.

Меншиков побагровел. Однако поборол свой гнев и произнес:

– Так вот-с резоны, по коим ее величество не может согласиться на вашу слезную просьбу: первое – что избрание Морица герцогом Курляндским вредило бы интересам российским и польским, а второе – что вступать вам с ним в супружество неприлично, так как он рожден от метрессы, а не от законной жены. От такого брака произошло бы великое бесчестие и ее величеству, и вашему высочеству, и всему государству. Я удивляюсь, как Петр Михайлович Бестужев не предупредил вас об этом. Вообще многое мне является странным в поведении господина резидента. Как мог он, имея указ ее величества и ведая сего дела важность, допустить избрание Морица сеймом? По-видимому, он чинил факции, и об этом я имею особенный указ.

Анна Иоанновна вспомнила, что наступил момент начать «заступу» за своего старого, верного друга, и в бурных, горячих словах стала обелять Петра Михайловича, принимая ответственность за все совершившееся только на себя.

– Я покорно прошу ее величество и вас, ваша светлость, Бестужева ни до какого бедства не допустить и чтобы он был при мне по-прежнему, – закончила герцогиня.

Меншиков, поклонившись, сказал:

– Я обещаю это вам, ваше высочество, при неременном условии: вы должны постараться опровергнуть усердие Морица и вместо того учинить деяние, которое ее величеству будет благоугодно.

На секунду Анна Иоанновна задумалась. Глухая, тяжелая внутренняя борьба происходила в ней.

«Я, я сама, своими собственными руками должна рушить то, что так дорого и мило моему сердцу! Это ль не искус великий, не пытка? До чего они жестоки!» – закружились мысли в голове несчастной женщины.

– А ежели я не соглашусь на это? – подняв голову, спросила она.

– Тогда Бестужев понесет суровое наказание за свою вину, а вам, ваше высочество, придется испытать на себе всю силу гнева и опалы государыни императрицы. Вам будут предстоять тяжелые дни, – спокойно ответил всеильный временщик.

– Но как же я могу помешать случившемуся? – воскликнула вконец измученная герцогиня Курляндская.

– Вы, ваше высочество, потрудитесь по приезде в Митаву призвать к себе канцлера Кейзерлинга[17] и приказать ему представить курляндским управителям и депутатам те резоны в опровержение избрания Морица, которые я имел честь только что сообщить вам. Тогда все дело окончится благополучно: вы заслужите особенное благоволение ее величества. Бестужев останется при вас...

– А герцогом Курляндским кто же будет?

– Или герцог Голштейнский, или я.

– Вы?! – вырвался у Анны Иоанновны возглас удивления.

– Да, я, ваше высочество.

Герцогиня провела рукой по лбу.

– А-а... теперь все понимаю... все, все!.. – вырвалось у нее, она круто повернулась и пошла к выходу из зала, но в дверях остановилась и глухо бросила светлейшему: – Хорошо!.. Я согласна. Я уезжаю в Митаву. Прощайте, Александр Данилович!

– А разве не до свидания, ваше высочество? Я тоже скоро прибуду в Митаву.

– Но ведь мы уже обо всем переговорили, – надменно произнесла Анна Иоанновна и скрылась за дверью.

V. «Вы меня обманули, Мориц...»

До Митавы оставалось всего версты три-четыре.

Темнее тучи возвращалась в свою резиденцию Анна Иоанновна после «постылого свидания» со светлейшим.

Легкая коляска, в которой она сидела со своей служанкой, быстро неслась по шоссе. Сумерки роскошного июньского вечера уже падали на поля, от которых несло чудесным запахом свежескошенной травы.

Вдруг позади коляски послышался топот бешено скачущей лошади.

– Кто это, ваша светлость? – испуганно воскликнула трусливая служанка.

Анна Иоанновна обернулась и стала пристально всматриваться.

– Не вижу... пыль идет столбом... Ах да, неужели?.. Нет, нет... ошибаюсь я!.. – В смущении и робости она откинулась на спинку коляски.

А топот становился все ближе, ближе... Уже доносился храп взмыленной лошади.

Всадник догнал коляску и, крикнув кучеру: «Стой!», склонился с седла к сиденью.

– Ваша светлость! Моя обожаемая невеста Анна! – послышался вздрагивающий красивый голос Морица.

Все задрожало в Анне Иоанновне – и руки, и ноги, и сердце. Кровь горячей струей забилась в жилах... И жутко, и до смерти сладостно сделалось ей.

– Я поджидал вас здесь, в лесу, Анна, – по-французски сказал граф Саксонский. – Я ведь узнал, куда вы поехали. Вы виделись с этим проклятым медведем Меншиковым. И знаете, что со мной произошло сейчас? Какие-то наемные убийцы стерегли меня. Они из засады стреляли в меня, – смотрите, я ранен в руку, Анна! Но что такое какая-то жалкая царапина в сравнении с моей к вам любовью!

Любовь и тревога за участь этого человека всколыхнули душу Анны Иоанновны, но это был лишь один момент.

– Мне неудобно разговаривать с вами здесь, на проезжей дороге, ваше высочество, – сухо промолвила она. – Вы видите, я – не одна. Если вам угодно побеседовать со мной, я прошу вас пожаловать ко мне сегодня попозже, часа через три, в мой замок...

Мориц был удивлен холодным тоном герцогини.

– А как я могу приехать к вам? Открыто? – с неудовольствием спросил он.

– Совершенно открыто. Вас будут ожидать, вас встретят, – ответила Анна Иоанновна и по-немецки крикнула кучеру: – Пошел!

Старый замок Кетлеров, резиденция-тюрьма вдовствующей герцогини, был освещен.

Первым лицом, которое встретила Анна Иоанновна при входе в свои покои, была ее гофмейстерина Ключенау. Заметив смертельную бледность, покрывавшую лицо ее повелительницы, красавица баронесса всплеснула руками.

– О, Боже! Вам дурно, ваша светлость? – засуетилась она.

Анна Иоанновна отвела ее рукой и твердо произнесла:

– Позовите ко мне Бирона, если он находится в замке.

Гофмейстерина изменилась в лице и круто отвернулась от ее светлости.

В глубоком изнеможении, бессильно опустив руки, сидела царственная митавская затворница в кресле. Она не переменяла туалета, в котором ездила на свидание со светлейшим. Не до того, должно быть, было ей. Глубокие складки бороздили ее лоб. Какая-то тревожная мысль залегла на ее лице.

Раздался стук в дверь.

– Войдите! – крикнула Анна Иоанновна по-немецки.

На пороге стоял Бирон.

Пожалуй, никогда, даже впоследствии, когда этот «конюх» находился на высших ступенях власти, на его лице не играла столь торжествующая улыбка, полная удовлетворенного самолюбия, злорадства, как в этот момент. Взор его красивых, выразительных глаз впился в скорбно-понурую фигуру сидящей Анны Иоанновны.

– Это – вы... это – ты, Эрнст Иванович? – тихо проговорила она.

– Как видите, ваша светлость... – ответил Бирон, не трогаясь с места.

– Подойди сюда... поближе... мне надо сказать тебе несколько слов...

Бирон подошел.

– Вот что, Эрнст Иванович! Скоро сюда прибудет принц Мориц Саксонский... Я назначила ему свидание сегодня вечером.

Глубокое изумление отразилось в глазах Бирона.

– Что же вам угодно от меня, ваша светлость? – насмешливо спросил фаворит, которого Анна Иоанновна в этот период времени держала еще «в черном теле».

– Так как мой обер-гофмаршал Петр Михайлович сегодня отсутствует, ибо он отправился к светлейшему, то его обязанности я возлагаю на тебя. Я поручаю тебе встретить и проводить в парадный зал Морица и доложить мне о его прибытии.

Бирон побледнел.

– Ваше высочество, ваша светлость! – дрогнувшим голосом проговорил он. – Рискую навлечь

на себя ваш гнев, я тем не менее отказываюсь исполнить ваше приказание.

Он ожидал вспышки злости, бешенства и был поражен кротким голосом, каким герцогиня апатично и спокойно спросила его:

– Почему ты отказываешься, Эрнст Иванович?

– Да потому, что это свыше моих сил! Неужели вы полагаете, что здесь, – Бирон стукнул себя по сердцу, – что здесь находится не сердце, а камень? Или вы, порфириносицы, твердо убеждены, что любовь, ненависть и ревность составляют исключительно вашу привилегию? А простые смертные, дескать, рабы только? – Бирон преобразился. Как большой и умный актер, он нашел для этого случая особые интонации голоса. – Я не могу встречать Морица, потому что я глубоко ненавижу его, потому что он грубо оскорбил меня. Ваша светлость! Не забывайте, что тот человек, которому хоть единый раз довелось увидеть солнечный луч, страшится и ненавидит тьму. Видеть торжество другого человека в то время, когда твое собственное сердце обливается кровью из-за одной и той же причины, – это та пытка, до которой не дошли даже святые отцы инквизиции...

Всю эту тираду Бирон произнес тем гневно-проникновенным голосом, с тем пафосом, который сильно действует на глупых, рыхлых женщин.

– Ах, ты вот о чем... – печально улыбнулась Анна Иоанновна. – Только ты неправду говоришь: и у нас, носящих горностаи, есть чувство и сердце, Эрнст. Принеси мне вина, мне что-то не по себе.

Бирон послушно вышел.

Тогда герцогиня в отчаянии заломила руки.

– Не иметь права никогда принадлежать себе! – воскликнула она. – О, этот горностаи...

Бирон вернулся с вином.

– Налей! – приказала Анна Иоанновна.

Он налил кубок.

Герцогиня с жадностью выпила мелкими глотками и воскликнула:

– Хорошо!.. Теперь я понимаю, почему у нас на Руси так любят прибегать к сей отраве. Мутится ум, а на душе светло так становится... Да ты, Эрнст Иванович, не волнуйся: сегодняшнее свидание будет последним с ним... с Морицем. Понял?

– Ваша светлость!.. Вы не шутите? – бросился к ногам герцогини Бирон. – Правда это?

– Правда.

Бирон стал осыпать поцелуями руки Анны Иоанновны, а она, задумчиво склонив голову, тихо промолвила:

– Да, да, все кончено, мой верный вассал. Ступай, скажи Эльзе Ключенау, чтобы она пришла помочь мне одеться, а сам ожидай Морица. * * *

Сильно дрожали руки красавицы Эльзы Ключенау, когда она помогала герцогине облачаться в ее парадный туалет.

– Ваша светлость, разве вы наденете корону? – удивленно спросила она.

– Да, надену. Сегодня я должна быть в парадной форме, моя милая баронесса.

– По какому случаю? – не удержалась Эльза.

– По случаю приема графа Морица Саксонского, – возбужденно ответила Анна Иоанновна.

Большой приемный зал замка был ярко освещен. Засветились свечи в причудливых, огромных люстрах, отражаясь сотнями огней в высоких стенных зеркалах. В глубине зала возвышался герцогский трон.

Анна Иоанновна в сопровождении обер-гофмейстерины вышла, сверкая бриллиантами, в зал и поднялась по ступеням трона.

– Давно я не сидела здесь. Не правда ли, баронесса, не правда ли, Эрнст Иванович? – обратилась она к своим приближенным.

– Да, ваша светлость, – пробормотали оба.

Искреннее, глубокое изумление было на их лицах.

– Ты распорядился, чтобы его привели сюда? – спросила Бирона Анна Иоанновна.

– Да, ваша светлость...

– В таком случае встань здесь, около меня, около трона!.. А вы, баронесса, займите место с другой стороны.

Прошло несколько минут. Откуда-то издалека, из-за анфилады комнат, послышались приближающиеся шаги, бодрые, резкие, уверенные. Дверь в тронный зал распахнулась – и на пороге в сопровождении камер-фурьера выросла фигура блестящего авантюриста, полупринца, полуграфа Морица Саксонского.

Камер-фурьер, низко поклонившись сидевшей на троне герцогине, удалился.

Мориц сделал несколько шагов вперед.

Его глаза широко раскрылись в сильнейшем изумлении. Он как-то растерянно оглянулся по сторонам, словно не понимая, куда он попал и что должна означать эта необычно торжественная обстановка.

Главное, что поразило его, – это то обстоятельство, что герцогиня, его Анна, назначившая ему свидание, была не одна.

«Что должно это означать? – молнией пронеслось в его голове. – Для чего эта корова окружила себя этими глупыми, смешными фигурами? – И вдруг он понял, а поняв, усмехнулся. – Неужели она желает, чтобы я в присутствии ее придворных и в столь торжественной обстановке официально попросил ее руки? О, глупая, рыхлая баба!»

А с высоты «трона» вдруг раздался резкий, чуть-чуть насмешливый голос Анны Иоанновны:

– Я привыкла, что те, которые являются ко мне, не забывают правил вежливости – приветствовать меня.

Мориц вздрогнул, точно под ударом хлыста. Он горделиво выпрямился и, отвесив элегантный поклон герцогине, впился горящим взором в ее лицо.

Что это? Ему чудится или это – правда? Неужели это – лицо той самой Анны, которая еще так недавно глядела на него восторженно-влюбленно?

Теперь это лицо бесстрастно, холодно, как мрамор, с жестким выражением глаз, со злобно-насмешливой улыбкой на губах.

«Измена!» – ожгла Морица мысль, и он, едва сдерживая себя, произнес:

– Я очень благодарен вам, ваша светлость, за преподанный мне урок вежливости, в отсутствии которой меня не упрекали ни при одном блистательном дворе Европы. Если я на одну секунду замедлил склониться перед вами, ваша светлость, то это произошло исключительно потому, что я был поражен необычайным блеском всей здешней обстановки. – В голосе Морица зазвучала насмешка. – Этот пышный тронный зал... вы, ваша светлость, в таком сверкающем наряде... ваша блестящая свита...

Взор Морица встретился со злорадным, торжествующим взором Бирона.

Лицо Анны Иоанновны покрылось румянцем гнева.

– Я узнала, что вы, ваше сиятельство, действительно переезжали и переезжаете от двора к двору, – сухо произнесла она. – Очевидно, вы очень любите любоваться чужим блеском и критиковать его?

– Как сын польского короля, – вспыхнул в свою очередь Мориц, – я достаточно по привычке любоваться собственным блеском...

– Ну а я, как всего лишь племянница русского императора и вдова герцога Курляндского, довольствуюсь малым. С меня и этого довольно! – Анна Иоанновна тихо, беззвучно рассмеялась. – Я очень обязана, что вы, ваше высочество... ваше сиятельство, удостоили меня своим посещением. Но не будет ли вам угодно сообщить, что вы имеете сказать мне?

Невыразимое, глухое бешенство охватило все существо Морица. Так грубо, откровенно еще никто и никогда над ним не издевался, и еще никогда его ставка не была столь позорно бита, как сейчас.

– То, что я желал сказать вам, ваша светлость, носит характер конфиденциальности, и поэтому я желал бы иметь честь беседовать с вами без свидетелей.

Анна Иоанновна обратилась к Бирону:

– Мой милый Эрнст Иванович, будьте добры поднять мой носовой платок. – Слова «мой милый» она особенно подчеркнула, а затем, снова обращаясь к Морицу, продолжала: – Вы говорите о беседе без свидетелей? Это к чему же? Как вдовствующая герцогиня Курляндская, как русская царевна, я совершенно не вмешиваюсь ни в какие политические дела, а потому не вижу причины делать секрет из наших разговоров.

Мориц заскрежетал зубами.

«О, это уж слишком! *Quelle mouche a pique cette vache russe?*[18]» – подумал он, после чего резко спросил:

– А разве, кроме политических тем, нам не о чем говорить, ваша светлость?

– Не о чем.

– А почему же на днях там, в вашем будуаре и в вашей гостиной, вы более чем любезно беседовали со мной о предметах, совсем не относящихся к политике? – злобно вырвалось у «царственного авантюриста».

– Наглец! – довольно явственно прошептал Бирон.

Он побледнел и сделал резкое движение по направлению к своему врагу и сопернику.

Однако. Анна Иоанновна властным взглядом остановила своего тайного фаворита и твердо произнесла:

– Вы ошибаетесь: я с вами не говорила там, граф!

Злобный, сардонический хохот Морица прокатился под мрачными сводами тронного зала замка Кетлеров.

– Как? Вы станете это отрицать, ваша светлость? – нахально взглянув в лицо русской царевны, воскликнул иностранный «принц».

– Стану. Безусловно.

– А-а! – весь дрожа от бешенства, продолжал Мориц. – Так, так!.. Вы правы: вы говорили не со мной, а с каким-то таинственным доктором? Ха-ха-ха!

– Вы и тут ошибаетесь, ваше сиятельство, я говорила не с доктором, а...

Анна Иоанновна приподнялась и выпрямилась во весь рост. Царственная осанка, которой впоследствии любовались в ней чужеземцы, сказала и теперь.

Жуткое молчание, точно грозный предвестник бури, воцарилось в зале. И только свечи бесстрастно горели в диковинных, чудных люстрах. И этот трепетный, красновато-желтоватый свет накладывал какие-то таинственные блики на лица присутствующих.

Наконец Анна Иоанновна громко, резко бросила прямо в лицо своему «жениху»:

– Я говорила тогда не с доктором, а с лукавым искателем приключений, скрывшим от меня свое истинное происхождение![19]

Мориц отшатнулся.

– Что?! – воскликнул он, бросаясь к ступеням герцогского трона с рукой на эфесе шпаги.

– Осторожнее! – крикнул Бирон, тоже хватаясь за шпагу. – Не всякий может подходить столь близко к священным ступеням трона, хотя бы и не королевского. Назад!

– Встаньте на ваше место, обер-камер-юнкер! – крикнула Анна Иоанновна и снова обратилась к Морицу: – Да, ваше сиятельство, там, у себя в будуаре, я полагала, что говорю с человеком, чье происхождение безупречно. Там русская царица и герцогиня видела в своем госте принца чистой крови, с которым она может связать себя узами брака. Но вот сегодня я узнала, что не имею права вступить с этим человеком в брак потому, что он, этот брак, может покрыть несмываемым бесчестьем и меня, и все Российское государство.

Мориц зашатался на месте.

– Кто, кто осмелился сказать это и почему? – хрипло вырвалось у него.

– Вы любопытствуете узнать: кто? Извольте, я скажу: его светлость князь Меншиков. А почему... вам и это угодно слышать?

Мориц стоял как окаменелый.

– Потому что этот человек... что вы, ваше сиятельство, изволите быть рождены от незаконной матери, от метрессы вашего отца, – продолжала герцогиня, спустившись со

ступеней «трона». – Вы обманули меня, Мориц, скрыв тайну вашего происхождения... и поэтому я... я возвращаю вам данную мною клятву быть вашей супругой. Советую вам в дальнейших поисках знатных невест быть более откровенным с ними. Прощайте!

И, гордо кивнув головой вконец ошеломленному претенденту на курляндский престол и на свою руку, Анна Иоанновна, сопровождаемая смертельно бледной гофмейстериной, баронессой фон Клюгенау, величественно вышла из зала.

Секунда, другая... Мориц провел дрожащей рукой по пылающей голове и тихо-тихо, колеблющейся походкой пошел к выходу.

Бирон торжествующе глядел ему вслед.

VI. «Нашествие» Меншикова на Митаву. Два соперника

Свидание Бестужева с Меншиковым состоялось в час ночи в Риге, в тот же самый день, когда у светлейшего была и Анна.

Тут же присутствовал и князь Василий Лукич Долгорукий.

– Вы что же это, любезнейший Петр Михайлович, изволили заварить в Митаве? – резко напустился на резидента всесильный вельможа. – Как вы могли допустить избрание Морица герцогом, раз вам было ведомо, что это не угодно государыне и вредно русским интересам?

Бестужев не растерялся. Старый дипломат проснулся в нем.

– Ваша светлость, вам должно быть известно, что я не имею права руководить волей и желанием сейма, – спокойно ответил он.

– Сейм! Что вы мне толкуете об этих пустоголовых баранах! Выбирают не они, а те, кто ими руководит... А ваше дело, как дипломата, заключалось в том, чтобы склонить и маршала, и канцлера в нашу пользу.

Бестужев повернулся к Долгорукому:

– Благоволите, ваше сиятельство, передать его светлости суть вашей сегодняшней беседы с депутатами.

Долгорукий обратился к светлейшему:

– Ваша светлость! В силу данной мне инструкции я представлял ваше имя и имя герцога Голштейнского, а о гессен-гамбургских князьях еще не упоминал. Когда я беседовал сегодня с курляндцами, они мне прямо заявили, что ни вас, ни герцога Голштейнского избрать они не могли по нескольким причинам. Во-первых, вы – неведомый для них кандидат, а герцог слишком еще молод, ему всего тринадцать лет. Во-вторых, – и это главное – об имени вашей светлости по киршпилям нигде упомянуто не было. Стояло только одно имя Морица, – вот почему они его и выбрали. Теперь депутаты изменять свой выбор не намерены. Они считают, что поступили весьма благоразумно, избрав Морица, так как в противном случае Речь Посполитая разделила бы Курляндию на воеводства. Я, ваша светлость, объявил им, что если они не учинят новых выборов и не отвергнут Морица, то с ними будет поступлено иным образом, весьма для них суровым.

– И, клянусь, я поступлю так!! – вырвалось у одураченного Меншикова. Жилы напряглись на

его лбу и висках, лицо побагровело. Он затопал ногами. – Да, да! Я, я, Меншиков, смирю эту курляндскую сволочь.

И глубокой ночью он вступил с большим отрядом в Митаву, окруженный конвоем.

Это курьезное вступление походило на нашествие какого-нибудь хищного и алчного завоевателя на мирный, отнюдь не воинственный городок.

Митава, жившая все это время чутко-напряженной, нервной жизнью, проснулась от топота и грохота входивших «войск».

– Что это такое? Was ist das? Diese Soldaten... Aber was soll das bedeuten?[20] – в недоумении и испуге высывались из готических окон буколических домов головы достопочтенных бюргеров в ночных колпаках и бюргерш в спальных чепцах.

А «светлейший» Данилыч, по-видимому, не на шутку возомнил себя ликующим триумфатором, Ганнибалом, Юлием Цезарем.

– Я покажу вам, как не повиноваться Российской державе, раз я, Меншиков, желаю быть вашим герцогом! – шептал он, упоенный своей властью.

Утром к нему явился Мориц Саксонский.

Меншиков принял его надменно, почти грубо. «Пирожник» закусил удила и плохо отдавал себе отчет в том, что делает.

Мориц после нанесенного ему герцогиней оскорбления был тоже взвинчен до последней степени.

Эта встреча соперников по претендентству на курляндскую корону не предвещала ничего доброго.

– Узнав, что вы избраны герцогом, ваше сиятельство, я нарочно прибыл в Митаву, чтобы протестовать такое избрание сейма, – начал Меншиков.

Мориц, выпрямившись, воскликнул:

– Вот как?

– Да, это – воля и желание государыни императрицы.

– Теперь – увы! – это поздно, ваша светлость! Вы опоздали: сейм кончился, чины разъехались. Сейм выбрал меня, и никого иного теперь выбрать он не может, – насмешливо проговорил Мориц.

– Это мы увидим! – гневно воскликнул Меншиков. – Герцогом Курляндским желаю быть я!

– Ну, одного вашего желания еще недостаточно, чтобы так и случилось, – звонко расхохотался Мориц. Злоба к человеку, который так оскорбил его перед Анной Иоанновной и так опозорил его, заклокотала в побочном сыне короля Августа, и он резко продолжал: – Я явился к вам, милостивый государь, только как к представителю ее величества государыни императрицы, с целью оповестить вас о моем избрании, дабы это, через вас так же, стало ведомо ее величеству. Избавьте же меня от удовольствия слушать ваши гневные смешные запугивания! Потрудитесь не забывать, что вы говорите с сыном короля и избранным герцогом Курляндским.

Голова Морица гордо откинулась назад, в глазах засветилось глубокое презрение к

стоявшему перед ним худородному выскочке.

Меншиков побагровел от бешенства.

– Я... я не знаю... официального сына короля Августа Второго; я знаю только графа Морица Саксонского, вступить с которым в брак я вчера именем императрицы запретил ее высочеству и светлости Анне Ивановне, – хрипло произнес он. – Кха, кха! И понимаете... понимаете, вы никогда не получите руки ее высочества!

Мориц презрительно усмехнулся:

– Вы, по-видимому, любезнейший, полагали удивить, поразить меня этим сообщением? Но вы жестоко ошиблись: я сам раздумал брать себе в супруги особу, забавляющуюся во вдовстве с полутайными, полуявными фаворитами. И если я вчера не бросил этого в лицо «русской царевне», то единственно потому, что воспитал в себе рыцарский взгляд на женщину, тот взгляд, о котором вы, конечно, вследствие вашего низкого происхождения не имеете и представления. А вот за те фразы, которые вы изволили произнести о моем царственном, – Мориц ударил себя в грудь, – происхождении, я от вас потребую сатисфакции.

– Что?! – вскочил Меншиков. – Вы мне грозите? – Он распахнул окно, ведущее во двор. – Вы видите этих солдат, мой конвой, отряды войск?

– Вижу.

– Так я... так я сию же минуту велю схватить вас, как дерзкого безумца-авантюриста! – крикнул светлейший.

Мориц огляделся.

Они были одни.

Он высоко взмахнул правой рукой и ударил Меншикова в лицо.

– Вот как принц крови отвечает на дерзости таких хамов-выскочек, как ты! – крикнул он.

Меншиков пошатнулся и совсем растерялся.

Прежде чем он опомнился, Мориц уже вышел и в дверях бросил ему:

– А секундентов своих я вам пришлю!

Нетрудно вообразить, что происходило со «светлейшим». Когда к нему по его зову явились маршал и канцлер Кейзерлинг, он в припадке неукротимого бешенства перешел все границы благопристойности.

Он брызгал слюной и, ударяя себя по Андреевской ленте, кричал, как одержимый:

– Не допущу! К черту этого Морица! Я вас заставлю отменить выборы! Я... я вас в Сибирь сошлю!

– Ваша светлость! – удерживала Меншикова его свита.

Но он, ругаясь скверными словами, входил все в большее и большее возбуждение.

– Я введу в Митаву двадцать тысяч войск! Я... я разрушу весь этот проклятый город!

Под вечер от Морица был прислан торжественный вызов на дуэль.

Разъяренный Меншиков вместо ответа послал отряд схватить этого «авантюриста». Но это безумное в чисто политическом отношении приказание не увенчалось успехом. Мориц скрылся.

Так окончился один из главных актов митавской трагедии, в которой несчастная Анна Иоанновна сыграла роль жертвы вечерней.

Началась долгая политическая митавская «заваруха».

VII. Перед приездом великого чародея

Прошло несколько недель после тех событий, которые шквалом налетели на Митаву.

Тоска, уныние царили в герцогском замке. Анна Иоанновна, потрясенная неудачным романом с принцем Морицем, впала в состояние глубокой апатии. Целыми днями она бродила, как тень, по унылым комнатам своей раззолоченной «темницы», а то просто переворачивалась с боку на бок на софе.

Злоба, глухое раздражение овладевали герцогиней все с большей силой. И, точно нарочно, словно издеваясь над ней, перед глазами вставали картины веселой, блестящей придворной петербургской жизни.

Ах, этот блеск, эти величественные дворцовые залы, наполненные толпой раболепных, угодливых придворных, жадно ловящих мимолетно-небрежный взгляд повелителей! Как манил он к себе, как страстно хотелось бы изведать упоение властью!

Анна Иоанновна была теперь уже не прежней молодой царевной, глупенькой, чуть-чуть забитой, растерянной. Это была уже достаточно пожилая женщина, в самом опасном критическом возрасте: ей шел тридцать восьмой год.

Безвозвратно схоронив лучшие годы в митавском заточении, претерпев массу уколов самолюбия, изведав, правда, кое-какую любовь, любовь «тайную», иной раз вовсе не до влечению сердца, Анна Иоанновна неудержимо рвалась к другой жизни, более яркой, лучезарной.

И в это-то вот время то, что составляло отличительную черточку ее характера – суеверие, достигло наивысшего напряжения.

Случайно горящие три свечи приводили ее в ужас.

– Вон одну! Вон! – кричала герцогиня на своих придворных.

Если же к этому злосчастному предзнаменованию примешивалось еще заунывное вытье ветра в старых печах Кетлеровского замка, несчастная Анна Иоанновна совсем падала духом, тряслась, бледнела.

«Смерть... Неужели я должна умереть, когда меня так тянет к иной, блистательной жизни?» – мелькала у нее страшная мысль.

Она глубокой ночью подымала трезвон, призывала к себе то одну, то другую гофмейстерину, приказывала зажечь все канделябры и рассказывать ей какие-нибудь «сказания», но только не мрачного характера.

Так проходила ночь, за которой следовал тоскливо-унылый день.

«Своего» Петра Михайловича герцогиня почти не видела: Бестужев, «влопавшийся в зело опасную для него переделку по курляндско-морицевской заварухе», отчитывался и отписывался вовсю... Призрак грозной опалы стоял перед ним неотступно. Курьеры мчались из Митавы в Петербург и обратно.

В Петербурге происходили «по сей оказии курляндской» заседания Верховного тайного совета, в которых принимала участие сама императрица Екатерина Первая.

Дикое, необузданное нашествие Меншикова на Митаву, его более чем неприличное поведение с курляндскими властями и с Морицем не на шутку испугали Петербург. Там совершенно правильно поняли, что от вандализма «светлейшего» может выйти изрядный скандал.

В Верховном тайном совете был получен указ императрицы:

«Понеже ныне курляндские дела находятся в великой конфузии, и не можем узнать, кто в том деле прав или виноват, того для надлежит освидетельствовать и исследовать о поступках тайного советника Бестужева...»

Совет оправдал Бестужева; но на другой день императрица, сама присутствовавшая на заседании, объявила, что по ее мнению Петр Бестужев не без вины: указы ему были посланы, а он поступил обратно им.

Несмотря на это, Екатерина приказала прекратить дело.

– Ваше императорское величество, а как вам благоугодно смотреть на притязания светлейшего князя Меншикова на герцогскую курляндскую корону? – задали императрице вопрос некоторые из верховников.

– Я рассуждаю так, господа, что желание светлейшего быть герцогом Курляндским несостоятельна. До сего король прусский и поляки допустить не могут, – ответила императрица.

Это был первый удар грома той грозы, которая собиралась над головой зазнавшегося выскочки-вельможи. * * *

В последнее время Анна Иоанновна стала замечать, что баронесса Эльза фон Клюгена упорно, под всевозможными предлогами, старается избегать встречи с ней.

«Что это с ней?» – пришло как-то на ум герцогине, и она пригласила к себе свою гофмейстерину.

Красавица вдова не осмелилась послушаться воли ее светлости: слишком уж повелительно и настоятельно было это приглашение.

– Что с вами, любезная баронесса? Я вас не вижу по целым дням... Вы все хвораете? – спросила Анна Иоанновна.

– Да, ваша светлость... Мне нездоровится, – стараясь не глядеть в лицо своей повелительнице, хмуро ответила та.

– Что же происходит с вами? И, если вы больны, отчего не обратитесь к доктору?

Насмешливая улыбка пробежала по губам баронессы, но она, поспешив скрыть ее, ответила:

– Ах, ваша светлость, вы так добры... Но...

– Что «но»? Договаривайте!

– Но не все доктора могут принести облегчение. Быть может, вы согласитесь с этим сами?

– Я? С какой стати? – вспыхнула герцогиня.

Она сразу поняла все: эта «красивая баба» намекала ей на Морица, который под видом доктора явился на их первое тайное свидание. Так вот какова она, эта «преданная немецкая божья коровка»! Она жалит, язвит...

– Потрудитесь, милая, говорить яснее! – гневно произнесла Анна Иоанновна. – Почему я должна быть осведомлена в искусстве докторов?

– Прошу простить меня, ваша светлость, но вы, кажется, не так изволили понять меня, – печально ответила баронесса. – Я хотела сказать, что врачи тела часто бессильны врачевать душу.

– А ваша душа болит?

– О да, ваша светлость!

– Что же с вами происходит? – удивилась герцогиня, обладавшая короткой памятью.

– Вы должны это знать, ваша светлость, – прозвучал вдруг ответ гофмейстерины.

– Я?!

– Да, вы... Помните ли вы, ваша светлость, что вы обещали сделать для меня? – И Эльза Клюгенау в упор посмотрела на свою повелительницу. – Вы обещали великодушно быть моей «свахой», как вы изволили выразиться... Я люблю Эрнста Бирона... Прежде он выказывал ко мне симпатию, любовь... Но признание никогда не могло сойти с моих уст...

Анна Иоанновна отпихнула ногой обитую атласом скамеечку.

– А, вы вот о чем!.. – каким-то странным, не своим голосом начала она. – Вы о Бироне?.. Но, послушайте, моя милая баронесса, мне кажется, что если мужчина любит женщину, а женщина – его, мужчину, то... какое же тут требуется еще посредничество третьего лица? В подобных случаях оно скорей нежелательно...

– Как когда!.. – глухо, неопределенно ответила баронесса.

Анна Иоанновна холодно бросила ей:

– Ступайте!.. Вы больше мне не нужны сейчас. А с моим обер-камер-юнкером я поговорю...

Этот холодный, суровый ответ многое объяснил баронессе: недаром в это последнее время она подметила ревнивым взором женщины, что Эрнст слишком часто посещает герцогиню.

– Ради Бога, ваша светлость, сделайте милость, не говорите ему ничего об этом! – умоляюще воскликнула она.

– Ступайте! – последовал вторичный властный приказ.

Клюгенау покорно вышла.

По ее уходе Анна Иоанновна, чисто по-московски, «по-измайловски» всплеснув руками,

воскликнула:

– Да что же это такое, матушки? Или весь свет белый пошел против меня? Замуж захочешь идти – не смей, потому какие-то проклятые «конъюнктуры» не сходятся; если так просто, поразвлекись желаешь – тоже не смей: немка какая-нибудь протестует: «Мой он, дескать, а не ваш». А что же мне на сем свете принадлежит? Ничего, кроме тоски, скуки, слез да одиночества?

И Анна Иоанновна решила объясниться с Эрнстом.

Бирон явился в этот вечер к ее светлости в особенно бодром, приподнятом настроении духа. Он понимал, что герцогиню необходимо «подстегивать», по его любимому «лошадному» выражению, иначе она совсем сомлеет со скуки и наделает, чего доброго, таких чудес, за которые ее удалят из Митавы. А ведь еще большой вопрос: потянет ли она его за собой?.. Случай с Морицем, только чудом не разрушивший всех его горделивых, честолюбивых планов, заставил «милого Эрнста» стоять настороже, быть начеку.

– Ваша светлость, вы опять скучаете? Это видно по вашему лицу, – начал ловкий «конюх», склоняясь на одно колено перед герцогиней и покрывая поцелуями ее руку.

Анна Иоанновна отдернула ее, хотя без гнева.

– А тебе весело, Эрнст Иванович? – насмешливо спросила она. – Ишь, как ты разгорелся...

Бирон улыбнулся:

– Я не могу веселиться, ваша светлость, когда моя повелительница скучает.

– Ого? Ты – такой верный раб?

При слове «раб» Бирона передернуло. Впрочем, эту резкую фразу он сейчас же поспешил «смягчить», переделать по-своему:

– Когда солнце не светит, все люди становятся несчастными, хмурыми... Я хотел предложить вам, ваша светлость, какое-нибудь развлечение... Вполне необходимо встряхнуться...

– Какое же развлечение может быть в этой проклятой Митаве? – апатично произнесла Анна Иоанновна.

Бирон, знавший слабость герцогини к охоте, живо воскликнул:

– А охоту устроить, ваша светлость? Мои егери напали на след нескольких кабанов. Правда, это – опасная охота, но такой великолепный Немврод, как вы, не должен бояться ничего![21]

– И он близко нагнулся к Анне. – И притом ведь около вас буду я, который готов отдать последнюю каплю крови за счастье увидеть хоть одну улыбку на вашем лице!.. – страстно произнес он.

Анна Иоанновна блаженно улыбнулась.

– Ах, до охоты ли теперь, Эрнст Иванович! – уже расчувствовалась она. – Да как-то и неловко теперь выйдет. Время такое тревожное, сам знаешь. «Вот, – скажут, – идет заваруха, а наша герцогиня охотами себя тешит». Пообождем уж малость...

– В таком случае не устроить ли бал? Вы, ваша светлость, не должны забывать, что вы – герцогиня Курляндская. Отчего бы вам не показать митавскому обществу, что все происшедшее – пустяшная комедия для вас, герцогини и племянницы императора?

– Пожалуй... А то на самом деле подумают, что презренный раб Меншиков нагнал и на меня, русскую царевну, такого страха, что я боюсь высунуть нос из своих покоев. А я на него плевать хочу! – сразу всколыхнулась Анна Иоанновна.

Одно лишь имя ненавистного ей человека привело ее в состояние бешенства.

Бирон довольно улыбнулся и тотчас произнес:

– Я говорил по этому поводу с Петром Михайловичем. Он одобряет мой план...

Анна Иоанновна пытливо поглядела на своего тайного фаворита.

– А ты давно стал дружить с Бестужевым?

– Мы сошлись с ним в исходной точке политических взглядов, – важно ответил «конюх».

– А-а... тем лучше, тем лучше... Лучше иметь двух друзей, чем...

– Чем двух врагов?

– Да, да... Ты большой умница, Эрнст Иванович.

– Но это еще не все, что я хотел сообщить вам, ваша светлость, – радостно-возбужденно продолжал «поощренный» Бирон. – Я готовлю вам к этому балу сюрприз.

Вдруг, сразу Анне Иоанновне почему-то вспомнился только что происшедший разговор ее с гофмейстериней Клюгенау. Она вздрогнула и отшатнулась от своего Бирона, который совсем было уж близко придвинулся к ней.

– Если это тот самый сюрприз, который и я готовлю тебе, – промолвила герцогиня, – то советую...

Бирон в недоумении широко раскрыл глаза.

– Какой «тот самый сюрприз», ваша светлость? – воскликнул он. – Откуда вы можете знать?..

– От нее самой, – резко промолвила Анна Иоанновна.

– От нее? – еще с большим удивлением переспросил Бирон. – Позвольте, ваша светлость, я решительно не понимаю, о чем и о ком вы говорите.

Лицо герцогини покрылось румянцем гнева.

– Ты лукавишь, Эрнст! – гневно вырвалось у нее.

– Я? Я лукавлю? Перед вами? Да что с вами, ваша светлость?..

В голосе будущего временщика зазвучали столь искренние ноты изумления, что Анну Иоанновну сразу взяло сомнение.

«Тут какая-то путаница... Не может он так притворяться», – пронеслось в ее голове.

– Ну, хорошо... Расскажи сначала ты мне о твоём сюрпризе, а потом я поведаю тебе о своём, – насмешливо бросила митавская затворница.

– Извольте, ваша светлость. Со дня на день, а теперь с часу на час я ожидаю прибытия в Митаву одного великого человека, которого я выписал.

– Ты выписал? – воскликнула Анна Иоанновна.

– Да, я.

– Великого человека?

– Да, именно великого.

– Кто же он? – помимо своей воли испуганно спросила герцогиня.

Бирон промолчал. Только его глаза, властные, самоуверенные, все пытливей впились в глаза царственной затворницы. И в это время – был уже одиннадцатый час ночи – в старых печах кетлеровского замка послышался скорбный, заунывный вой...

«У-у-у!.. А-а-а!» – доносились тоскливые звуки.

Анна Иоанновна побледнела. Она бросилась к Бирону и, охватив его шею своими пышными руками, затрепетала на его груди.

– Ты слышишь? Слышишь? – воскликнула она. – Опять этот страшный вой... Спаси меня, Эрнст, я не хочу умирать... Господи, как мне страшно!..

– Анна... милая моя!.. – актерски-сладким голосом воскликнул Бирон. – Приди в себя... придите в себя, ваша светлость...

«Ах!» – тихо пронесся чей-то подавленный шепот отчаяния за портьерой.

Анна Иоанновна, оттолкнув от себя Бирона, стояла в позе холодного ужаса, с широко раскрытыми глазами.

– Ты слышал? Слышал? – пробормотала она.

– Что? Я ничего не слышал...

Голос Бирона тоже задрожал.

«Ах, эти проклятые бабы! – промелькнуло в его голове. – Они могут хоть кого свести с ума своими нелепыми страхами!..»

– Там... за портьерой... кто-то плакал и кричал страшным страданием, – продолжала лепетать Анна Иоанновна.

Бирон стал успокаивать ее. Он «воровским поцелуем» целовал пышные волосы русской царевны, и та, чувствуя около себя присутствие сильного мужчины, мало-помалу успокоилась.

– Так кто же этот «великий» человек, о котором ты говоришь, Эрнст Иванович? – спросила она.

– Это – тот человек, для которого прошлое, настоящее и будущее является открытой книгой. Он всемогущ; он может все предвидеть, все предугадать, все предсказать.

– Колдун? – по-московски затряслась «ее светлость».

Бирон, презрительно усмехнувшись, произнес:

– Ах, ваша светлость, вам, казалось бы, давно было пора отрешиться от «мамушкиных сказок»! Колдуны, бабы-яги, домовые и лешие – не по вашему сану. Нет, тот человек, о котором я говорю, которого я выписал и который скоро должен прибыть в Митаву, – не колдун, а величайший ученый, прозорливец. Он изучил тайны великого Востока, разодрав

завесу таинственной Индии, этой колыбели человечества. Он постиг ту высшую премудрость, перед которой все наши познания – жалкий лепет ребенка. Для него нет неведомого, ибо он – великий магистр.

– Кто? – со страхом переспросила Анна.

– Великий магистр тайного ордена «Фиолетового креста». Зовут его Чезаре Джиолотти. Он – итальянец по происхождению, но почти все время пробыл в Индии...

– А ты... ты откуда же знаешь его? – спросила герцогиня.

– Я встретился с ним в Москве, когда имел честь сопровождать вас, ваша светлость, на коронацию императрицы...

– Ты виделся с ним? Говорил?

– Говорил.

– И что же он предрек тебе? – сильно волнуясь, спросила Анна Иоанновна.

Бирон словно наслаждался волнением царственной женщины; прищурился глазами, он медленно ответил:

– Он сказал мне, что я буду иметь счастье держать в своих объятиях...

Портьера распахнулась.

На пороге стояла Эльза фон Клюгенау.

Лицо красавицы баронессы было искажено злобой, которую она хотела замаскировать притворным волнением.

– Около окон нашего замка я слышала сейчас выстрелы, ваша светлость!.. – воскликнула она.

Анна Иоанновна побелела от бешенства.

– А кто дал вам право врывать ко мне без стука? – крикнула она. – Да я тебя, паск...

Бирон выручил баронессу.

– Ваша светлость! – воскликнул он. – Ваше высочество, я сию минуту разузнаю причину этих выстрелов...

– Ступайте вон! – крикнула племянница «гневною, неистовою Петра» на свою «служанку».

Та, понурилась и закусив губу, медленно вышла из «бодоара» герцогини.

По ее уходе Анна Иоанновна словно преобразилась.

– Стойте, стой, Эрнст Иванович! – промолвила она. – Твой сюрприз я знаю теперь. Не угодно ли тебе узнать и мой: эта баба устраивает мне чуть ли не сцены ревности. Она влюблена в тебя, Эрнст Иванович. Она просила меня даже быть свахой!..

«Ложь! Вы сами обещали...» – послышалось из-за портьеры.

– Так вот, теперь я спрашиваю вас, мой обер-камер-юнкер: что должно это означать? Если вам угодно заводить любовные интриги, то изберите для этого другое место кроме моего

замка! – Анну Иоанновну колотила дрожь сильнейшего волнения. – Я... я ничего не имею против того, чтобы...

Бирон, не дослушав, вышел.

VIII. Накануне бала

Немало была удивлена митавская знать, когда получила приглашение из герцогского замка на бал.

Полускандальная история неудавшегося претендентства Морица и его сватовства была еще слишком жива в памяти курляндской аристократии и служила поистине притчей во языцех. Да и не сезон еще был для балов.

Однако никто не отказался от приглашения.

Митавские модистки заработали вовсю. Супруги и дочери высших должностных лиц и почтенных обер-ратов старались друг перед другом в выдумке роскошных и богатых туалетов.

Пришлось и Анне Иоанновне позаботиться об этом. Ее гардероб, не отличавшийся изяществом вкуса, был к тому же невелик. Причиной являлась скудость средств, получаемых герцогиней Курляндской. В своих «слезных» письмах в Москву и Петербург она нередко жаловалась, что ей «большую конфузию приходится претерпевать пред придворными и митавскими дамами, понеже нет у нее достаточной толики и в нарядах и бриллиантах». Таким образом, показания некоторых лиц в истории, что двор ее светлости блистал неслыханной роскошью, удивлявшей даже иностранцев, едва ли справедливы.

Анна Иоанновна долго совещалась со своей придворной поставщицей.

– Я рекомендовала бы вам, ваша светлость, платье из белого бархата, отделанное горностаем, – предложила та.

Анна Иоанновна, любившая яркие цвета, не соглашалась. Может быть, она и того боялась, что белый цвет будет невыгодно оттенять желтоватую блеклость ее лица.

После долгих колебаний остановились наконец на малиновом бархатном платье с горностаем.

Перебирая свой ларец с драгоценностями, Анна Иоанновна злобно-досадливо, печально вздыхала:

– Не много ж украшений у меня!.. Поди, у дочери этого презренного раба Меншикова куда больше будет... Хорошо награждают они все племянницу императора!..

Убранство зал Кетлеровского замка происходило под непосредственным наблюдением Бирона.

Надо сознаться, что у этого «конюха», сына низшего придворного служителя, были вкус и большой полет фантазии.

Гирлянды живых цветов искусно переплетали мрачные люстры и высокие стенные зеркала и причудливо спускались над тронном вдовствующей герцогини.

Во время спешного приготовления к балу в замок несколько раз приезжал Бестужев.

Печать всех пережитых и переживаемых неприятностей лежала на умном лице резидента и обер-гофмаршала.

– Все суетитесь, любезный Эрнст Иванович? – обратился он с чуть заметной усмешкой к Бирону.

– Что же поделаешь, Петр Михайлович? Надо потешить ее высочество... Она так грустит.

– После неудачного сватовства? Но отчего же вы, милый мой, так плохо утешаете ее высочество, что она впадает в тоску? Ведь вы находитесь при ней безотлучно.

Должно быть, эта фраза не особенно понравилась Бирону, потому что он гневно набросился на слуг, убравших зал.

– Не так, не так, черт вас побери! Я вам показывал, проклятые олухи!

Бестужев пошел к герцогине, улыбаясь про себя.

«И этот старший лакей обуреваем столь честолюбивыми планами, мечтами! Что это: заведомо немецкое нахальство или действительно в истории России возможны такие поразительные чудеса?»

Анна Иоанновна так и рванулась к своему «старому другу».

– Петр Михайлович, как я рада тебя видеть! – искренне вырвалось у нее.

– Спасибо, ваше высочество, что думаете обо мне, – тепло ответил Бестужев. – За мои редкие посещения простите великодушно. Сами знаете, какое теперь положение дел.

Анна Иоанновна внимательно посмотрела на Бестужева.

– Как изменился ты в это время, мой милый Петр Михайлович! Поседел еще больше, согнулся...

– Проклятая политика не красит нас, дипломатов, – усмехнулся Бестужев и круто переменял разговор: – Даете бал, ваше высочество?

– Да, Петр Михайлович... Уговорил меня Эрнст... Большой он хлопотун! – оживилась Анна Иоанновна.

– О, да! Он очень энергичный человек, – как-то загадочно проронил обер-гофмаршал.

– И знаешь, Петр Михайлович, он готовит мне какой-то сюрприз! Ты ничего не слыхал об этом?..

– Кое-что слышал...

– Представь, он говорит, что выписал какого-то великого человека... Как, бишь, он называл его? Ах, забыла...

– Великим магистром Джиолотти?

– Вот, вот! Эрнст говорит, что этот самый магистр обладает чудесным даром открывать будущее. Ты веришь в это, Петр Михайлович?

– Поживем – увидим, – уклончиво ответил Бестужев. – А вот скажите, ваше высочество, что

это такое происходит с вашей гофмейстериной баронессой фон Клюгенау? Я во второй раз встречаю ее в слезах.

Анна Иоанновна смутилась.

– Однако, Петр Михайлович, я вижу, что ты, несмотря на все твои многочисленные дела, зорко следишь за всем, что происходит в моем замке, – вспыхнула она.

– Это не должно удивлять вас, ваше высочество: я – не только резидент ее величества, но и обер-гофмаршал вашего двора.

– Произошло то, – герцогиня заметно заволновалась, – что эта особа, влюбившись в Бирона, бежит за ним по пятам и дошла до такой дерзости, что позволила себе устраивать мне сцены ревности! Как тебе это понравится?

– А-а!.. – протянул Бестужев, щелкая пальцем по крышке табакерки.

– И я решила выгнать ее вон.

Бестужев, затаившись табаком, спокойно ответил:

– Конечно, это ваше право, ваше высочество, но я не советовал бы вам пока прибегать к таким резким мерам: в Митаве и без того идет немало толков и пересудов. Баронесса ведь из среды митавских аристократов.

– Ты думаешь, так будет лучше? – задумчиво произнесла герцогиня. – Но она надоела мне!

– Советую вам, ваше высочество, сделать так, как я сказал!

– Ну ладно, Петр Михайлович!

Уезжая, Бестужев опять встретился с Бироном.

– Ну, Эрнст Иванович, завтра уже бал; а где же ваш великий чародей? – спросил он. – Смотрите, вы слишком разожгли любопытство ее высочества.

Бирон самодовольно усмехнулся:

– Где он, спрашиваете вы, Петр Михайлович?

– Да.

– Он у меня.

– Как?! – удивленно воскликнул Бестужев. – У вас? Когда же он прибыл?

– Вчера.

– Но я... я ничего не знал об этом... Стало быть, Джиолотти каким-то чудом объявился в Митаве?

– На то он и чародей, – хладнокровно ответил Бирон.

Бестужев задумался.

– Слушайте, Бирон, могу я сегодня поздней ночью приехать к вам, чтобы повидать ваше «венецкое чудо»? – тихо спросил он.

– Пожалуйста... Сделайте милость, Петр Михайлович!..

– Хорошо. Так ждите меня.

И поздней ночью, накануне бала, состоялось свидание Бестужева с великим магистром.

IX. «Вторая память»

Первая зимняя метель крутила над Митавой, и в старых печах древнего кетлеровского замка уныло завывал холодный ветер.

Бирон представлял Бестужеву Джиолотти. Это был человек высокого роста, с очень красивым лицом, хотя его черты были не совсем правильны и резко очерчены; он обладал движениями гибкими, но порывистыми, «ухваткой тигра», как подумал про себя Бестужев.

– Я знаю вас, ваше превосходительство, – первым начал великий чародей, впиваясь в лицо русского вельможи взором своих поразительных черных глаз, в которых светился огонь необычайной внутренней силы.

Джиолотти говорил по-французски с еле заметным итальянским акцентом; иногда вместо «ж» у него выходило «з».

Бестужева это сообщение не особенно удивило, хотя он никогда в жизни не встречался с этим «великим магистром»: он подумал, что Бирон, конечно, не преминул посвятить Джиолотти во всю подноготную его, Бестужева, жизни. Однако он слегка насмешливо ответил:

– Я что-то не упомню, синьор Джиолотти, чтобы мы где-либо с вами встречались...

Лицо магистра было бесстрастно.

– Я этому пока не удивляюсь, ваше превосходительство. Кажется, если я не ошибаюсь, вы пока не обладаете второй памятью, – спокойно произнес загадочный человек.

– Второй памятью? – удивленно воскликнул резидент.

– Да, именно так... Вы ничего никогда не слышали о второй памяти, ваше превосходительство?

«Ну, так и есть: он – просто шарлатан, фокусник!» – пронеслось в голове Бестужева.

– Нет, не слышал. – Он едва удержался от улыбки.

– Да, это не всем доступно. В коротких словах я вам поясню, что это такое. Второй памятью мы, жрецы тайных наук, называем дар человека прозревать то, кем он, человек, был до его теперешнего состояния.

Бестужев, ровно ничего не понявший из этого пояснения, захлопал глазами.

– Позвольте, любезный синьор Джиолотти! – воскликнул он. – Вы сказали, что можно прозреть, кем был человек до его настоящего состояния?

– Да.

– То есть как это? Простите, я этого понять не могу, – развел руками Бестужев.

Бирон принес и поставил на стол вино в золоченом кувшине.

– Я продолжаю, – торжественным тоном начал снова великий магистр. – Я говорю, что всякий человек, обладающий второй памятью, не только может, но должен знать все свои предшествующие перевоплощения, все те круги жизни, которые он перешел.

– Это... это из области чернокнижия? – захотел не ударить лицом в грязь перед приезжим фигляром Бестужев.

– Вы ошибаетесь, ваше превосходительство. Это – не чернокнижие, а книга Великой Мудрости, познанию которой посвятил свое служение наш орден «Фиолетового креста», великим магистром которого я имею честь быть, – спокойно возразил Джиолотти.

Этот уверенный, властный голос заставил «смириться» Бестужева.

– Прошу извинения, что я, русский дипломат, нахожусь не в курсе дел вашего «тайно-чудесного» ордена, любезный синьор Джиолотти, – сказал он. – Но я должен заметить, что все, что вы изволили сказать, является для меня до такой степени странным, неожиданным... Вы вот, например, заявили, что знаете, знакомы со мной... Но ведь это же – явное... недоразумение... Как иначе прикажете взглянуть на это?

Бирон подал Петру Михайловичу стакан вина. Бестужев осушил его.

Выпил и великий магистр.

– Хотите знать, ваше превосходительство, где мы встречались с вами?

– Жду с нетерпением.

– В римском цирке, на арене. Я тогда был гладиатором, а вы – строгим *senior morum*,^[22] – убежденно воскликнул Джиолотти. – И я кричал Нерону: «*Ave, Caesar, morituri te salutant!*»^[23] И вы вместе с другими бешено аплодировали мне, а, когда меня добивали, вы первые сделали «*pollice verso*»,^[24] то есть «добей его!». И меня убили. Это была седьмая ступень моего перевоплощения.

Стакан, который держал в руках Бестужев, выскользнул, упал на пол и со звоном разбился.

Резидент откинулся на спинку кресла и широко раскрытыми глазами глядел на «венецейского чародея».

– Что это? Шутка?.. – слетело с его побелевших губ.

– Я не имею привычки шутить, ваше превосходительство! – резко ответил Джиолотти.

– В таком случае вы...

И резкое слово готово уже было слететь с уст «европейского» царедворца тогдашней темной, полуварварской России.

Бирон по-русски умоляюще прошептал Бестужеву:

– Ради Бога, Петр Михайлович, не оскорбляйте его! Вы сами не подозреваете, какая огромная сила находится в этом человеке...

Бестужев опомнился, овладел собою и обратился к итальянцу.

– Все, что вы говорите, право, забавляет меня, – усмехнулся он.

– Случалось ли вам когда-нибудь, ваше превосходительство, – зазвеневшим и вдохновенным голосом начал Джиолотти, – при взгляде на какую-нибудь неизвестную вам местность или на неведомое дотоле лицо содрогнуться всем вашим существом от чувства какой-то таинственности, непонятной тоски? В эту секунду вам с поразительной ясностью представляется, что где-то, когда-то вы уже видели и эту местность, и это лицо. Где и когда – вы не можете вспомнить, но убеждены в этом. Бывали с вами подобные явления?

– Да, – ответил Бестужев.

– А задумывались ли вы когда-нибудь над вопросом, что же это такое?

– Нет.

– Так вот, видите ли, ваше превосходительство, это и есть так называемая вторая память. Она открывает перед нами картины наших перевоплощений, наших прежних жизней. Инстинктивной второй памятью в слабой степени обладают почти все люди, но управлять этой второй памятью – удел исключительных натур, обладающих колоссальной силой.

Тревожное чувство охватило Бестужева. Тоска и страх перед этим диковинным человеком овладели им.

– Вы, как я слышал от господина Бирона, состоите великим магистром ордена «Фиолетового креста»? – спросил резидент.

– Да.

– Что это за орден? Какие цели он преследует? – стал допытываться Бестужев.

– Я вам уже говорил: изучение тайных, оккультных наук, благодаря которым мы можем сделаться совершенными, познать тайну «великого сущего» и лицом к лицу приблизиться к тому, что мы называем «Безначальным и Бесконечным».

– И вы, синьор Джиолотти, можете показать нам, простым смертным, картины прошлого?

– Безусловно. И не только прошлого, но и будущего! – пылко воскликнул великий магистр.

– Я понимаю, что по некоторым следам, которое прошлое накладывает на человека, его, это прошлое, еще возможно отчасти угадать, – задумчиво продолжал Бестужев. – Но будущее? Кто может прозреть его? Разве то, что должно совершиться, уже накладывает свою печать на нас?

Джиолотти встал и выпрямился во весь рост.

И перед ним Бестужев вдруг почувствовал себя крайне слабым, бессильным.

– Да, ваше превосходительство, – ответил итальянец. – Эта печать существует. И называется она «signum», знаком.

И еще долго шла беседа русского вельможи с таинственным чародеем Индии и Венеции.

Остаток ночи Бестужев, возвратившись к себе, провел в каком-то тревожном полузабытьи. Его душил кошмар, тяжелый, безобразный... Несколько раз он, обливаясь холодным потом, вскакивал на постели и дико кричал...

Х. Бал герцогини. Чудеса великого магистра

Старый Кетлеровский замок заполнялся массой прибывающих гостей. Вся знать, родовитая и служебная курляндская аристократия, спешила на бал к своей «незадачливой» герцогине.

Такого пышного, роскошного праздника еще никогда не устраивала Анна Иоанновна. Море огней, гирлянды цветов, звуки музыки.

– Однако наша светлость раскутилась! – насмешливо прошептал маршал на ухо курляндскому канцлеру. – С чего это она?

– Мм... да... – удивился тот. – Это какая-то новая игра.

– А посмотрите на Бирона, как он горд и величественен. Этот «конюх» весьма снисходительно кивнул нам, нам – главным чинам Курляндии! Экий нахал! Проучить бы его надо.

Кейзерлинг стал нервно и озлобленно поправлять ленту на своем мундире.

А Бирон, камергер двора ее светлости, смотрел действительно и важно и надменно. «Случайный выскочка», но умник большой руки, он ни на секунду не терял веры «в свою великую, счастливую звезду».[25]

Бестужев, обязанный на столь официальном приеме нести свою обер-гофмаршальскую службу, находился в покоях ее высочества-светлости.

– Петр Михайлович, поди-ка сюда! – приоткрыла дверь своего «бодоара» Анна Иоанновна, зовя своего старого, верного друга.

Она была еще в пудермантеле, но уже причесанная.[26] Около нее суетились младшие фрейлины. Одна держала малиновую бархатную «робу», другая – цветы, третья – веер и драгоценности.

«Экая бестактность! – с досадой подумал Бестужев. – Полураздетая, приглашает меня, мужчину, к себе, и при всех».

– Съезжаются? – спросила герцогиня.

– Да, ваше высочество, – сухо, официально ответил обер-гофмаршал. – Вам бы надо поторопиться с туалетом.

– А ну их! Подождут! – улыбнулась Анна Иоанновна. – Ты вот лучше посмотри, что мне прислала императрица!

Герцогиня говорила радостно-возбужденным голосом.

– Вам? Прислали? Что? – удивленно спросил Бестужев.

– А вот полюбуйся, Петр Михайлович! – И с этими словами Анна Иоанновна подала Бестужеву огромный футляр. – Бери, бери. Раскрой и посмотри!

Бестужев повиновался.

Сноп разноцветных радужных огней, которыми горели и переливались бриллианты роскошного колье, ударил в глаза царедворцу.

– Я только сейчас получила это с курьером от ее величества. Читай, что она пишет.

Бестужев про себя прочел содержание августейшего послания:

«Понеже умно Вами было поступлено и велениям моим Вы не противились по Морицову делу, – жалею Вам сию безделицу, блеск и играние камней коей да отвлекут ваши мысли на иной путь».

Бестужев прочел и усмехнулся про себя.

Анна Иоанновна была почти уже одета.

– Ну а этот-то господин-сюрприз прибыл? – бросила она Бестужеву.

Тот, догадавшись, что речь идет о Джиолотти, ответил:

– Я не видал. Это уже дело Эрнста Ивановича.

Все приглашенные уже съехались. В большом зале и прилегающих к нему гостиных стоял тихий гул голосов, точно жужжание пчелиного роя. Та скука, которая всегда наблюдалась на балах Анны Иоанновны, начинала царить и теперь. Многие удивлялись, что ее светлость не показывается так долго, и положительно не знали, что делать. Правда, некоторые упитанные обер-раты ухитрились уже пробраться в открытую буфетную и там вознести малое жертвоприношение богу Бахусу. Наскоро опорожнив бокалы с вином, а то и просто с напитком Гамбринуса – «напитком богов и людей», [27] – они уже с жаром начали было вести разговоры об излюбленном предмете – политике.

Митавские прелестницы, все эти упитанные, дородные обер-ратши, готовились к своему любимому занятию – сплетничеству.

Но вот послышались звуки труб и литавр.

Это было до такой степени неожиданно, что все вздрогнули и невольно обратили изумленные взоры друг на друга.

– Это что же обозначает? – послышались тихие возгласы.

– Ого! С каких это пор у этой Анны завелся такой церемониал?

Митавцы могли удивляться: действительно, до сих пор приемы Анны Иоанновны отличались большой простотой.

Бестужев постучал тростью по паркету зала и торжественно возгласил:

– Ее высочество, ее светлость изволят следовать!

Гробовая тишина воцарилась в зале. Взоры всех присутствующих устремились на двери, из которых выходила царственная митавская «затворница».

Анна Иоанновна была и величественна, и почти красива в этот вечер. В своей роскошной «робе», искусно накрученная и насурмленная, сверкая бриллиантами, она выступала как-то особенно горделиво. И даже во взгляде ее маловыразительных глаз светилось что-то бесконечно властное, уверенное. И невольно перед этой величественной женщиной склонились головы митавской знати.

– Я рада, господа, видеть вас всех на моем скромном бале... – начала Анна по-немецки своим особенным голосом. – После неприятных дней странного и нежелательного волнения, которое охватило Митаву, нам надо немного развлечься... Я буду счастлива, если вы все будете чувствовать себя сегодня весело и непринужденно...

Тихий гул одобрения собравшихся гостей был ответом на приветствие ее светлости.

Стоявший во главе группы блестящих курляндских гостей канцлер Кейзерлинг выступил вперед и, низко – по-придворному – склонившись перед герцогиней, произнес:

– Имея честь приветствовать вас, ваша светлость, я позволяю себе от имени всех собравшихся принести вам нашу почтительнейшую благодарность за...

«Пошли немецкие нескончаемые периоды!» – усмехнулся в душе Бестужев.

А Кейзерлинг между тем продолжал:

– ...за ту высокую честь, которую вы оказываете нам вашим милостивым приглашением и почетом.

Голова несчастной Измайловской царевны откинулась еще горделивее. В этих простых, лживо-пустых словах курляндского магната Анна Иоанновна почувствовала признак раболепия, и это сознание наполнило ее тщеславную душу трепетом восторга.

«Ага! Преклоняетесь? То-то вот... А то нос все задирали, меня в грош не ставили!» – молнией пронеслось в ее голове.

По данному сигналу грянула музыка.

Анна Иоанновна величественно «изволила следовать вперед» посреди растянувшихся и кланявшихся гостей и подошла к герцогскому трону.

В ту секунду, когда звуки труб и литавр на секунду стихли, к ее высочеству и светлости подошел Бирон и громко произнес:

– Ваша светлость! Благородный синьор Джиолотти, великий магистр Ордена «Фиолетового креста», прибыл и ожидает высокой чести лицезреть вас, ваша светлость...

Все в удивлении переглянулись. Кто это такой Джиолотти? Откуда он появился? Митава еще не знавала такого гостя. Какой «магистр», да еще «великий»? Какой орден «Фиолетового креста»?

Жгучее любопытство засветилось в глазах нарядной, блестящей толпы.

– Попросите его, господин камергер! Мы будем рады видеть столь почтенного иностранца, – ответила Анна Иоанновна и обратилась к гостям: – Мне говорили, что синьор Джиолотти – великий алхимик, чародей и ученый. Быть может, он развлечет всех нас, показав нам свои чудеса.

А великий чародей уже появился в зале и легкой, крадущейся походкой большого тигра направлялся к герцогине. Одет он был чрезвычайно оригинально. Черные туфли с огромными бриллиантами на пряжках; белые шелковые чулки; короткие штаны черного бархата, «пуфом»; такого же бархата узкий камзол с большим белым отложным воротником из венецианских кружев; поверх камзола был накинут шелковый плащ-мантия великолепного фиолетового цвета. На голове синьора Джиолотти была надета остроконечная шапка-колпак тоже фиолетового цвета и такой формы, какую носили астрологи и чародеи глубокой древности. Но что особенно бросалось в глаза – это роскошная золотая цепь, испещренная какими-то таинственными иероглифами; на ней висел крест необыкновенной формы. Этот крест горел необычайным блеском и был, по-видимому, бриллиантовый, но – странное дело – эти бриллианты переливались не радужными огоньками, а светились одним ровным фиолетовым блеском. И чуден, и загадочен был этот свет...

Большие черные глаза великого магистра горели тоже необычайным блеском.

И при появлении этого диковинного человека как-то сразу, невольно притихла, замерла разодетая толпа, наполнявшая залы Кетлеровского замка.

Джиолотти подошел к Анне Иоанновне и, опустившись на одно колено, произнес своим музыкальным, странно вибрирующим голосом:

– Приветствую прекрасную царевну и герцогиню далекой сказочной страны.

При виде Джиолотти Анна Иоанновна совсем растерялась.

Все это время она готовилась к встрече с иноземным чародеем. Мысленно она рисовала себе его образ, но как все это оказалось непохожим на действительность! Ей, воспитанной на сказках «измайловских мамушек», чародей, колдун всегда представлялся в виде старого, дряхлого старика с большой косматой и седой бородой... А тут вдруг перед ней был высокий, сильный, красивый мужчина с пронзительными глазами, которые так и жгли душу.

Анна Иоанновна чувствовала, что ей надо прийти в себя, ответить что-либо подходящее на приветствие заморского гостя, – но не могла. Как завороченная, она не могла отвести взгляда от горящего взора кудесника.

Все замерли. Все ожидали слов ее светлости.

Бестужев, стоявший около Анны Иоанновны, с тревогой глядел на свою повелительницу.

– Ваше высочество, да говорите же!.. – еле слышным шепотом бросил он ей.

Анна Иоанновна словно очнулась после минутного тяжкого наваждения.

– Я... – начала она вздрагивающим голосом. – Я рада видеть вас, господин Джиолотти, при моем дворе.

И она протянула руку, которую Джиолотти почтительно поцеловал.

– J'ai eu déjà l'honneur voir Votre Altesse a Moscou pendant le Couronnement de sa Majeste l'impératrice,[28] – произнес Джиолотти.

– Ах, вот как?.. Да, да, я слышала об этом, – воскликнула Анна.

Все присутствующие, обуреваемые любопытством, столпились вокруг герцогини, Джиолотти и Бестужева.

Бирон стоял с надменной улыбкой в стороне.

О музыке, танцах было забыто. Этот таинственный человек приковал к себе всеобщее внимание.

– А вы... вы для чего приехали к нам, в Россию? – начала беседу Анна Иоанновна.

– Меня всегда манила ваша великая страна, ваше высочество, и я, знакомый со всеми странами мира, захотел посмотреть на Россию, – ответил Джиолотти.

Его голос звучал бесстрастно-спокойно, а взор его удивительных глаз впивался в окружавшие его лица.

– Я полагаю, что после вашей прекрасной страны у нас вам кажется очень непригоже: холод, унылые места, снег, – продолжала Анна Иоанновна.

– После знойной Индии и жаркой Италии, ваша светлость, приятно видеть и снег. К тому же ведь в нашей власти в любую минуту заменить снег роскошными цветами.

Последние слова Джиолотти удивили всех. Особенно была поражена ими Анна Иоанновна.

– Как же это можно снег заменить цветами? – живо спросила она.

– Очень просто. Вы интересуетесь этим, ваше высочество? Если вам угодно, я могу показать вам это воочию.

Толпа придворных гостей придвинулась еще ближе к герцогине и к великому чародею. Любопытство было так сильно, что заставило многих придворных забыть об этикете.

– Как? И мы все увидим это волшебное превращение? – воскликнула герцогиня.

– Да! – ответил великий магистр. – Потрудитесь приказать принести сюда какой-нибудь таз, наполненный снегом, ну, например, такой, в котором замораживают шампанское.

Бестужев сделал знак глазами Бирону. Тот, в свою очередь, тихо отдал какое-то приказание придворному лакею.

Бестужев тихо проговорил Анне Иоанновне:

– Садитесь, ваше высочество, на трон. Неудобно вести всю эту сцену стоя. – Он помог герцогине подняться на ступени герцогского трона и, когда она села, обратился с любезной придворной улыбкой к митавским дамам по-немецки: – Я предложил бы уважаемым господам сесть. Так будет удобнее видеть им и всем остальным то, чем желает удивить всех достопочтенный синьор Джиолотти.

Дамы расселись, образовав одну общую живописную группу, мужчины, все упитанные обер-раты, во главе с канцлером и маршалом, остались стоять. Вся середина зала, таким образом, оказалась свободной.

Анна Иоанновна, взволнованная, с горящими глазами, сидела на троне и с каким-то жутким, затаенным страхом поглядывала на заморского кудесника.

А тот стоял бесстрастный, гордый, спокойный, как диковинное изваяние.

Бестужев, иронически относившийся ко всему «сему действу», насмешливо улыбался.

– *Pergeat lux!*[29] – вдруг прозвучал властный голос великого магистра.

Он простер правую руку вперед – и зал, и все гостиные погрузились в глубокий мрак.

У всех невольно вырвался подавленный крик изумления, к которому примешивался страх.

Но эта тьма продолжалась всего несколько секунд.

Вдруг, неизвестно откуда, появился таинственно-трепетный, голубовато-фиолетовый снег. Сначала он был очень слабым, но, мало-помалу, усиливаясь, залил собою тронный герцогский зал, накладывая на лица всех присутствующих странные блики.

Это был особенный свет, не схожий с тем, который получается от «потешного»[30] огня.

Стало почти ярко-светло.

Анна Иоанновна, приложив руку к сильно бьющемуся сердцу, приподнялась с кресла.

– Ах! Что же это такое? – тихо слетело с ее губ.

Этот самый вопрос хотели, но боялись задать и все присутствующие, прикованные взорами к синьору Джиолотти.

Появился придворный лакей. Он нес большой металлический таз, наполненный снегом.

– Поставьте его сюда! – приказал Бирон, показывая на место как раз против трона герцогини.

Гробовое молчание воцарилось в зале.

Джиолотти подошел совсем близко к ее светлости и спросил:

– Что вы видите здесь, ваше высочество?

– Здесь? Здесь – снег, – ответила Анна Иоанновна.

Тогда Джиолотти обратился и к гостям августейшей герцогини:

– И вы все видите только снег?..

– Да... да... ну, конечно!.. Да, – в удивление посыпались робкие ответы.

Тогда великий чародей Джиолотти простер руки над тазом со снегом и произнес:

– Смотрите, вы все, смотрите, ваше высочество, сюда!.. Не спускайте глаз!

И взоры всех устремились на невинный предмет.

Снег стал таять точно под влиянием сильнейшей жары. Вместо снега появилась вода, а на ней, на этой воде, – маленькие-маленькие зернышки светло-желтого цвета.

Из одного из этих зернышек стал поразительно быстро расти ствол и покрываться ветвями, на которых появились темно-зеленые листья.

Ужас овладел и Анной Иоанновной, и ее гостями.

– Ах!.. – пронеслось по залу.

А взор великого чародея не отрывался от сказочно быстро растущего ствола. Его руки все так же были распростерты над тазом, и все так же властно-уверенно звучал его голос, произнося какое-то магическое заклинание на латинском языке:

– *Nasce o, arbor magnae misteriae, nasce! Est in corpore tuo Signum et vis vitae aeternae... Egomet, Magistr Maximus, potentiae summae volo.*[31]

Все выше, выше становилось это заколдованное дерево.

– Боже! Что за дьявольщина?! – испуганно отшатнулся Кейзерлинг. – Это – волшебное дерево!

– *Fiat lux!* Да будет свет! – властно произнес Джиолотти.

Таинственный фиолетовый свет куда-то исчез, уступив место красно-желтому свету свечей люстр и канделябров.

Перед всеми стояло высокое дерево, на котором висели великолепные мандарины.

Джиолотти, сорвав один, почтительно поднялся по ступеням трона и протянул герцогине

«магический плод».

– Лучшей наградой мне, далекому чужеземцу, могла бы явиться милость, если бы вы, ваше высочество, сообразовали принять от меня этот душистый плод, столь быстро выросший на снегах вашей отчизны! – Итальянец почтительно склонился перед Анной Иоанновной, которая совсем «сомлела».

Это первое чудо таинственного магистра привело всех в состояние какого-то столбняка.

Бирон подал знак – и грянула музыка. Но звуки того упоительного вальса, который всегда столь зажигательно действовал на сентиментально-чувственных митавок, не произвели теперь ни малейшего эффекта. Так сильно было впечатление, произведенное на всех синьором Джиолотти.

Однако бал все же начался.

Джиолотти стал беседовать с Бестужевым, на которого чудо великого магистра произвело как раз обратное впечатление: более чем когда-нибудь Петр Михайлович был убежден, что имеет дело просто с ловким фокусником, а вовсе не с ученым.

Бирон, воспользовавшись тем, что начались танцы, подошел к герцогине и тихо спросил ее:

– Ну что? Видели?

– Да!.. – так же тихо ответила она.

– Остались довольны?

– Я поражена, Эрнст...

– Убедились в могуществе того человека, которого я вызвал из далекой Венеции?

– О, да!.. Но я боюсь его, Эрнст Иванович, он вселяет мне какой-то ужас...

И в шепоте Анны Иоанновны действительно звучал страх.

– А между тем, Анна, вам надо не бояться его, а благословлять, потому что он сулит вам такое счастье, о котором вы даже и мечтать не могли, – произнес Бирон.

– Что же: он будет гадать мне сегодня при всех?

– Да. Он вообще покажет всем еще немало чудес.

Бестужев, разговаривая с чародеем, не спускал взора с Анны Иоанновны и Бирона.

«Что этот «конюх» нашептывал ей? Я убежден, что разговор идет о том «чуде», которое вот стоит передо мной, – о Джиолотти. Но неужели он при всех ляпнет такую штуку, о которой говорил мне Бирон? – тревожно проносилось в голове обер-гофмаршала. – Ведь если он громогласно заявит, что Анну ждет императорская корона, это немедленно станет известно в Петербурге. А там на меня и так косятся».

Джиолотти как бы сразу прозрел, какие тревожные мысли обуревали обер-гофмаршала.

– Что вы так угрюмы, ваше превосходительство? – тихо спросил он Бестужева.

Тот, пожав плечами, ответил:

– Ведь для вас, такого могущественного чародея, нет тайн. Если это справедливо – угадайте

причину моего тревожного состояния духа.

Пристально-пристально поглядел в глаза царедворцу великий магистр и еще тише сказал ему:

– Вы боитесь одного бестактного чуда с моей стороны. Но, во-первых, если вам не угодно, чтобы оно совершилось, его и не будет, а во-вторых – оно будет сделано так тонко, что, кроме ее светлости, вас, господина Бирона и меня, об этом никто не будет знать.

«Да, это – необыкновенный человек! – вздрогнул Бестужев. – Он читает чужие мысли как открытую книгу».

– Хорошо! – сказал он. – Я полагаюсь на ваше искусство и на вашу ловкость, синьор Джиолотти.

Великий магистр, с низким поклоном подойдя к герцогине, спросил:

– Не пожелаете ли вы, ваша светлость, чтобы я воспроизвел перед вами какие-нибудь картины из того прошлого, которое вам почему-либо особенно мило и дорого?

– И я увижу эти картины?

– Да, совершенно ясно.

Удивленный шепот гостей пронесся по залу.

– Что же я должна для этого сделать? – пролепетала Анна Иоанновна робким голосом.

– Очень немного. Я только попрошу вас усиленно думать о том, что вам было бы угодно видеть.

После этих слов в руках чародея появилось маленькое золотое блюдечко, на которое он что-то насыпал из золотого же флакончика. Затем он поставил блюдечко на круглый небольшой столик, и вдруг трепетно-голубое пламя взвилось прямым, ровным столбом над таинственной чашечкой, а клубы ароматного, странно пахнущего дыма волнами заходили по залу. Казалось диковинным, как, откуда могли взяться столь большие клубы, в которых совсем скрылась фигура великого магистра. Вместе с этим откуда-то издалека донесся и прокатился по огромному залу аккорд музыки. Тихий звон серебрястых колокольчиков как бы примешался к мелодичному звуку туго натянутой тонкой струны. Свет сразу погас. Потухли все люстры, все канделябры.

Анна Иоанновна почувствовала, что чья-то горячая рука с силой схватила ее руку, и она услышала слова чародея:

– Сосредоточьтесь над тем, что вы желаете видеть, ваша светлость! Думайте только об этом и пристально глядите прямо вперед.

Грозно, повелительно звучал голос Джиолотти; в нем уже не было ни мягкости, ни придворной вкрадчивости, а звучало лишь приказание.

Сам он казался каким-то огненным существом в том мраке, который воцарился в зале, – точно человека облили спиртом и подожгли.

– Вы видите что-нибудь на стене? – спросил затем чародей.

– Нет... ничего, – ответила герцогиня, – только какие-то искры.

– Напрягайте зрение!

И вдруг на стене, чуть-чуть озаренной фиолетово-голубоватым светом, стали вырисовываться фигуры. Сначала они не имели правильных, определенных очертаний. Казалось, точно бесформенные тени вздрагивали и плясали, то пропадая, по появляясь вновь.

Глубокая тишина царила в зале. Было лишь слышно взволнованное дыхание Анны Иоанновны и ее гостей.

Бежали секунды, сменяясь минутами, которые всем мнились бесконечными часами вследствие остроты жгучего, напряженного ожидания «чего-то страшного, необычайного с того света, от власти Сатаны».

Но вот мало-помалу пляшущие тени стали принимать определенные формы.

– Ах!.. – пронеслось вторично по залу.

Все увидели следующее: огромный, длинный стол, весь заставленный кубками, кувшинами. Посредине него, на почетном месте, восседает огромная фигура грозного царя, императора Петра. По правую руку его сидит худощавый, болезненного вида, молодой человек в какой-то иноземной военной форме с лентой и звездой.

– Кто это? Вы узнаете? – тихо, но повелительно прозвучал голос великого магистра, продолжавшего держать Анну Иоанновну за руку.

– Боже мой! – в ужасе прошептала она. – Да, да, все это так... Это – картина нашего свадебного пира... Вот мой могучий дядя, император Петр... А это – мой муж... Пустите меня, мне страшно!..

– А вот та, кто сидит по левую руку императора, кто она? – спросил чародей. – Глядите пристальнее!

– Это – я, я сама...

Чудесное, необычайное видение горело на стене несколько минут, а потом потухло. Но через пять-шесть секунд причудливые тени опять заколебались на стене.

Одна из присутствующих дам – жена важного курляндского чина – не выдержала ужаса таинственного сеанса и упала в обморок. Ее поспешно вынесли на руках в соседнюю гостиную.

Но завороченность толпы придворных гостей была настолько сильна, что происшествие, которое в иное время вызвало бы переполох, теперь не привлекло ничьего внимания.

Картина, представившаяся всем, была следующая: унылая поляна, занесенная снегом. Высокая гора... Небольшое здание, ярко освещенное. Несколько повозок, из которых первая, отличающаяся особой роскошью, окружена толпой людей. Из повозки выносят на руках человека в меховой шинели. Она распахнулась и позволяет видеть ленту и звезду... Тут же, впереди других, в бархатной горностаевой шубке стоит молодая женщина в позе глубокого отчаяния, заломив руки...

– Смотрите, ваше высочество, вы узнаете эту картину?... – властно прозвучал голос Джиолотти.

– Это он, наш трагически умерший герцог! Это – видение его смерти в Дудергофе! – прокатился по залу испуганный гул голосов.

Анна Иоанновна, глубоко потрясенная, бессильно свесилась на руку великого чародея.

– Не надо больше... не надо... Мне дурно!.. – умоляюще произнесла она.

Бестужев, грубо схватив Джиолотти за рукав, дрожащим голосом произнес:

– Довольно! Или вы хотите уморить ее... и всех нас?

Люстры и канделябры зажглись сами собой снова. Анна Иоанновна стояла, тяжело дыша. Лица других были не менее бледны и взволнованны.

– Я... я не знаю, как назвать это, но... покажите мне лучше, что ожидает меня впереди... – сказала герцогиня.

Джиолотти поклонился и вышел из зала. Вскоре он появился, держа в руке большой бокал тонкого стекла. По дороге, как на грех, он столкнулся с Кейзерлингом.

– Вы, высокоученый господин Джиолотти, быть может, покажете и нам, скромным гостям ее светлости герцогини, наше будущее? – спросил канцлер, отвечивая церемонный поклон чародею.

– Сделайте одолжение, господин канцлер! – ответил Джиолотти, с улыбкой поглядывая на него. – Но прежде я поговорю с вами о настоящем. Великий Боже! Ах! Что это такое?! – в испуге закричал он, отшатываясь от курляндского канцлера.

Кейзерлинг, в свою очередь, перепуганный до смерти, отскочил от великого магистра.

– Что это? Что это с вами?! – продолжал Джиолотти.

– Что? Что со мной?!

– Да вы посмотрите, что происходит с вашим носом! Ведь он растет, как сук дерева! О, Боже! Это – уже не простой нос, а... какой-то чудо-нос.

В смертельном страхе схватился чопорный курляндский вельможа за свой злополучный нос, но кончик его он мог ущипнуть лишь на расстоянии не менее четверти аршина от его законного, обычного места.

Все сначала замерли, так как видели собственными глазами (как рассказывали позже), что достопочтенный нос Кейзерлинга действительно вытянулся в несуразную длину.

– Donner-wetter! Was haben Sie gemacht mit meinem Nase?![32] – заорал как полоумный, забывая об этикете, Кейзерлинг.

Несмотря на то, что весь зал был настроен «мистически-страшно», дружный хохот прокатился среди гостей.

Анна Иоанновна хохотала как сумасшедшая.

А Джиолотти продолжал:

– Я? Да Бог с вами, любезный господин Кейзерлинг! Мне просто показалось, я ошибся... Ваш уважаемый нос находится в вождеденном порядке... Посмотрите, пощупайте сами!..

Кейзерлинг дотронулся до носа и в негодовании тихо воскликнул:

– Какая глупая шутка! Но черт меня возьми на этом месте, если я сам не видел, что мой нос вырос, как большой огурец...

Великий магистр бережно, осторожно поставил бокал с водой на столик перед герцогиней,

затем выпрямился, гордым взглядом своих удивительных глаз обвел ряды гостей и произнес:

– Я попрошу вас всех думать о том, что ожидает в будущем ее светлость, герцогиню Курляндскую. – Он подошел к столику и, не сводя горящего взора с лица Бестужева, сказал: – Вы – единственный человек, кто сомневался в моем могуществе! Посмотрите в бокал!

Бестужев стал смотреть. Он глядел долго и пристально.

– Видите? – спросил Джиолотти.

– Неясно... какие-то круги...

– Еще смотрите!

И вдруг Бестужев отпрянул назад.

– Ну?..

– Да, я увидел... – глухо произнес резидент. – Господи!..

Холодный пот выступил на его лбу.

Анна Иоанновна, довольно грубо оттолкнув Петра Михайловича, жадно склонилась над стаканом и, вглядевшись, произнесла:

– Вода... просто вода... Ах! Что это?.. Ко... коро...

– Да, это корона! – вырвалось у Бирона.

Все в изумлении переглянулись. Откуда он, этот выскочка, может знать, что видит герцогиня в бокале?

Счастливое, блаженное выражение разлилось на лице Анны Иоанновны.

Она приложила руку к сильно бьющемуся сердцу и дважды повторила:

– Корона... корона! – а затем в порыве радости и благодарности быстро сняла с пальца бриллиантовое кольцо и протянула его Джиолотти. – Возьмите на память о сегодняшнем вашем чудесном предсказании эту безделушку, любезный синьор Джиолотти.

Великий магистр опустил на одно колено и, почтительно принимая драгоценный дар из рук герцогини, произнес настолько тихо, что это расслышали только Анна Иоанновна, Бестужев и Бирон:

– Благодарю вас, ваше будущее императорское величество!

Вся эта сцена с короной никого из придворных гостей особенно не удивила. Корона... О какой короне шла речь? Какую корону увидела герцогиня в таинственном фиале? Ну, разумеется, герцогскую, то есть корону своего будущего супруга, будущего герцога Курляндии. Ни для кого из митавских высших сановников и обер-ратов не являлось секретом пламенное желание вдовствующей герцогини во что бы то ни стало выскочить вновь замуж, и они решили, что, очевидно, чародей предсказал Анне Иоанновне нового мужа.

Бал окончился большим ужином, после которого танцы уже не возобновились и начался разъезд.

На этот раз митавцы были более чем довольны балом своей «скучной» герцогини: чудеса Джиолотти явились столь диковинным зрелищем, что Митава – в лице ее аристократии – не

спала и остаток ночи. Единственным недовольным был Кейзерлинг: он не мог простить этому «ферфлюхтеру»[33] Джиолотти историю со своим носом.

Сделать его, канцлера, посмешищем всего блестящего собрания... Да ведь это – дерзость, превышающая всякую меру.

XI. Поздняя гостья

– Ну, вы довольны, синьор Бирон? – обратился Джиолотти к Бирону, когда он после бала очутился в помещении фаворита герцогини.

– Честное слово, дорогой Джиолотти, я не мог ожидать ничего подобного! Вы превзошли мои самые смелые ожидания.

Джиолотти загадочно улыбнулся.

– То, что видели вы и все, – это еще не полное проявление моей силы, – промолвил он. – Если хотите, уговорите герцогиню присутствовать завтра на тайном сеансе, на котором кроме вас может находиться еще и Бестужев.

– А что же будет происходить на этом сеансе?

– Это вы увидите, дорогой господин Бирон! – с пафосом и с таинственностью ответил великий магистр. – А теперь я хотел бы отдохнуть, так как вследствие большой затраты энергии я чувствую легкую слабость.

Бирон провел великого чародея-гостя в его комнату, и, обменявшись пожеланиями спокойной ночи, они разошлись.

Отделение Бирона находилось в западной части замка. Та комната, в которой поселился Джиолотти, непосредственно примыкала к коридору.

Великий чародей разоблачался. Он уже снял с себя свою роскошную, таинственную цепь, скинул мантию и только что принялся было расстегивать камзол, как в дверь его комнаты, со стороны коридора, послышался легкий-легкий стук.

Джиолотти удивленно поднял брови:

«Кто это жалует ко мне? Бирон? Но мы уже простились с ним? А-а, может быть, кто-нибудь из прислуги».

Он подошел к двери и тихо спросил:

– Кто там?..

– Ради Бога, отворите дверь и впустите меня... Мне очень надо видеть вас... – тихо ответил приятный женский голос.

Облако искреннего изумления пронеслось по лицу Джиолотти. Он наскоро застегнул камзол и столь же поспешно надел на грудь чудесную цепь. Отворив дверь, он ласково произнес:

– Грядите с миром, дитя мое.

В комнату чужеземного чудесника поспешно вошла высокая, стройная женщина, закутанная в

черный тюль, с атласной полумаской на лице.

– Вы одни, синьор Джиолотти? – взволнованным, вздрагивающим голосом начала таинственная маска, закрывая дверь на ключ.

– Как видите, сударыня!.. – улыбнулся тот. – Впрочем, идя сюда, вы отлично знали это, так как в противном случае вы ни за какие блага мира не сделали бы этого рискованного шага. Не правда ли?

Дама вздрогнула, смутилась.

Джиолотти, предупредительно пододвинув своей поздней ночной гостье кресло, сказал:

– Прошу вас, сударыня, сесть. Вы так взволнованны, что нуждаетесь в этом.

Та послушно, как автомат, опустилась в кресло.

– Я не спрашиваю вас, кто вы, с кем я имею честь говорить, потому что, судя по вашей маске, вы желаете сохранить инкогнито, – улыбаясь, продолжал «венецейский» чародей. – Но... не кажется ли вам самым смешным то обстоятельство, что вы, являясь к кудеснику, пытаетесь обмануть его путем какой-то атласной безделицы? Неужели вы полагаете, что для меня такая преграда непроницаема?..

– Ах! – вырвалось у посетительницы. – Вы должны понять, синьор Джиолотти, что бывают вещи, о которых не совсем-то приятно беседовать с открытым лицом.

И она в волнении хрустнула пальцами.

– Ну-с, что же вам угодно от меня, сударыня?

– Скажите, синьор, говорят... Я слышала, что вы всемогущи? – начала дама робко, неуверенно, причем сквозь разрез маски сверкнули красивые синие глаза.

Джиолотти отрицательно покачал головой:

– Тот, кто сказал вам это, сказал неправду. Я не могу быть всемогущим, так как всемогущей мы называем лишь ту Силу, которая образовала мир. Двух, трех, пяти, десяти «всемогущих» быть не может, потому что при равнозначных силах одна не может довлеть над другой. Нет, я не всемогущий, а только многомогущий, я – тот, которому удалось овладеть многими великими тайнами Непостижимого и сделать их послушными себе.[34]

– Ах, все, что вы говорите, для меня так неясно, непонятно! И для чего мне все это знать? – раздраженно вырвалось у маски. – Я знаю одно: вы – чародей, а поэтому вы, если захотите, можете помочь мне.

– А в чем должна выразиться моя помощь, сударыня? – спросил Джиолотти.

Таинственная незнакомка дрожащими руками раскрыла маленькую сумочку и стала лихорадочно-торопливо вынимать из нее разные предметы.

Тут были несколько колец, брошей, серег с драгоценными камнями, золотая табакерка, много золотых монет и пачки денег. Все это она нервно положила на стол и спросила Джиолотти:

– Вы видите эти сокровища, синьор?

– Вижу, но не вполне понимаю, для чего вы изволили положить все это на стол, – пожал тот плечами.

– Все это я отдам вам, если вы поможете мне в моем великом горе.

– Я буду беседовать с вами при одном условии: вы должны немедленно спрятать ваши... сокровища обратно в вашу сумочку, сударыня. – Джиолотти гордо выпрямился. Его взгляд загорелся очевидным негодованием, и он резко произнес: – Кто дал вам право оскорблять меня? Или вы принимаете меня за шарлатана, продающего свои фокусы за деньги и побрякушки? Прячьте, скорее прячьте все это! Вот так... хорошо!.. Ну а теперь говорите, что вам надо. Впрочем, вы лучше отвечайте мне на вопросы. Вы любите?

– Да, – слышался тихий ответ маски.

– И, очевидно, несчастливо?

– О, да, да! Были минуты, когда я была счастлива! Тот человек, которого я полюбила, отвечал мне взаимностью... Все, все сулило нам радостную будущность... Но...

– Но на вашем пути встала соперница? Да?

– Да. Она похитила, украла дорогого мне человека. И теперь она торжествует! – И вдруг таинственная незнакомка порывисто встала и опустилась на колени перед Джиолотти. – О, умоляю вас, спасите меня, верните мне мое счастье, верните мне счастливую любовь! Вы, только вы одни можете сделать это! Вы – чародей, вам послушны все таинственные силы природы.

Умоляюще протягивая к Джиолотти руки, она являла собою живое воплощение тяжелого страдания.

Великий магистр поднял женщину.

– Садитесь... Ах, бедное дитя, ах, бедная женщина! Ну, успокойтесь, придите в себя... Я вам приказываю успокоиться! Слышите?!

Эти слова произвели магически-сильное действие на незнакомку. Она откинула голову на спинку кресла.

Джиолотти простер руки над ее головой и сделал несколько продольных пассов от головы до ног.

– Отделись! Отделись! Отделись! – произнес он и три раза дунул широко раскрытым ртом^[35] в лицо женщины, находившейся в состоянии полнейшей каталепсии,^[36] после чего властно спросил: – Что ты чувствуешь?

– Я чувствую, что я умираю.

– Неправда! Ты жива. Ты хочешь быть счастлива?

– Хочу.

– Вы любите Бирона?

– Да, я люблю его, безумно, страстно.

– А та женщина, которую вы ненавидите, – это ее светлость Анна?

– Да, она, она.

– Вы – фрейлина герцогини?

– Нет, я – ее гофмейстерина.

– Скажите, как вас зовут! – властно продолжал Джиолотти.

– Я – баронесса... я – Эльза фон Клюгенау...

– Теперь проснитесь! Вы слышите, что я вам приказываю? Проснитесь!

Прошло несколько секунд... Баронесса очнулась и как-то растерянно оглянулась по сторонам.

– Ну-с, сударыня, так вы хотите, чтобы я помог вам. А как вы думаете, чем именно я могу сделать это? – спросил Джиолотти.

– Я слышала, мне говорили, что великие чародеи, алхимики, обладают удивительными эликсирами, которые могут моментально приворожить одного человека к другому. Так вот дайте мне несколько капель этой чудесной жидкости и научите, как распорядиться ими.

– Это для привораживания? Да?

– Да.

– А для мести? Для мести вы тоже просите у меня снадобья? – каким-то странным тоном спросил Джиолотти.

По-видимому, глухая борьба происходила в душе обезумевшей от любви, ревности и злобы молодой женщины.

– Да! – вдруг воскликнула она. – Я прошу вас и об этой милости.

– Хорошо! Ступайте к себе! Завтра вы получите от меня ответ.

Баронесса покинула комнату великого чародея.

Проводив несчастную гофмейстерину ее светлости, Джиолотти прошел к Бирону.

Фаворит уже собирался ложиться и был несказанно удивлен появлением итальянца.

– Что случилось, дорогой синьор Джиолотти? – тревожно спросил он.

– Нечто такое, что я хотел сейчас же сообщить вам, – ответил чародей и подробно рассказал своему «русскому покровителю» сцену, происшедшую между ним и баронессой.

Бирон вскочил как ужаленный.

– О, эта Клюгенау – проклятая баба! Она доведет меня до несчастья! – злобно зарычал он. – От вас, синьор Джиолотти, я не могу иметь секретов. Анна ревнива в свою очередь, как только может быть ревнива старая баба. Но ведь она будет императрицей. А поэтому вы должны помочь мне избавиться от этой баронессы.

Джиолотти побледнел.

– Я не отравитель, Бирон! – глухо произнес он.

– Да я и не намерен ее отравлять, черт побери. Надо только устроить так, чтобы она навсегда покинула этот замок. А для этого необходим веский предлог. Бестужев, эта старая, хитрая лисица, горой стоит за нее.

– Хорошо, – начал Джиолотти, – у меня созрел один чудесный план. Спите спокойно!.. Только помните, что завтра Анна должна присутствовать на тайном свидании с нами, на магическом сеансе.

XII. Видение Анны Иоанновны. Обморок

Жизнь в замке после бала началась поздно, но Анна Иоанновна чувствовала себя великолепно. То, что произошло вчера на бале, наполнило ее душу такой безумной радостью, что она не знала, за что приняться, что делать.

За завтраком, очень поздним, присутствовали Бестужев, Бирон и Джиолотти.

Петр Михайлович был угрюм, как никогда: он только что получил секретное сообщение из Петербурга, что над головой его дочери, княгини Аграфены Петровны Волконской, стоящей во главе политического заговора, собираются грозные тучи.[37] Он отлично понимал, что это грозит и ему смертельной бедой.

Бирон, наоборот, был несказанно радостен, оживлен, а Анна Иоанновна – та просто ликовала. Разговор шел о чудесах синьора Джиолотти, который сидел, как и подобает великому чародею, с важным, сосредоточенным видом.

– Если бы я не видела всего этого собственными глазами, я подумала бы, что это – сказка, – произнесла герцогиня. – Не правда ли, Петр Михайлович?

Бестужев, оторвавшись от своих тяжелых дум, ответил:

– Вы правы, ваше высочество: я поражен не менее вас чудесами господина Джиолотти. Но...

– Ах, Петр Михайлович, ты все еще сомневаешься? – с досадой воскликнула Анна Иоанновна.

– Если вы, ваше превосходительство, желаете еще в большей степени и ясности увидеть вашу повелительницу в императорской короне, будьте любезны присутствовать сегодня на сеансе, – предложил Джиолотти.

– Ведь вы, ваше высочество, дали уже ваше милостивое согласие быть на нем? – склонился Бирон к герцогине.

– Да, да! Хоть это и страшно, но я желаю до конца убедиться в справедливости предсказания синьора Джиолотти.

Большая гостиная, прилегающая к тронному залу, тонула в полумраке. Всего только одна свеча, стоявшая на столе в высоком подсвечнике, освещала ее. Двери гостиной были настежь открыты в зал.

В гостиную вошли Анна Иоанновна, великий магистр, Бестужев и Бирон.

– У-у, как тут темно, как страшно. Жуть берет! – попробовала пошутить герцогиня.

– Я вас попросил бы, ваша светлость, настроить себя на несколько иной лад, – сурово произнес Джиолотти. – А теперь, прежде чем мы приступим к сеансу, будьте добры вымыть ваши руки. Умывальник вот здесь. Я приготовил его.

Все поочередно вымыли руки.

– Садитесь, господа, за стол! – предложил чародей. – Вы, ваша светлость, займите место в этом кресле. Вам ясно виден проход в зал?

– Да. Но там темно.

Суеверный страх уже начинал пробираться Анну Иоанновну.

– Об этом вы не беспокойтесь, ваша светлость. Если наш сеанс удастся, вы увидите там то, что очень заинтересует вас. А теперь я попрошу вас всех составить из рук цепь.

Джиолотти показал, как надо сделать и составить цепь, в которой сам он не принял участия.

Свеча в высоком шандале продолжала тускло гореть красноватым светом.

– Я, – начал Джиолотти, – как великий магистр, приказываю вам думать только об одном: о том существе, которое неисповедимыми путями Всемогущего должно сделаться порфиноносным. Думайте! Сильнее! Сильнее! Пусть разорвутся в искрах и стуке страстное томление и сила вашего флюида...

Неведомый доселе страх объял души присутствующих.

Анна Иоанновна, за ней Бестужев и Бирон явно почувствовали, как пальцы их рук стали вздрагивать. Что-то нестерпимо остро-колючее пронизало все их существо.

Великий магистр что-то бормотал. Была ли это жаркая молитва правоверного католика, магическое ли заклинание индийского брамина, торжествующий ли гимн самого Сатаны, – это не могли решить испуганные, смятенные участники кабалистического «действия».

Джиолотти, стоя позади Анны Иоанновны, крестообразно производил над ней пассы.

И вдруг словно сильный ветер ворвался в комнату. Испуганно заколебалось пламя свечи и сразу потухло. Полная тьма воцарилась кругом.

Но вот в этой тьме таинственно-трепетным зеленоватым огнем загорелось какое-то пятно. Оно стало расти, шириться, принимать определенные контуры, формы.

И все ясно увидели пред собою высокую, полную женщину, газообразную, как бы сотканную из пара.

– Трр... трр... стук-стук-стук... – ясно прозвучало в гостиной.

– Ободритесь! Смотрите!.. – прошептал Джиолотти Анне Иоанновне.

Та широко открытыми глазами глядела на страшное привидение.

Таинственная женщина выплыла медленной походкой из гостиной и подошла к ступеням трона... Вот она всходит по ступеням, вот садится... И сразу как бы сияние пошло от нее и осветило зал.

Заколебались колонны, кресло, верхушка трона... Казалось, что все это вот-вот разрушится... А на смену старому кетлеровскому трону выступило новое, иное: орел, скипетр и держава Российской империи. На голове газообразной женской фигуры горела императорская корона...

– Господи! Да ведь это – я, я!! – дико вскрикнула Анна Иоанновна и навзничь, во весь рост грохнулась на пол. * * *

Герцогиня заболела серьезно и опасно. Ввиду того, что в ту минуту, когда ее в обморочном

состоянии вносили в ее спальню, там находилась гофмейстерина Клюгенау, опрыскивавшая ее постель какими-то таинственными каплями, последнюю обвинили в покушении на драгоценное здоровье августейшей герцогини и через несколько дней удалили в ссылку. А «капли-яд» эти были – ловкая «шутка» Бирона, вернее – синьора Джиолотти.

Часть вторая

I. Российская хмара

Был конец декабря 1730 года.

Императрица Екатерина Первая, процарствовав всего два года, отошла уже в вечность, и царем сделался мальчик-отрок, Петр II Алексеевич, сын царевича Алексея.

Что-то тревожно-тоскливое уже давно черным пологом нависло над Россией... Все притихли, прижались и с испуганными лицами на ушко передавали друг другу политические вести. Великая «хмара» колыхалась над несчастной империей.

И неудивительно: этот короткий период времени ознаменовался чуть ли не ежедневно неожиданными событиями, волновавшими умы. Никогда, быть может, дворцовая, придворная жизнь не приносила столь часто таких сюрпризов, как в те годы. Дворцовые интриги, козни, сплетни, опалы «сильнейших», возвеличивание «ничтожнейших», ссылки – все это составило какой-то безобразный клубок, опутавший столицу Российской империи. Это был апофеоз «императорского временщичества» со всеми его темными сторонами.

«Священность особы» императриц и императоров, а главное, их самодержавность являлись на деле лишь пустыми, громкими словами: благодаря тому, что была нарушена прямая линия престолонаследия, российские венценосцы оказывались в руках той и иной могущественной партии, которая способствовала их воцарению, которая «добыла им трон». А за эту услугу партии и временщики брали такие «награды», что являлись едва ли не полновластными руководителями и делателями судеб российских.

Иностранные историки и дипломаты писали: «Что делается в России – не поддается описанию: все в разгроме. Правят всем фавориты и фаворитки».

«Остерман,[38] этот блестящий основатель «русской дипломатии», хотел дельно воспитать способного и доброго Петра II и покорить его своей воле; он привлек к своему плану сестру царя. Наталья Алексеевна была воспитана иностранцами, вместе с дочерьми Петра I, отлично говорила по-французски и по-немецки, любила серьезное чтение. Задумчивая, великодушная четырнадцатилетняя царевна проявляла волю и проницательность: она была «Минервой царя», увещевая его учиться и слушаться Остермана. Но она вскоре умерла от чахотки, и Петр II подчинился совсем другому влиянию. Его друзьями стали Долгорукие – князь Алексей и его сын Иван. Это были грубые, невежественные люди; двадцатилетний Иван был образцом кутилы высшего круга того времени. Долгорукие задумали овладеть Петром, развивая в нем самоволие, леность и страсть к забавам. Они постоянно возили его на прогулки, особенно на охоту, и устраивали пирушки. Весь этот кружок не терпел Меншикова. Мальчик, восстановленный против временщика, начал делать ему сцены и кричать: «Я покажу, кто император: я или он!» Меншикова сослали в Березов, власть

перешла к Долгоруким. Под предлогом коронации двор переехал в Москву, где Петр совсем предался забавам. Сестра князя Ивана, грубая, но разбитная Екатерина, была объявлена невестой царя, а Иван, уже обручившийся с богатой красавицей, дочерью Бориса Шереметева, стал все позволять себе, рыская по Москве с отрядом драгун».[39] * * *

Было около двенадцати часов ночи, когда в подъезд дворца вошел человек в меховой шинели и в такой же шапке, надвинутой глубоко на глаза.

– Кого вам? – грубо спросил один из дежурных, преграждая дорогу прибывшему.

Незнакомец спокойно вынул бумажку, приготовленную, очевидно, заранее, и протянул ее строгому церберу:

– Пойди и отдай! – властно приказал он.

– Кому? – захолопал тот глазами.

– Дурак! Кому, кому? Конечно, его превосходительству.

Через несколько минут прибывший, не снимая шинели, вошел в кабинет знаменитого «дипломата» Остермана.

Последний сидел за столом, заваленным бумагами.

– Вы? Вот, признаюсь, не ожидал вас видеть, Бирон! – удивленно и как будто чуть-чуть насмешливо воскликнул лукавейший из всех российских царедворцев, недаром прозванный «немецкой лисицей».

– Прошу извинить меня, ваше превосходительство, что я позволил себе войти к вам в шапке и шинели, – низко поклонился Бирон. – Но я полагаю, что иногда бывает лучше хранить инкогнито.

С этими словами Бирон быстро снял шапку и шинель и положил все это на широкий диван.

– Откуда вы, Бирон? – спросил Остерман.

– Прямо из Митавы.

Разговор шел по-немецки.

– Как же это вы решились оставить нашу Анну Ивановну одну? Она, бедняжка, рискует умереть со скуки, или же вы, любезный Бирон, рискуете очутиться с головным украшением, от которого отрещивается всякий добрый немец.

Остерман находился в отличнейшем настроении духа, а потому особенно сыпал излюбленными «вицами» (остротами).

– Ни первое, ни второе для меня не страшны, ваше превосходительство, – спокойно ответил Бирон. – Я к вам приехал по важнейшему делу.

– От нее? По ее поручению? – спросил Остерман.

– Нет, от себя, для себя и для вас.

– О! – высоко поднял палец Остерман. – Садитесь и давайте беседовать.

При первом упоминании Бироном имени Джиолотти Остерман расхохотался и воскликнул:

– Ах, вы опять о глупых предсказаниях вашего таинственного чародея? Оставьте, Бирон, ей-Богу, вы меня уморите со смеху!..

– Сейчас вы перестанете смеяться, когда узнаете, что сообщил мне этот великий человек.

Сказав это, Бирон протянул Остерману какое-то письмо, и тот стал с интересом читать его. И по мере того как подвигалось чтение, лицо знаменитого царедворца принимало все более и более удивленное выражение.

– Как?! – воскликнул он. – В январе?

– Да, в январе. Джиолотти пишет, как вы сами изволили прочесть, что ошибки быть не может, что гороскоп безусловно предсказывает это, – ответил Бирон.

– Но ведь это – явная бессмыслица: с чего, от какой причины может скончаться четырнадцатилетний мальчуган? Помилуйте! Он здоров, как бычок, и еще вот на днях на охоте собственноручно убил огромного медведя. И подумать, что через месяц, а то и менее, его не станет!.. Нет, нет, Бирон, я не верю в это; ваш Джиолотти просто водит вас за нос. Очевидно, ему понравилось получать драгоценные подарки, и он врет направо.

– Получив от великого магистра это извещение, я счел долгом немедленно приехать к вам, ваше превосходительство. Вы можете верить или не верить, – но вам необходимо знать это.

– И вы убеждены, что император умрет?

– Убежден.

Остерман, покачав головой, промолвил:

– Ай-ай-ай, Бирон!.. Этот маг заразил вас своим итальянским суеверием. Мы с вами – немцы, а потому нам стыдно верить в фантастические сказки. Ну-с, давайте, однако, обсудим этот вопрос. Допустим, что император умрет. Кто же, Бирон, по-вашему, наследует престол?

– Моя Анна Ивановна, – ни на секунду не задумываясь, ответил Бирон и горделиво выпрямился.

– А кем же я буду тогда? – улыбнулся Остерман.

– Вы – канцлером, а я – герцогом и первым человеком в империи. Вся власть России сосредоточится в моих руках. Черт возьми! Я покажу этим варварам, как надо жить! – повторил он свою любимую фразу.

Долго сидел в глубоком раздумье Остерман. Какая-то тревожная мысль проносилась по его лицу. Наконец он сказал:

– А знаете, Бирон, вы с вашим кудесником, пожалуй, правы...

– Ага! И вы, Остерман, приходите к этому выводу? – «конюх» фамильярно хлопнул по плечу знаменитого государственного человека.

Того покорило, но он стерпел.

– Да! – спокойно произнес Остерман. – Уже давно Верховный совет – в лице голицынско-долгоруковской партии и многих иных – мечтает об ограничении царской власти. Что ж! Если император действительно умрет, им не найти более удобного преемника, чем Анна... – Остерман оживился. С довольством потирая руки, он стал засыпать Бирона вопросами: – А как она себя чувствует?

– Отвратительно!.. На нее опять напала хандра. Чрезвычайно хорошо, что событие приближается с головокружительной быстротой. Знаете ли вы, Остерман, что она сказала мне на прощание перед моим отъездом в Москву? «Если вы обманули меня, если я осуждена влачить в Митаве эти постылые, унылые дни, – я руки наложу на себя». А? Хорошо?

– Хорошо!.. – усмехнулся Остерман.

– Я ответил ей: я еду в Москву, а скоро и вы поедете в Москву, а оттуда – в Петербург.

– О Бестужеве она скучает?

– Нет. Но вообще Анна Ивановна как-то сразу опустилась... Только кое-когда она чувствует прилив энергии. Клянусь вам, Остерман, она будет в наших руках! – Бирон подошел к Остерману и тихо прошептал ему: – Я хотел бы видеть императора. Устройте мне это!

– Зачем? – спросил Остерман.

– Чтобы увидеть на его челе signum mortis,[40] Джиолотти научил меня, как распознавать это.

Беседа шла до утра. Бирон остался ночевать у Остермана.

II. Забавы юного «цезаря»

Несмотря на ранний утренний час, в великолепной спальне четырнадцатилетнего императора Петра II царил не тишина, а, наоборот, большая «шумиха».

Император был еще не одет. Он вскочил с кровати, потому что его юная голова нестерпимо болела, а болела она потому, что накануне его напоил чуть не до бесчувствия князь Иван Долгорукий.

– Иван... Ваня... худо мне что-то!.. – подошел Петр Алексеевич к Долгорукому, храпевшему на двух вместе составленных креслах.

Тот мигом очнулся.

– Что с тоб... что с вами, ваше величество?.. – хрипло спросил он, протирая глаза и слегка пошатываясь.

Это был высокий, стройный молодой человек, на лицо которого, однако, непрерывные кутежи успели уже наложить свою отвратительную печать.

Юный император казался старше своих лет. Его нельзя было назвать ни красивым, ни уродом: так, что-то среднее, но глубоко безличное, обыденное.

– Силушки нет, как трещит голова, Ваня! – жалобно произнес Петр Алексеевич.

– Ничего, государь, это мы сейчас вылечим, – тряхнул головой наперсник юного императора, хотя тоже чувствовал себя отвратительно.

– И зачем это ты мне так много вина наливал вчера!.. – с легкой досадой попенял император.

– А не пить, государь, вы не могли: кто же из смиренных рабов дерзнет прикоснуться к вину, раз сам августейший цезарь не делает этого? – улыбнулся наглой улыбкой князь Иван Долгорукий.

Этим «августейшим цезарем» он постоянно потчевал своего юного повелителя. Он знал, что это страшно льстит самолюбию венценосного отрока, фантазия которого при этих словах всегда распалялась.

«Я – могущественный монарх, я – сам цезарь!» – проносилось тогда в голове Петра II.

Так было и на этот раз. Петр Алексеевич гордо выпрямился всей своей еще не сформировавшейся фигурой и, облачаясь в платье, уже весело спросил:

– А чем же ты будешь лечить твоего августейшего цезаря, князь Иван?

– Сначала доброй чаркой мальвазии, а потом – свежим воздухом, государь. Не улыбается ли вам мысль поехать за Преображенское, слегка поохотиться?

– Идет! Идет! – весело произнес император.

Он захлопал в ладоши. Четырнадцать с небольшим лет сказались в «могущественном повелителе всея России». Петр Алексеевич как ребенок, как мальчик радовался предстоящему удовольствию.

Иван Долгорукий пошел отдавать приказания.

Император спешно доканчивал свое «облачение»: поверх охотничьей куртки он надел голубую Андреевскую ленту.

– Ваше величество... не извольте беспокоиться!.. – подобострастно лепетал тучный обер-камердинер государя. – Позвольте мне поправить...

– Не надо! – топнул ногой Петр Алексеевич. – Неужели ты думаешь, что я не сумею сам сделать это?..

Иван Долгорукий, подходя к спальне императора с хрустальным графином, наполненным старым венгерским вином, столкнулся у дверей с Остерманом.

– Не ожидал столь рано видеть вас! – насмешливо проговорил Долгорукий.

– Помилуйте, что за рано, раз вы собираетесь уже завтракать! – ответил Остерман со своей знаменитой тонкой улыбкой, указывая на графин с вином.

Долгорукий покраснел от злости и несвязно произнес:

– Государю что-то нездоровится, он жалуется на лихорадку.

– Немудрено. В такие морозы его величество слишком много времени проводит на открытом воздухе. Его величество встал?

– Да.

– Уж не опять ли сборы на охоту?

– Вы угадали, – насмешливо произнес Долгорукий.

– В таком случае я могу доставить императору маленькое удовольствие.

– Какое?

– Беседу с замечательным знатоком лошадей, собак, охоты.

– Кто он такой? – быстро спросил Долгорукий.

Нотка ревности и страха за то, что может явиться кто-то иной, который, чего доброго, «завладеет» государем, послышалась в голосе Ивана Долгорукого.

А Остерман спокойно ответил:

– Это Бирон, обер-камергер двора ее высочества Анны Ивановны.

– Бирон? Я что-то слышал... Что же этот лошадиник делает при дворе Ивановны?[41]
Объезжает ее кобыл?

Остерман не успел ответить, так как из покоев императора послышался еще не сформировавшийся голос Петра Алексеевича:

– Ваня, скоро ты? Что ты там копаешься!

Остерман, имевший право входа без доклада, последовал за Долгоруким.

– А, это вы? – несколько удивленно и с худо скрытым неудовольствием спросил император-отрок. – Что это вам пришла за фантазия столь рано беспокоить себя?

– Зная, ваше величество, сколь вы любите лошадей и собак, я решил испросить ваше разрешение на представление вам замечательного знатока этого дела.

– А-а! – оживленно воскликнул Петр. – В самом деле? Кто он?

Остерман назвал.

– А где он?

– Я захватил его с собой. Он в приемной.

– Отлично! Так ведите его сюда, мы вместе и поедem на охоту! – произнес Петр Алексеевич.

Остерман вышел из опочивальни императора.

Этим моментом воспользовался князь Иван Долгорукий. Он торопливо налил полный кубок вина и, подав его императору, сказал:

– Пейте скорей, ваше величество, пока нет этой старой лисицы!

Петр Алексеевич рассмеялся и жадно, мелкими глотками осушил кубок до дна.

– Ух, хорошо! – переводя дух, воскликнул венценосный отрок. – А то во рту было сухо.

– Теперь и голова пройдет, государь.

– А ты что же? Пей и ты!

Остерман возвратился с Бироном.

– Вот, ваше величество, – сказал он, – имею высокое счастье представить вам обер-камергера двора ее высочества герцогини Анны Иоанновны – Эрнста Бирона.

Бирон отвесил низкий-низкий поклон.

– Здравствуйте, любезный Бирон! – весело проговорил юный император. – О вас наш милый Остерман рассказывает чудеса, как о великом знатоке лошадей. Правда это?

Бирон снова низко склонился перед императором, и еле заметная судорога передернула его лицо. Упоминание о его «лошадиных способностях» было для него хуже ножа острого: слишком уж много «съел» он «конюхов».

– Да, ваше величество, я знаю толк в лошадях; я очень люблю этих благородных животных, – вкрадчиво ответил он.

– Так что же вы торчите в должности обер-камергера в Митаве? – воскликнул Петр II. – Хотите, я вас назначу моим обер-шталмейстером?

– Почтительнейше благодарю вас, ваше величество, за столь высокую милость!.. – ответил Бирон.

– Так хотите? Ну и отлично! Ты распорядись об этом, князь Иван! – повернулся император-отрок к Долгорукому. – А теперь, не теряя времени, в путь-дорогу, господа! Вот сейчас, кстати, мы и проверим ваши познания, господин Бирон. * * *

В густом бору за Преображенским, который тянулся на много верст, находился охотничий дом-замок, куда частенько наведывался со своей свитой, во главе с беспутным Иваном Долгоруким, юный Петр Алексеевич.

Тут проживал целый штат егерей, всегда готовых к приему высокого гостя, а для того чтобы охота выходила веселее, в этом лесном «Парадизе» хранились огромные запасы вина; очень часто появлялись и женщины, только не из числа придворных дам. Об этом чрезвычайно рьяно старался наперсник молодого царя. Эти веселые «охотничьи дамы» – как величали их в кружке императора – были по большей части иностранки, которых уже и тогда стало появляться немало в древней столице русской империи.

Бирон ехал вместе с Петром Алексеевичем. Всю дорогу император, болтая без умолку, засыпал того расспросами о статях, мастях и породах лошадей, и великолепное знакомство Бирона со всем этим приводило отрока-царя в восхищение.

– Вот это, Иван, – знание! – то и дело повертывался он к своему любимцу Долгорукому.

– Это у господина Бирона, очевидно, наследственное, – надменно улыбнулся Долгорукий.

Бирон вспыхнул и зло поглядел на «нахального мальчишку», наперсника императора.

– Почему наследственное? – наивно спросил Петр Алексеевич.

– Кажется, отец господина Бирона был конюхом у герцогов Кетлеров... – насмешливо бросил Долгорукий.

Бирон заскрипел зубами. Кровь бросилась ему в голову.

– Прошу простить меня, ваше величество, но я не полагал, что в вашем высоком присутствии мне придется выслушивать дерзости, – дрожащим от бешенства голосом проговорил он.

Петр Алексеевич укоризненно поглядел на своего фаворита:

– Что это тебе, Иван, пришло на мысль обижать милого господина Бирона?

– С тех пор, ваше величество, правда почитается за дерзость? Отец господина Бирона был действительно низшим придворным служащим в кетлеровском митавском замке. Разве я лгу, господин Бирон?

Что мог ответить на это Бирон? Но в его голове пронеслась угроза:

«О, погодите, погодите! Скоро я вам покажу, что значит оскорблять такого человека, как я!»

Необычайное оживление воцарилось в лесном охотничьем замке. Отовсюду сбегались егеря, слышались звуки охотничьих труб.

Бирон стоял около Петра Алексеевича и восхищался лошадьми и собаками:

– О, ваше величество, какая у вас великолепная охота!

Это страшно нравилось царственному отроку.

Перед отправлением на охоту состоялся завтрак. Весь стол был уставлен бутылками и графинами. Иван Долгорукий подошел к юному императору и что-то тихо шепнул ему.

– Удобно ли? – донесся до чуткого слуха Бирона ответ императора.

– А почему нет? У нас всегда так было заведено.

– Ну, хорошо... Пусть идут...

Распахнулись двери – и в комнату впорхнули женские фигуры. Одна из них, одетая танцовщицей гарема (баядеркой), подбежала к императору и вскочила к нему на колени.

– Наконец-то вы прибыли, повелитель Немврод! – воскликнула она по-французски и совершенно фамильярно обвила шею императора своими пышными розовыми руками.

Это было до такой степени смело-неожиданно, что у Бирона вырвался подавленный возглас удивления.

Юный император сам смутился. Он резким движением столкнул с ног француженку и крикнул:

– Убирайтесь!

Завтрак начался, но никакого веселья не было. Князь Иван Долгорукий, сидевший рядом с Петром Алексеевичем, усиленно подливал ему в кубок вино.

На охоту все отправились уже в состоянии изрядного опьянения. «Баядерка», «гречанка» и «немвродка» присоединились к свите «юного цезаря», около которого находился и Бирон.

Преследуя с борзыми лисицу, Петр Алексеевич упал с лошади и по горло провалился в большой сугроб снега.

Бирон первый помог императору вылезти из снега.

– Что это со мной? Как мне худо!.. – произнес Петр Алексеевич слабым голосом.

– Вы озябли, ваше величество!.. Вы дрожите, как в сильнейшей лихорадке.

– Да, да... мне холодно... Ах, как болит голова! И круги все красные перед глазами...

Императора отвезли в охотничий замок. Там он выпил насильно еще вина, и ему стало совсем скверно. Его колотил ужаснейший озноб, глаза покраснели, на лице появились ярко-багровые пятна.

– Скорее, скорее во дворец!.. Доктора!.. Я, кажется, умираю... – пролепетал он в полубредовом состоянии.

Лицо Ивана Долгорукого выражало сильное беспокойство.

– Как вы думаете, что это с ним? – растерянно обратился он к Бирону.

– Signum mortis, – резко ответил «конюх».

– Что? – удивленно воскликнул полупьяный князь Иван.

– Ну, этого вам не понять! – нахально произнес Бирон.

III. Последние дни митавского заточения

Анна Иоанновна сильно сдала за эти годы.

Бирон не солгал, сказавши Остерману, что на нее опять напала злейшая хандра, что она чувствует себя отвратительно. И действительно, слишком уж много разнородных чувств пришлось переиспытать несчастной герцогине Курляндской в это короткое время.

Суровая опала, постигшая Петра Михайловича Бестужева, если и не особенно больно, то все же поразила ее.

«Проклятая Аграфенка, доплясалась! – думала она о дочери своего старого «друга». – И отца за собой потащила».

Воцарение юного Петра II явилось для Анны Иоанновны жестоким ударом.

Загипнотизированная «вещим» предсказанием великого Джиолотти и уверениями Бирона, она днем и ночью видела перед собою в мечтах императорскую корону. Екатерина умирала. О, с каким трепетом ожидала Анна Иоанновна чуда!

«Придут за мной... Скажут: «Вы – наша императрица. Да здравствует ваше величество!»

И вдруг после всего этого воцарение императора Петра II, мальчишки, под регентством презренного раба Меншикова.

– Надули! Обманули меня! – вырвалось у Анны Иоанновны. – Этот кудесник налгал, одурачил!..

Падение Меншикова ошеломило герцогиню своей неожиданностью.

Это известие принес ей Бирон.

– Что?! – воскликнула она, вскакивая. – Повтори!

И Эрнст повторил:

– Да, Анна, в ту минуту, когда я говорю с вами, тот человек, перед взглядом которого трепетала вся Россия, в жалкой кибитке едет по снеговым равнинам полярной Сибири к месту своей ссылки – в город Березов.

Жгучая радость захватила дыхание Анны Иоанновны. С поразительной ясностью вспоминались ей картины ее «постыдного» свидания с этим «пирожником» в Риге, ее унижение и его торжество, ее слезы и его надменная улыбка. Откуда-то выплыло и лицо Морица Саксонского, единственного человека, которого она полюбила так мучительно-страстно и которого, по повелению Меншикова, так жестоко оскорбила. И она,

вся дрожа от волнения, бросилась тогда к столу и написала письмо «Данилычу»:

«Помнишь ли ты, презренный раб, как к тебе на вынужденное свидание являлась русская царевна и герцогиня Курляндская, как она плакала пред тобой, какому унижению ты предал ее? Помнишь ли ты, Александр Данилович, слова племянницы твоего благодетеля об отмщении? Ну, вот теперь и я тебя спрошу: сладко ли тебе, проклятый, в холодных снегах Сибири?.. Анна».

Да, все, все это вспоминалось Анне Иоанновне в декабрьский вечер 1730 года.

Бирон уехал в Москву. С момента его отъезда герцогиня до сих пор не получила от него письма, и это особенно злило и волновало ее.

Как и прежде, уныло-зловеще завывал ветер в старых печах кетлеровского замка. На дворе выла и крутила метель, навевая огромные сугробы снега. Темно, тоскливо было на душе многолетней митавской затворницы.

– Ваша светлость! – послышался сзади нее голос фрейлины фон Менгден.

Анна Иоанновна, оторвавшись от дум, испуганно повернулась в зеленом кресле и воскликнула:

– Ах, вы испугали меня, милая Менгден! Что вам?

– Какая-то женщина домогается свидания с вами, ваша светлость!

– Кто она?

– Она не называет своего имени, но умоляет, чтобы вы приняли ее. Она говорит, что вы хорошо знаете ее, что она имеет право на ваше милосердие.

Анна Иоанновна колебалась с минуту, но потом решительно произнесла:

– Хорошо!.. Впустите ее!

Вскоре вошла женщина высокого роста. Была ли она стройна, или полна – разобрать было нельзя, так как одета она была в какой-то безобразный бурнус мешком, местами порванный. Голова и лицо были закутаны простым черным шерстяным платком. Женщина, по-видимому от холода, сильно дрожала.

– Кто вы, милая, и что вам надо от меня? – ласково спросила Анна Иоанновна.

– Умоляю вас, ваше высочество и ваша светлость, разрешить мне ответить на этот вопрос без свидетелей, наедине, – хриплым, большим голосом ответила незнакомка.

Анна Иоанновна вздрогнула. Что-то знакомое послышалось ей в этом голосе. Она, по натуре трусливая, почувствовала вдруг страх перед этой женщиной и, дрожа, спросила:

– К чему эта таинственность? Почему вы не можете говорить при моей фрейлине?

– Вы сами поймете, ваше высочество, почему мне неудобно говорить при других, – тихо и все так же умоляюще прошептала незнакомка.

– Уйдите, Менгден!.. – приказала герцогиня, подумав: «Что она мне может сделать? Кругом меня слуги...»

Лишь только они остались одни, женщина скинула платок с головы и лица и, опустившись перед Анной Иоанновной на колени, воскликнула:

– Ваша светлость, сжальтесь! Теперь вы видите, кто перед вами?

Герцогиня отшатнулась.

– Вы?! – испуганно вырвалось у нее.

– Да, это я, ваше высочество.

Перед Анной Иоанновной в нищенском костюме стояла на коленях ее бывшая обер-гофмейстерина, красавица вдова, баронесса Эльза фон Ключенау, сосланная за попытку отравить герцогиню.

Анна Иоанновна была так поражена, что в течение нескольких минут не могла выговорить ни слова.

– Как, как же вы попали сюда? – обрела наконец она дар слова. – Ведь вы же сосланы?

– Я бежала из моего заточения. Счастливый случай помог мне освободиться. О, Боже мой, Боже мой, если бы вы только могли знать, ваше высочество, сколько и каких мучительных страданий выпало мне на долю! – воплем вырвалось из груди несчастной баронессы.

Анна Иоанновна впилась в нее пристальным взглядом. О да, это было почти незнакомое ей лицо. Перед ней была какая-то маска страдания, окруженная почти совсем седыми волосами, и согбенная фигура, жалкая, приниженная.

Анна Иоанновна пробовала вызвать в себе чувство злорадного торжества, но не могла. Помимо ее воли, острое чувство жалости проснулось и задрожало в ее груди.

– И за что, Господи, за что? – продолжала рыдать и ломать в отчаянии руки Ключенау.

– Встаньте, баронесса! Мне противно видеть женщину у моих ног! – приказала герцогиня.

Баронесса, шатаясь, встала с коленей.

– Садитесь сюда, в это кресло! – сказала Анна Иоанновна. Она позвонила и явившейся на зов фрейлине кратко бросила: – Велите поскорей согреть и подать красного вина.

На лице фрейлины появилось выражение удивления и любопытства, но она все же беспрекословно поспешила исполнить приказание.

По ее уходе герцогиня сказала:

– Вы вот, баронесса, воскликнули сейчас «за что? за что?». А разве вы не знаете сами?

– Видит Бог, я не виновата, ваше высочество.

– Но ведь вы же пытались отравить меня, околдовать каким-то дьявольским снадобьем?

Тогда Ключенау поведала герцогине все-все:

– Меня на этот безумный шаг понудила любовь... вы знаете, ваше высочество, к кому. Простите меня за это! Если бы я знала, что этот человек способен так жестоко мстить женщине за ее любовь, я давно прокляла бы его так же, как проклинаю теперь.

Анна Иоанновна вздрогнула. Первый раз в жизни она задала себе вопрос, любит ли ее Бирон как женщину или же только как герцогиню, которой по предсказанию его кудесника предстоит блестящая будущность?

«А что, если он в то время, когда я отдаюсь ему, мечтает о какой-нибудь другой красавице?»
– обожгла ее мысль.

Принесли горячее красное вино. Анна Иоанновна собственноручно наполнила стакан и подала его Ключену, озноб которой проходил.

– Выпейте это, баронесса, – сказала она, – вам надо согреться. А сейчас я вас уложу.

– Ваше высочество! – У несчастной баронессы вырвался вопль, полный благодарности.

– А об этом больше ни слова. Нас рассудит Бог.

IV. «Цезарь» при смерти. Подложное завещание

Бедный полуробенек, император Петр, в беспамятстве метался на своей пышной кровати.

– Душно мне!.. Это ты, прекрасная гречанка?.. Ах, берите медведя! Он меня съест! Ой, боюсь, боюсь!.. – кричал он диким голосом, вскакивая и сбрасывая с головы «ледяной колпак».

Спальня тонула в полумраке. Тут кроме ученого немца-доктора находились: князь Алексей, племянник «птенца Петрова» – Якова Долгорукого, его беспутный сын Иван, явившийся поистине злым гением для мальчика-императора и косвенно сгубивший его, и «веселая» Екатерина Долгорукая, объявленная невестой умиравшего императора.

Пока они – всемогущие лица при особе императора – были еще в полной силе. Император еще не умер, а только тяжело занемог, и кто знал, как повернется болезнь? Поэтому Долгорукие царили полноправно и властно, никого не допуская в спальню императора.

Диагноз болезни августейшего отрока еще не был поставлен доктором.

– Ну, что с ним? – грубо окрикнул доктора Долгорукий-отец.

– Это вы сейчас узнаете, ваше сиятельство, – сухо ответил верный жрец Эскулапа.

Он вновь приступил к исследованию больного, а в то же самое время между Долгорукими – отцом, сыном и дочерью – в глубине спальни полупшепотом шло бурное объяснение.

– Щенок!! – грозно подставляя огромный кулак к полупьяному лицу своего сына Ивана, хрипло прошептал Алексей Долгорукий. – Это все благодаря твоим проклятым кутежам мальчишка заболел.

Князь Иван отшатнулся, но, нахально глядя прямо в лицо отцу, ответил:

– Да не вы ли сами, батюшка, приказывали мне: «Развлекай молодого царя»? Ну, я его и развлекал.

При этом Иван ухмыльнулся гадкой нахальной улыбкой.

– Развлекай, да не простуживая, дубина ты стоеросовая!.. – крикнул князь Алексей и обратился к дочери: – А ты тоже хороша: в руках не умела держать его. О, дурак, о, дура!! Да знаете ли вы, что если Петр умрет, то всему вашему благополучию конец настанет?

Он затопал ногами в бессильной ярости, а затем, насилу овладев собой, отошел к постели венценосца-отрока.

Иван Долгорукий тихо прошептал сестре:

– Не горюй, сестрица, скоро будешь императрицей!.. Эх, все это лечение – глупость одна; дать бы ему опохмелиться.

– Скажите, доктор, что у его императорского величества? – спросил князь Алексей.

Старик-немец сурово посмотрел на него через стекла очков:

– Вам желательно это знать, ваше сиятельство?

– Я думаю! – воскликнул тот в раздражении. – Чего ты тянешь?

Доктор, горделиво выпрямившись, возразил:

– У нас, в Германии, докторам не говорят «ты». Теперь я понимаю, почему вашу Россию называют варварской страной!

– Молчать! – загремел Долгорукий. – Я покажу тебе, как спорить со мной!..

Старик доктор презрительно усмехнулся.

– А знаешь ли ты, что сейчас, сию минуту, ты первый вылетишь вон из спальни? – задал он вопрос всесильному фавориту.

– Что?! – прохрипел Долгорукий, бросаясь на доктора.

– У молодого императора черная оспа, и он должен умереть через несколько дней. Черную оспу вы, варвары, называете «черной смертью». Так вот у бедного царственного отрока – эта самая черная смерть. И яд этой болезни так прилипчив, что, может быть, вы все, здесь присутствующие, уже поражены им, и скоро вместо вас получатся безобразные трупы, которые засмолят и в медных гробах опустят в землю.

Крик ужаса вырвался из груди Екатерины Долгорукой:

– Черная оспа! Черная оспа!

На нее как бы столбняк нашел, «белый» ужас.

Но вдруг она опомнилась и с перекошенным от страха лицом бросилась бежать вон из спальни.

– Стой, куда ты?! – заступил ей дорогу Иван Долгорукий.

– Держи ее, Ваня, она переполох наделает! – хрипло прокричал отец.

Но сильным движением княжна Екатерина вырвалась из рук брата и выбежала из страшной спальни в зал, где в ожидании известия о ходе болезни императора толпилась масса придворных.

С треском распахнулись двери опочивальни больного государя. Стоявший у дверей арап в испуге отшатнулся в сторону. Появление Екатерины Долгорукой с искаженным от страха лицом поразило все собрание придворных.

– Что это?.. Что это с ней?.. – слышался недоумевающий крик испуга.

А «невеста» его величества продолжала мчаться среди расступившихся сановников, крича, как одержимая нечистой силой:

– Черная смерть! Черная оспа! О, какой ужас: черная оспа!

Ей загородил дорогу Ягужинский.[42]

– Княжна Екатерина Алексеевна, что вы говорите? – воскликнул он. – У кого черная оспа?!

Лица всех побледнели. Дуновение смерти пронеслось по залу резиденции несчастного отрока-императора.

– У него... у императора... Бегите! Я не хочу заразиться этой гадостью. Пустите меня! Как вы смеете меня держать! – И, вырвавшись из рук двух придворных дам, полагавших, что с невестой императора сделалось от огорчения дурно, княжна Екатерина стрелой вылетела из большого зала.

Большинство придворных устремилось за ней вслед: слова «черная оспа» навеяли и на них неопиcуемый ужас.

Но многие все же остались, смятенные, растерянные.

На пороге появилась фигура князя Алексея Долгорукого.

– Господа, – произнес он, – с прискорбием должен заявить вам, что его величество постигла тяжкая болезнь: по определению придворного врача, у государя императора оспа. Но будем уповать на милость Божию, будем надеяться, что болезнь не похитит священной для России жизни.

Жуткое, гробовое молчание было ответом на это сообщение всесильного вельможи.

Алексей Долгорукий вернулся в спальню умирающего царя, взглянул на сына и испугался: в лице того не было ни кровинки; оно было что белая маска.

– Испугался, Ваня? – ласково шепнул князь Алексей Ивану, отводя его в самый дальний угол спальни.

– Я думаю, сомлеешь. Эдакая страсть! Черная оспа! – дрожащим голосом проронил тот.

– А ты не бойся, труса не празднуй, тогда зараза проклятая не пристанет. Давай-ка обсудим, что же теперь нам делать? А?.. Если умрет Петр, – а что он умрет, так в этом сомнения уже нет, – мы пропали. Врагов у нас не перечечь. Кого на трон посадят?

– Не знаю, – тряхнул головой Иван.

– Кого бы ни посадили – крышка нам тогда, капут. Если не Сибирь, не ссылка, не опала, так в лучшем случае отстранят от дел, от власти, почета. А потому надо нам, не теряя времени, изготовить духовное завещание. Понял?

– Да какое же духовное завещание составить можно? – изумленно спросил князь Иван. – Разве он может подписать что-либо, когда лежит без сознания?

– Эх, видно, только на вино да на баб силен ты, а насчет смекалки – дурак дураком! – укоризненно произнес князь Алексей. – Знаешь ли ты, кто должна быть императрицей? Наша Екатерина! Вот тебе записка... Поезжай немедленно за указанным тут человеком и привози его сюда. Сам можешь не входить сюда, потому – не ровен час – взаправду заразиться можешь... Я встречу его... Ступай!

Иван поспешно покинул спальню императора.

Долгорукий-отец подошел к доктору, рассматривавшему багрово-черные пятна на лице юного

страдальца, и спросил:

– Итак, никакой надежды?

– Никакой.

– Когда он может скончаться?

– Он может протянуть еще два-три дня. Вы, ваше сиятельство, – сухо спросил доктор, – останетесь здесь?

– Да, да... Моя священная обязанность не покидать покоев опасно больного императора, – торжественно произнес временщик.

– Хорошо!.. Я сейчас должен ехать, чтобы в моем присутствии изготовили лекарство для его величества. Это лекарство – последнее средство, на которое я возлагаю крошечную надежду. Я вернусь часа через два, а вы тем временем следите, чтобы лед не спадал с головы больного.

– Хорошо, хорошо, дорогой доктор! – более чем любезно и ласково произнес лукавый Алексей Долгорукий.

Доктор удалился.

Князь Долгорукий подошел к венценосному страдальцу. Тот хрипло дышал, поводя широко раскрытыми глазами, в которых светилось бредовое безумие, и лепетал:

– Пустите меня, крамольники! Кто смеет держать за грудь самого цезаря?! Я – бог! Я вас всех велю казнить! Зачем вы льете смолу мне на голову?.. А-ах!..

Лицо Долгорукого было бесстрастно. Ни один луч сострадания к умирающему царю не светился в его глазах.

– Велишь казнить? – произнес он. – Опоздал, мальчуган: смотри, вместо короны на твоей голове торчит смешной колпак... Не забывай, что ты не властен убить смерть... И она идет к тебе верными шагами... Прощай, Петр Алексеевич! Если ты нам не сделал ничего худого, так это только потому, что не успел. А явись бы кто-нибудь посильнее меня – и ты без жалости вышвырнул бы меня и все мое семейство.

Он был наедине с царем. Никто из оставшихся придворных не решался войти в спальню.

Тогда, воровским взглядом оглянувшись по сторонам, Алексей Долгорукий стал снимать перстень с руки императора-отрока.

– Оставьте! Оставьте! Ой, что вы делаете? Зачем вы рубите мне руку? – закричал в бреду Петр.

Палец, на котором был надет перстень, распух так, что князю Долгорукому стоило огромных усилий стащить кольцо.

Вдруг в дверь спальни раздался стук. «Друг» царя, могущественный временщик вздрогнул, отскочил от кровати Петра Алексеевича, подошел к двери и, раскрыв ее, впустил маленького человека с лицом старой обезьяны.

– Скорей, скорей, Лукич, за работу!.. – шепнул князь. – Принес? Все?..

– Все, ваше сиятельство, – тихо проговорил человек.

– Ну, так вот, иди сюда, за мной, в эту дверь! – Долгорукий провел обезьянообразное существо в маленькую комнату, примыкающую к спальне императора, и спросил: – Понял, что надо?

– Написано ясно!.. – ухмыльнулся полугном.

– Бумага подходящая?

– Осмелюсь доложить, что ничего более чудесного для тестаменты и придумать невозможно. [43] Извольте поглядеть!

– А воск захватил?

– Хе-хе-хе! – отвратительно рассмеялся тайный слуга русского царедворца. – Ах, ваше сиятельство, неужто Прокофий Лукич может что-либо упустить из виду?

– Ну, так вот, ставь скорее сюда восковую печать!..

«Мастер» принялся за работу. Он растопил воск о масляный фонарь, после чего спросил:

– А чем же припечатаем?

– На, держи, вот этим! – и Долгорукий подал клевету-мастеру перстень несчастного императора. – Прикладывай, скорей, скорей! Каждая секунда дорога...

– Чудесно! Ах, хорошо! – захлебывался беззвучным смехом подделыватель.

– Ну, а текст-то правильно составишь? Не проврешься?

– Помилуйте!..

– Помни: «Поелику чувствуя себя хворым, недужным и случай – оборони, спаси и сохрани, Господи, от сей напасти! – прекращения дней живота моего, то я, император всея Руси, Петр Второй, назначаю преемницей царского престола Российского любезную нареченную мою невесту княжну Екатерину Долгорукую...»

Шум, послышавшийся из спальни Петра Алексеевича, прервал работу по составлению подложного царского тестаменты.

Алексей Долгорукий побледнел и, шепнув «мастеру»: «Работай!» – бросился в опочивальню императора.

Тот стоял в рубашке посредине спальни и кричал:

– На колени, злодеи! Император-цезарь приказывает вам повиноваться его воле!..

А страшные печати зловещей «черной смерти» все победнее и победнее разгорались на лице венценосного страдальца.

V. «Действуйте, Остерман!»

Остерман был «болен».

Этот поразительно ловкий, блестящий дипломат всегда ухитрялся заболеть «вовремя».

Благодаря этому ему удавалось при непрерывной «игре» всевозможных партий, какая велась вокруг трона, всегда сохранять строжайший нейтралитет. Пуская в ход на деле все тайные пружины своего дипломатического таланта, он по праву был безупречен в глазах той или иной политической партии. Никто из верховодителей ее не мог прямо заподозрить Остермана в измене.

Так было и на этот раз. Предчувствуя возможность переворота правительства (*coup d'etat*), Остерман притворился больным, но держал нос по ветру.

– Ну? – торжествующе глядя на Остермана, спросил Бирон. – Разве я был не прав? Он умирает, Остерман, умирает наш юный император!

Остерман печально улыбнулся и произнес:

– Честное слово, дорогой мой, мне жаль бедного мальчика! Я все, все делал для того, чтобы вырвать его из рук этих пьяных злодеев Долгоруких; я хотел образовать его, сделать его человеком в европейском смысле слова, но... один в поле – не воин. Они захватили его и погубили. О, Россия, Россия! Когда невежественные люди становятся тебе на пути, угрожая мысли кнутом и арестантским халатом, приходится уступать, утешаясь латинской поговоркой: «*Feci quod potui; faciant meliora potentes*».[44]

Искренняя, неподдельная скорбь зазвучала в голосе воспитателя юного императора. «Честному немцу» претили дикие оргии, устраиваемые вельможами-рабами для потехи своего повелителя.

– Да, да, это ужасно! – продолжал он. – Вы знаете, Бирон, как воспитывали отрока Иоанна Четвертого?

– Знаю, – ответил Бирон, в голосе которого слышалось нетерпение.

– Эти изуверы-бояре, ставившие превыше всего усиление собственной власти, придумывали разные потехи бедному мальчику. Они окружили его стаей кровожадных, голодных волков и заставляли его бросать с башен и колоколен собак, кошек и других животных. Они приучили его к виду и запаху крови – понимаете ли вы, Бирон? – и... приучили. С такой же легкостью, с какой он бросал с колокольни щенка, он позже стал сбрасывать бояр. Цель его «воспитателей» была ясна: пусть царь «забавляемся», а они... они будут править царством. О, не то ли самое сделали эти родовитые хамы и с моим бедным учеником Петром?.. Они – о, варвары! – познакомили мальчика со всеми грязными утехами жизни. Он стал пить, он ознакомился с любовными наслаждениями... Да падет стыд и позор на их головы!

Бирон, спокойно выслушав эту длинную тираду Остермана, пожал плечами и насмешливо спросил:

– А нам-то до всего этого какое дело? Пусть они грызутся – нам будет легче жить в чужой стране.

– «Чужой», сказали вы, Бирон? Почему вы так называли Россию? Я считаю Россию теперь своей второй родиной.

– Вам, ваше превосходительство, сразу повезло... Вы еще никогда не получали в лицо оскорблений от этих дикарей. Легко вам говорить! Но мне...

– Бирон! Вы с ума сошли! Ведь вы – интимный друг русской царевны! Неужели вы станете утверждать, что вам не повезло тоже сразу? Не забывайте одного: ведь и я – человек образованный – и то не сразу завоевал себе то положение, которое занимаю. А вы?.. Мы говорим с вами с глазу на глаз... Кто вы? Имеете ли вы право... претендовать на положение

еще более блестящее, чем то, которое вы занимаете?

Бирона передернуло.

– Не будем об этом говорить, ваше превосходительство! – произнес он. – Недалеко то время, когда вы будете величать меня не Бироном, а «ваша светлость». Итак, император умирает. Теперь вы верите в это?

Остерман встал и в волнении прошелся по кабинету.

А Бирон, не встречая его возражений, продолжал:

– И я вам говорю: действуйте, действуйте, Остерман!

Глубокая складка прорезала лоб дипломата.

– Вы верите в Анну Иоанновну, Бирон? – спросил он.

– Это насчет чего?

– Насчет того, что она будет верна нашей партии? Я хочу сказать, что, если мы изберем ее императрицей, не забудет ли она наших услуг?

Бирон расхохотался:

– Будет ли она верна – спрашиваете вы? Ха-ха-ха!

Хохот Бирона был неожиданно прерван стуком распахнувшейся двери. На пороге стоял доктор-немец. Он был сильно взволнован.

– Я... я к вам... Надо переговорить! – произнес он запыхавшимся голосом и вынул стеклянную банку с трубкой.

Остерман вскочил и пошел ему навстречу.

– Мой дорогой Оскар, – начал было он, но сразу отшатнулся: распыленная струя какой-то едкой, отвратительно пахнущей жидкости ударила прямо в лицо ему. – Что вы делаете? – закричал великий дипломат.

– Так нужно... Это – легкое противодействие против той заразной болезни, от которой послезавтра должен скончаться русский император!

Запах дезинфекционного средства распространился по кабинету Остермана.

– А он? Он умирает? – быстро спросил Бирон.

Доктор выразительно посмотрел на Остермана и вместо ответа спросил:

– Могу я говорить?

– Да, да, говорите все, любезный Оскар Карлович! Это – свой, наш человек. Это – господин Бирон, который, быть может, очень скоро будет полновластным хозяином России.

Немец-доктор отвесил Бирону поклон и сказал:

– Виноват, я не знал... В таком случае я могу сказать то, что видел и слышал, а так как вы – немец, то я буду говорить на нашем языке.

И он начал рассказывать все, что видел и слышал в спальне умирающего императора.

Оказалось, что только одно ухо почтенного доктора было приковано к телу Петра Алексеевича, другое – воспринимало слова всех сцен семейки Долгоруких.

– Я слышал все, все! Да! Я забыл упомянуть, что я видел, как вошел старый человек, похожий на обезьяну, которому этот князь сказал: «Все ли ты принес, чтобы сделать фальшивое завещание?»

Остерман и Бирон переглянулись.

– Куда вошел этот человек? – спросил Остерман.

– В комнату рядом со спальней государя.

– Долго они там пробыли?

– О, нет! Минут пять... – Доктор громко расхохотался. – Вы думаете, откуда я это знаю? Слушайте! Я сказал Долгорукому, что мне надо ехать готовить лекарство для императора, а сам, выйдя из одной двери опочивальни государя, вошел в нее обратно через другую, секретную, и спрятался за кровать бедного мальчика. И я видел, как этот варвар снимал перстень с руки императора, как он громко говорил: «Прощай, Петр Алексеевич!» Тогда я торопливо побежал к вам, чтобы предупредить вас. О, они замышляют что-то недоброе!..

С тоской и тревогой глядел Бирон на Остермана, думая в то же время:

«Ну, если ты, великий искусник в интригах, не найдешься, как надо теперь поступать, то что же я могу поделывать?»

Остерман, казалось, прочел это в глазах Бирона.

– Так, так! – произнес он. – Игра задумана мастерски, но...

– Но вы надеетесь помешать им? – перебил Бирон.

– Да, думаю... А вам, Оскар Карлович, большое спасибо за сообщение. Оно вовремя и кстати. Эту услугу не должен забыть господин Бирон, если случится то, что мы предполагаем.

– О, да! – воскликнул Бирон. – Вы будете щедро награждены императрицей.

– Императрицей? Какой? Разве у нас будет императрица?

– Ну, об этом еще нечего говорить. Поезжайте лучше поскорее к императору. Кстати, он непременно должен умереть послезавтра? – спросил доктора Остерман.

– Я уверен в этом.

– А дольше он может протянуть?

– Это будет зависеть от работы его сердца.

– А поддержать нельзя какими-нибудь возбуждающими средствами?

Немец-доктор, пожав плечами, ответил:

– Можно, но надежды на отсрочку мало.

– А вы все-таки попытайтесь, милый Оскар Карлович! Для меня важен каждый лишний час

жизни императора, – выразительно поглядел на доктора Остерман.

Когда доктор удалился, Бирон спросил Остермана:

– Я не могу понять, какое же подложное завещание собирается сфабриковать Долгорукий? В чью пользу?

Остерман усмехнулся:

– Это доказывает, мой милый друг, что из вас никогда не выработается дальновзоркий государственный человек. Неужели вы не догадываетесь, о ком будет идти речь в подложном завещании императора?

Бирона осенило.

– Как? – воскликнул он. – Неужели у Долгорукого явилась безумная мысль, что российский престол может перейти к его дочери Екатерине, нареченной – по пьяному делу – невесте умирающего Петра?

– А почему бы у него и не могла зародиться подобная безумная мысль? – невозмутимо продолжал Остерман. – Скажите, Бирон, положив руку на сердце: по какому праву Анна Иоанновна может надеяться на корону?

– Позвольте, Остерман, но ведь она – русская царевна, племянница Петра Великого.

– Ну, и что же? А разве у Петра нет двух дочерей, Анны и Елизаветы? Заметьте, они – дочери царя, а не племянницы, как Анна Иоанновна. С сегодняшнего вечера, когда стало известно о смертельной болезни императора, уже началась подпольная работа всех партий. В ту минуту, когда мы с вами говорим, я могу поклясться, что и у Голицыных, и у Долгоруких, и у... нас идут тайные совещания! – Остерман рассмеялся и продолжал: – Только я, право, не знаю, стоит ли мне принимать участие в хлопотах за Анну Иоанновну?..

– Как? Вы, Остерман, хотите изменить нашей партии? – в страшном испуге воскликнул Бирон.

– Подождите, подождите, мой милый Эрнст! – насмешливо произнес Остерман. – Я хочу только сказать, что в случае нашей победы вы весь успех припишете Джиолотти.

Бирон только руками замахал.

VI. Ночь во дворце в момент смерти императора

Прошел день после страшного приговора доктора-немца над участью несчастного венценосного страдальца.

Москва оглашалась звоном церковных колоколов: это во всех сорока сороков служили молебны о ниспослании исцеления страждущему государю императору Петру Алексеевичу Второму. Но слух о том, что надежды на выздоровление царя нет никакой, проник в народ и во все слои населения первопрестольной столицы.

– Кончается наш молодой царь!

И Петр Алексеевич действительно кончался. В течение дня он несколько раз ненадолго приходил в сознание.

- Что это... что со мной? – еле слышно говорил он.
- Вы тяжело больны, государь, – склонялся к его лицу бесстрастный Алексей Долгорукий.
- Я не умру? – с трудом шевелил языком император.
- Бог даст, оправитесь, ваше величество...
- Где Катя? Пусть она придет ко мне... Отчего она бросила меня?
- Недужится и ей, государь, – ответил Долгорукий.

Но вслед за этими короткими секундами просветления Петр Алексеевич опять впадал в предсмертное забытие.

Бедняга доктор Оскар Карлович еле держался на ногах от утомления, так как он не спал уже третью ночь. Несколько раз, для усиления деятельности сердца, он вводил под кожу императора возбуждающую жидкость камфоры.

В опочивальне Петра Алексеевича стоял отвратительный запах. Гнойные чернооспенные нарывы лопнули, и зловонная жидкость струила страшную заразу.

– Хоть подушили бы вы чем-нибудь, докториус! – не выдержав, обратился Алексей Долгорукий к доктору.

– Наденьте на лицо вот эту маску. Это предохранит вас от заразы, – сумрачно произнес немец и подал Долгорукому маску из марли, насыщенную карболкой.

– Не надену! – гневно воскликнул вельможа. – Негоже русскому князю щеголять в машкерадной личине!

– Как вам угодно!.. – пожал плечами Оскар Карлович. – Как врач, я обязан был предупредить вас об опасности заразы.

Волнение Долгорукого было понятно: он знал, что там, за дверями спальни, в комнатах дворца, сидят и ведут потайную беседу все власть имущие верховники, разбившиеся на различные партии. * * *

В одной из отдаленнейших гостиных находилось несколько человек. Во главе их был князь Дмитрий Голицын.[45]

– Я, господа, пригласил вас сюда, чтобы мы могли, пока не поздно, порешить, что следует нам делать, когда это случится, – начал он. – Не только дни, но и часы Петра Алексеевича сочтены. Ему остается жить очень недолго. Мы – члены Верховного тайного совета; на нашей обязанности лежит попечение о судьбе России. К сожалению, не все наши держатся одинаковых взглядов. Так вот, нам необходимо сговориться.

– Просим вас высказаться!.. – послышался голос второго Голицына.[46]

Остальные хранили молчание.

– Не имея еще доказательств в руках, я не буду пояснять вам, почему князь Алексей Долгорукий упорно не желает, чтобы в спальне умирающего царя присутствовал кто-либо из нас, – продолжал Дмитрий Голицын. – Но я догадываюсь, в чем тут дело. Скоро и вы это узнаете, помяните мое слово! Но я полагал бы так: нам надо себе полегчать, воли себе прибавить.

– А как же нам удастся это? – послышался чей-то насмешливый голос.

– Очень просто: мы должны ограничить самодержавие. Разве не ведомо вам, сколь много Россия претерпела от самодержавия[47] и от иностранцев? – спросил Голицын.

– Ведомо. Но как нам обойтись без самодержцев и без иностранцев? – задал вопрос другой голос.

– И это не трудно устроить. Мы должны выбрать на престол лицо, которое отказалось бы от полного самодержавия, которое предоставило бы нам, членам Верховного тайного совета, нести тяготу государственных забот.

– И кто же согласится на это?

Голицын тихо промолвил:

– Царевна Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская.

Гробовое молчание было ответом.

– Но ведь она не имеет права на престол! – воскликнул один из верховников.

– Почему? – вырвалось у Дмитрия Голицына. – И потом, разве мы не можем установить право? Вопрос о престолонаследии слишком запутан, чтобы церемониться с ним. Даете ли вы мне слово, что в заседании совета вы поддержите меня?

– Да! Да! Да! – слышались голоса. * * *

А в это время во дворец прибыло духовенство для соборования Петра. Наступало утро...

Дверь опочивальни раскрылась, и на пороге выросли две фигуры: митрополита с крестом в руках и Алексея Долгорукого.

– С глубокой сердечной тоской имею честь сообщить высокому собранию вельмож и иных верноподданных, что его императорское величество, государь император Петр Алексеевич Второй, приобщившись Святых Тайн и получив обряд соборования, в Бозе почил, – дрогнувшим голосом громко произнес князь Алексей Долгорукий.

– А-ах!.. – ответил зал подавленным шепотом страха.

Тогда выступил митрополит:

– Мои возлюбленные во Христе чада! Восплачьте и предайтесь великой скорби! Се бо Царь Царей призвал в лоно Свое праведную душу Своего помазанника. Не стало возлюбленного государя императора Петра Алексеевича. Помолимся об упокоении души и о вечном его покое!..

И вскоре залы дворца огласились заунывным панихидным пением.

Похоронный звон всех церквей разбудил Москву.

– Царь умер! – заволновалась первопрестольная. И только одного не знала Москва, а с нею и вся Россия: кто явится преемником скончавшегося Петра II.

VII. Ягужинский у Остермана. Два гонца к Анне Иоанновне

Бирон продолжал находиться секретным гостем у Остермана. Они, побеседовав всю ночь, только что собирались разойтись спать, как вдруг сильнейший стук в дверь заставил их вздрогнуть и насторожиться.

– Кто это? – испуганно спросил Бирон.

Остерман стал прислушиваться.

– Спрячьтесь, Бирон, за этой портьерой. Я догадываюсь, кто пожаловал ко мне, – совершенно спокойно произнес великий дипломат.

– Кто же это? – взволнованно спросил Бирон.

Голоса уже слышались из передней. «Помилуйте-с!.. Говорю вам; болен его превосходительство... Нельзя к ним!..» – испуганно сказал личный камердинер Остермана, не пуская гостя. «Брысь, немецкая харя! Раз я говорю тебе, что я должен видеть твоего господина, то как ты смеешь прекословить мне?!»

– Это Ягужинский, – тихо, с улыбкой бросил Остерман Бирону, который уже скрылся за портьерой двери.

– Он?! Ягужинский?! – пролепетал «конюх». – Для чего же это он?

– Вы услышите, Бирон! – ответил Остерман, распахнул дверь своего кабинета и произнес: – Пожалуйте, дорогой Ягужинский, я вас ожидал...

Ягужинский порывисто вошел и рявкнул:

– Больны?

– Болен.

– Но, черт возьми, вы смотрите великолепно! А ваш лакей – каналья: он чуть меня в шею не выпроводил. Знаете, что случилось, Остерман? Император скончался!

Остерман покачал головой, спокойно произнес:

– Бедный мальчик! Я предчувствовал, что он плохо кончит...

– Я прямо из дворца к вам... Мне необходимо побеседовать с вами тайно.

– Я к вашим услугам... Только нездоровится мне сильно.

Ягужинский нетерпеливо передернул плечами.

– Вы извините меня, ваше превосходительство, но в вашу болезнь я мало верю. Россия знает, что такое, когда «великий Остерман» жалуется на насморк. Но, повторяю, теперь не до него. Теперь надо спасать Россию.

Эту последнюю фразу Ягужинский произнес такой страшной октавой, что Остерман вздрогнул и моментально вытащил табакерку.

– Не угодно ли? – бесстрастно произнес он, протягивая ее своему гостю.

Ягужинский даже побагровел.

– Вы извините меня, но вы – диковинный человек, господин Остерман! – воскликнул он.

– Это чем же?

– Я сообщаю вам о кончине императора, а вы меня нюхательным табаком угощаете!

– Одно другому, любезный господин Ягужинский, нисколько не мешает, – ответил Остерман.
– И потом – а это главное – табак чудесно действует на голову, освежая мозги. Прошу вас, возьмите добрую понюшку. Ну-с, а теперь приступим. Что вы имеете мне сказать?

– Сейчас необходимо решить вопрос: кто заступит Петра Второго, – сильно волнуясь, начал Ягужинский. – Во дворце я случайно попал в ту гостиную, где шло тайное совещание князя Дмитрия Голицына с некоторыми членами совета.

– А-пчхи! – чихнул Остерман.

– Будьте здоровы! – насмешливо сказал Ягужинский.

– Благодарю вас!

– И я услышал, – продолжал Ягужинский, – что они прочат в императрицы Анну Иоанновну.

– А? Да неужели? – тоном искреннего изумления спросил Остерман.

– Да, да, но с одним непременным условием: ограничить до последней степени царскую власть. Они, конечно, нарочно остановили свой выбор на этой безвольной божьей коровке, которая с радостью из-за призрачной короны императрицы согласится на все их условия. Ваше мнение?

– А-пчхи! А-пчхи! – дважды чихнул Остерман.

– Экий, простите меня, чертовский насморк разобрал вас, ваше превосходительство! – побагровел от досады Ягужинский.

– А вы еще не верите, что я болен! – улыбнулся Остерман, забывая на всякий случай новую понюшку табака в нос. – Итак, Анну Иоанновну хотят просить царствовать?

– Да! – рявкнул Ягужинский. – Я лично ничего не имею против этого, но только при одном условии: ее власть ни на одну йоту не должна быть ограничена. Помилуйте! Разве нам не понятно, для чего Голицын, другие и их присные домогаются этого? Ведь только для того, чтобы захватить тогда всю власть в свои руки. Виноват, вы ответите или... чихнете опять на этот вопрос, ваше превосходительство?

И Ягужинский впился пытливым взором в лицо великого дипломата.

Остерман вынул цветной шелковый платок и, высморкавшись, произнес:

– Слава Богу, теперь насморку легче, любезный господин Ягужинский. Да, я отвечу вам: они не желают, чтобы продолжалось так, как шло прежде. А поэтому необходимо выбрать Анну Иоанновну.

– С ограничением? – вскочил как ужаленный Ягужинский.

– С самым суровым, добавьте. Пусть они свяжут ее по рукам и по ногам своими «конъюнктурами» и «кондициями». Пусть! И я вам советую не противиться этому.

– Как? – вскочил с кресла Ягужинский. – Это что же: из огня попасть в полымя?

Остерман, пожав плечами, возразил:

– Вы ошибаетесь. Это значит раз навсегда отделаться от них.

– Как так?

– Очень просто. Ограниченное самодержавие – еще непонятная для русских, для России штука. Когда это совершится, когда императрицу почти насильно свяжут ограничительной грамотой, – вот тогда только наступит время вашего активного вмешательства в расстройство планов Дмитрия Голицына и его присных. Вы поняли меня?

Ягужинский отрицательно покачал головой.

– Очень уж вы мудрено, господа дипломаты, объясняетесь! – с досадой вырвалось у него.

– А между тем нет ничего более легкого, как понять эту премудрость. Вы лично ничего не имеете против избрания императрицей Анны Иоанновны?

– Ровно ничего.

– Так вот вы и не мешайте, чтобы ее выбрали...

– А дальше-то что будет? – затопал ногами пылкий Ягужинский.

– Понюхайте, это успокаивает нервы, – с тонкой усмешкой опять протянул Остерман табакерку. – Вы спрашиваете, что тогда будет? Да то самое, чего вы добиваетесь:, абсолютное самодержавие, которое сосредоточится в руках Анны Иоанновны. Я вижу опять облако изумления на вашем лице? Как же вы, Ягужинский, не понимаете? Ведь императрицу с ограниченной властью, вернее – совсем безвластную, выберут... кто? – одни верховники, в числе коих состою и я. Прекрасно! Но, скажите, разве вся Россия состоит только из членов Верховного тайного совета? А о народе, о духовенстве, о «шляхетстве»[48] – дворянстве – и, главное, о войске вы забыли? Задавались ли вы вопросом: как они взглянут на действия верховников?..

Теперь Ягужинский начал кое-что понимать. Он сел против Остермана и, не спуская взора с его лица, произнес:

– Так, так! Как будто я начинаю понимать вас!

– Давно бы пора! Итак, императрицу ограничили. Тогда вы и другие обращаетесь ко всем сословиям России и, повторяю, главное – к войску: «Братцы, караул! Смотрите, православные, что поделали с нашей царицей эти жадные, корыстолюбивые бояре-князья! Они, дав ей корону, лишили ее власти, исконного самодержавия. Неужели вам любо, чтобы вами правили они, а не помазанница Божия – государыня? Ведь они только о своем кармане будут думать, тогда как самодержавная императрица – наша матушка, настоящая печальница о всей православной Руси». И когда вы скажете это всей России – все «ограничения» падут сами собой.

Ягужинский вскочил и заорал громовым голосом:

– Ура! Теперь я понимаю ваш гениальный план, Остерман! Вы – самый умный, самый великий человек!

И, не будучи в силах сдержать свой восторг, Ягужинский сжал Остермана в своих медвежьих объятиях.

– Ох! – простонал великий дипломат. – Честное слово, мой друг, вы рискуете потерять во мне мудрого советника, так как задушите меня! Фу-у! Пустите. Экая у вас медвежья сила!!

– Я... я сейчас пошлю письмо Анне Иоанновне! – продолжал неистовствовать Ягужинский. – Как вы думаете: ведь надо предупредить ее?

– Это не мешает, – серьезно ответил Остерман.

– Отлично! Позвольте мне здесь, на вашем столе, написать письмо будущей монархине.

– Пожалуйста.

Ягужинский стал быстро, нервно писать: «Ваше Высочество! Император скончался. Есть полная надежда, что преемницей его станете Вы. Но всецельная партия Голицыных желает с тем выбрать Вас, чтобы власть Вашу царскую ограничить, а себе ее в руки забрать. Но не унывайте, Ваше Высочество, поелику многих имеете Вы преданных себе! Мы повернем дело иначе и возвратим Вам все, что от нас попытаются скрасть. Ваш покорный, нижайший слуга Ягужинский».

– Так будет хорошо? – спросил он Остермана.

– Отлично. Но торопитесь скорее отправить гонца к ее высочеству, – ответил Остерман.

– Почему надо торопиться?

– Потому что нет сомнения в том, что они поспешат отрезать Москву от Митавы, дабы держать Анну Иоанновну в полнейшем неведении того, что здесь происходит.

– Вы правы, как и всегда, дорогой господин Остерман! – взволнованно воскликнул Ягужинский.

Лишь только закрылась дверь за ним, как из-за портьера вышел Бирон и изумленно спросил:

– Неужели Москва действительно отрезана от Митавы?

– Безусловно! Я уже получил донесение об этом. Получит ли Анна Иоанновна пылкое послание этого пламенного монархиста, – и для нее, и для нас это не важно. Но важно и необходимо, чтобы от нас-то она получила инструкции. Поэтому вслед за гонцом Ягужинского должен мчаться наш.

– Кто же поедет?

– Вы.

– Я? – удивленно воскликнул Бирон. – А как же здесь?

– Вам делать теперь здесь нечего, ваше место около Анны Иоанновны. Вы все слышали, все знаете. Объясните, растолкуйте ей политическое значение настоящего острого момента, – спокойно сказал Остерман. – От меня передайте ей вот эту записку.

Остерман написал:

«Доверяйтесь мне, Ваше Высочество. Принимайте все условия, сколь бы они ни были унизительны. Остерман».

– Вот, Бирон, – сказал он, подавая «конюху» письмо. – Я надеюсь, что Анна Иоанновна поверит мне. До сих пор Остерман еще никогда не бросал своих слов на ветер.

Бирон взял и поцеловал записку, после чего воскликнул:

– Остерман, только теперь я вполне уверен, что Анна сделается императрицей! Раз вы

написали это – все кончено. Но как же я прорвусь сквозь кордоны застав?

– А вот как... – И Остерман стал подробно посвящать Бирона в свой хитроумный план.

VIII. «Заколдованный сон»

Страшная снежная буря при двадцатипятиградусном морозе злобно выла и ревела над Москвой. Это была такая ледяная завируха, какой первопрестольная и не помнила. Суеверным москвичам в завывании ветра чудилось похоронное пение по скончавшемуся от «черной смерти» императору.

Было около часа ночи, когда к заставе, охраняемой часовыми с ружьями, подъехала крытая повозка-сани.

– Стой! – послышался сквозь завывание ветра грозный окрик часового. – Кто едет?

Кибитка покорно остановилась перед сверкнувшим штыком, из нее не торопясь, спокойно вышел человек, закутанный в огромную меховую шубу.

– Ты часовой? – спросил он ломаным языком.

– Да, часовой, – довольно грубо ответил страж.

– Где твое начальство? Где господин сержант? – резко спросил проезжающий.

– Там они! – указал часовой на освещенные окна небольшого каменного домика.

Проезжий направился туда, но часовой и тут преградил ему дорогу.

– А вы кто будете? Я не могу пропустить вас туда, – решительно заявил он.

– Я – кто? Я, любезный, придворный доктор и приехал к твоему начальству по распоряжению его сиятельства князя Голицына.

Часовой подтянулся.

– Коли так...

Незнакомец (это был Бирон) отстранил часового и вошел в караульную.

Тут было нестерпимо жарко, пахло добрым кнастером и вином. За небольшим столом сидели трое офицеров в расстегнутых мундирах. Они весело хохотали и опорожняли стаканы с вином.

– Что вам угодно? – увидев Бирона, вскочил старший из них, наскоро застегивая мундир. – С кем имею честь?

– Я доктор Эйхенвальд, господа офицеры, а явился я к вам потому, что мне надо произвести дезинфекцию... Вам ведь известно, от какой болезни изволил скончаться государь император?

«Доктор» при слове «император» почтительно снял свою меховую шапку.

– Разумеется, мы знаем, господин доктор: от черной оспы, – в один голос ответили

караульные офицеры.

– Так вот, ввиду того, что это болезнь очень заразная и может не только распространиться по всей Москве, но и выйти за ее пределы, мне начальствующими лицами приказано обеззаразить все заставы. Я полагаю, что вы будете сами рады этому, так как кому же приятно умереть в столь цветущем, как ваш, возрасте от страшной черной болезни?..

– Черт возьми, это – правда! – воскликнул один из офицеров. – Брр! Что может быть отвратительнее такой гадости?

Бирон потирал руки от холода.

– Итак, я сейчас приступлю... Но я так замерз, что у меня не действуют руки! – воскликнул он.

– Так не угодно ли, господин доктор, стаканчик винца? – обступили Бирона офицеры.

– С удовольствием! Вы думаете, что мы – доктора-немцы – только одни лекарства употребляем вовнутрь? О, нет!.. Что может быть лучшего, как стакан-другой вина?!

Эти слова были встречены криками одобрения. «Доктору» налили огромный стакан токайского, и он выпил его с наслаждением.

– Молодец, доктор! Умеете пить! – захлопали в ладоши полупьяные офицеры.

– Ну а теперь за работу! – Бирон вынул большую бутылку из кармана шубы и маленький «распылитель». – А где тот часовой, который стоит у заставы? Позовите, господа, и его. Пусть и он избежит опасности заразы.

Один из офицеров вскоре привел часового.

– Я буду опрыскивать каждого по отдельности, – сообщил Бирон. – Не беспокойтесь: эта жидкость не ядовита; она не испортит ваших мундиров.

«Доктор» Бирон стал поочередно переходить от одного офицера к другому, обильно опрыскивая их таинственной жидкостью. Незаметно он выплескивал большое количество ее на полы мундиров офицеров.

Лицо часового, дожидавшегося своей очереди, выражало страх. Он был убежден в глубине души, что эта самая жидкость и есть та страшная зараза, от которой может приключиться смерть.

– Ну и тебя теперь опрыснем! – улыбнулся «доктор» и стал обливать часового огромной струей.

Какой-то особенно противный, удушливо-сладкий запах распространился по комнате.

– Я думал, что пахнуть будет хуже! – воскликнул один офицер.

– Действительно, карболка благоухает куда ядовитее!

– А это что же за средство, доктор? – вмешался третий офицер.

– Новое средство, господа, – усмехнулся Бирон. – А теперь посидите спокойно... так полагается! – предложил Бирон, а сам незаметно всунул себе в обе ноздри куски ваты...

– Ах! – услышался испуганный голос одного из офицеров. – Что это со мной? Мне дурно!.. Голова кружится.

Он хотел вскочить, но не мог – точно какая-то непреодолимая сила властно парализовала его ноги. Он хотел крикнуть – но не мог: голоса не было.

– Что... что с тоб... с тобой?.. – попытался подняться другой, чтобы прийти на помощь товарищу, но, едва приподнявшись, он так же бессильно опустился на стул, причем его глаза сомкнулись, а по всему телу пробежали судороги.

Часовой как стоял, так и свалился на пол.

Путь был свободен. Бирон помчался к своей Анне Ивановне.

IX. Жизнь и смерть

После чудесного появления несчастной баронессы Клюгенау в замке старых Кетлеров герцогиня Курляндская совсем преобразилась. Изнывавшая дотопе от скуки, так как с ней не было Бирона и «инога какого развлечения», Анна Иоанновна вдруг нашла живой предмет, на который могла изливать избыток «нежности» своей души, отравленной желчью, или – как она любила выражаться – «печеночной горечью». Она окружила Клюгенау самым внимательным уходом, в котором та уже, собственно говоря, и мало нуждалась, так как находилась в последнем градусе скоротечной горловой чахотки.

Неизвестно, что заставило ожесточившуюся Анну Иоанновну столь милосердно отнестись к своей сопернице, но она поместила ее рядом со своей спальней и находилась при ней безотлучно.

Доктор ее светлости два раза навещал страдалицу. Он первый и признал в таинственной гостье замка блестящую баронессу Эльзу фон Клюгенау.

– Как?! – отскочил он от ее кровати. – Это вы, баронесса?

– Да, я... Но ради Бога, тише, доктор!.. Здесь никто не должен знать, что эта умирающая женщина – изгнанная и сосланная гофмейстерина.

Слезы выступили на глазах доктора.

– О, бедная, бедная баронесса! Что они сделали с вами!.. – невольно вырвалось у добряка. – Какое варварство!..

Клюгенау попыталась было ответить что-то, но не могла: припадок страшного кашля потряс ее грудь, плечи.

– Я скоро умру, доктор? – спросила она, отдышавшись.

Доктор отвернулся и пробормотал:

– Бросьте думать об этом, баронесса! Я вылечу вас, поставлю на ноги...

Печальная улыбка тронула бескровные губы умиравшей.

– Не надо утешений, мой добрый доктор! – сказала она. – После того, что я перенесла, смерть для меня – улыбка счастья.

В эту минуту в комнату вошла Анна Иоанновна.

– Ну что, доктор? Как поживает наша больная? – громко спросила она.

Она только что отобедала и потому была весьма изрядно возбуждена. Привыкшая и всегда пить довольно неумеренно, Анна Иоанновна на этот раз постаралась особенно. От нее несло запахом вина и ее излюбленными духами (мускусом). Своей огромной, пышной фигурой она заполнила пространство небольшой комнаты.

– Эта почтенная дама очень серьезно больна, ваша светлость, – угрюмо ответил доктор.

– Это не прилипчиво? – опасливо спросила будущая императрица.

– Нет, не беспокойтесь: вашему драгоценному здоровью не угрожает ни малейшая опасность.

Умиравшая баронесса опять закашлялась. Анна Иоанновна склонилась над ней и охватила ее исхудавшую шею своими пухлыми руками. И вдруг огромная струя алой крови вырвалась из широко раскрытого рта Ключенау и залила весь корсаж герцогини.

– Ай! – закричала та в испуге, отшатываясь от баронессы, и ее лицо вмиг побледнело, а глаза широко раскрылись. И тотчас же она, смятенная, вышла из комнаты умиравшей.

– Кровь! Опять кровь! – вырвалось у нее. * * *

Вечером Анну Иоанновну стало неудержимо клонить ко сну. Однако только что она прилегла и стала забываться тревожным сном (ее в последнее время мучила бессонница), как вдруг дверь ее спальни распахнулась.

Анна Иоанновна вскочила в испуге и крикнула:

– Кто это? Кто здесь?

– Верноподданный вашего императорского величества! – прозвучал голос.

Герцогиня схватилась за сердце и затрепетала: «Господи! Что это? Да ведь это – голос моего Эрнста!»

– Эрнст! Дорогой! Это ты?! – крикнула она, а затем, взглядевшись в вошедшего, она при свете фонаря различила фигуру своего фаворита и бросилась к нему.

Бирон отшатнулся с каким-то чисто актерским пафосом и громко произнес:

– Ни с места, ваше величество!

Анна Иоанновна всплеснула руками:

– Да ты что, Эрнст? Рехнулся в Москве, что ли? Какое «величество»?

– Нет. Я не сошел с ума, хотя от радости за вас это было бы и неудивительно. Я... я привез вам корону, императорскую российскую корону!

У герцогини вдруг задрожали ноги.

– Что ты говоришь? – пролепетала она. – Так ли я слышу? Ты привез мне корону императрицы?

Бирон опустился перед герцогиней на одно колено и ответил:

– Да, ваше величество. Если это еще официально не случилось, то это случится

завтра-послезавтра. Избрание вас в императрицы решено; дело остается за вашим согласием и за вашей подписью.

Анна Иоанновна бессильно опустила в кресло; кровь бросилась ей в голову.

– Правда? – прошептала она.

– Правда, Анна! – тихо промолвил Бирон, встал с коленей и подошел к ней. – Сейчас я вам все расскажу, а пока... пока скажите мне: будет ли российская императрица так же верно и тепло любить скромного Эрнста Бирона, как любила его герцогиня Курляндская?..

– Эрнст! И ты сомневаешься? – воскликнула Анна Иоанновна.

И тогда Бирон все поведал обезумевшей от радости герцогине, а та слушала его, словно замороженная какой-то волшебной сказкой.

– И сам Остерман? – наконец спросила она.

– Вот его письмо к тебе, Анна. * * *

Спальня герцогини Курляндской тонула в полумраке.

Тут, в этом алькове венценосной женщины, все титулы, звания, ранги уступили место одному лишь могучему чувству – чувству любви стареющей женщины к еще молодому мужчине.

Бирон ходил по спальне будущей императрицы. Вдруг тихий стон донесся до его слуха. Он остановился как вкопанный и прошептал:

– Господи, кто это стонет?

Он стал прислушиваться.

А стоны все усиливались и усиливались.

– А-ах! Ой!.. – проносилось по опочивальне Анны Иоанновны скорбное, за душу хватающее стенание.

Волосы встали дыбом у Бирона. Он подошел к Анне Иоанновне и, толкнув ее, спросил:

– Что это? Что это у тебя?..

– Что ты, Эрнст?.. – недоумевающе спросила она.

– Я спрашиваю тебя, кто это стонет так ужасно рядом с твоей спальней?

– Ветер в печах! – раздраженно вырвалось у Анны Иоанновны. – О, скоро ли я вырвусь из этого постылого замка!

Но вдруг она вспомнила о Клюгенау и поспешила пойти к ней.

Несчастливая жертва Бирона находилась в полуагонии. Она судорожно схватилась за одеяло, стараясь приподняться, но не могла. Силы совсем покидали ее.

– Вам худо, милая Эльза?.. – резко спросила Анна Иоанновна.

– Я умираю... Нельзя ли... послать за пастором...

Одевшийся Бирон стоял сзади «своей Анны». Вдруг потухающий взор Клюгенау остановился на «конюхе», и непередаваемый ужас, страх отвращения исказили ее лицо. Она протянула

руки, как бы желая защититься от этого человека, захрипела и... вытянулась.

Х. Заседание верховников

За исключением одного лишь Остермана, насморк которого не мог еще пройти, все верховники были в сборе. В зале чувствовалось то повышенное настроение, которое всегда бывает при событиях огромной важности. Всем невольно бросался в глаза победоносный вид Долгоруких.

– С чего это они так нос задирают? – провожал их шепот.

Заседание открыл князь Дмитрий Голицын.

– Всем нам, господа, ведомо о горестной утрате, постигшей Россию, – заговорил он. – Не стало императора Петра Второго, а нового мы еще не имеем. Между тем нельзя оставлять государство без главы. Посему сегодня же должны мы все порешить, кому корону царскую на главу надеть. Тестамент его величество не оставил...

– Нет, князь Дмитрий Голицын, государь оставил завещание, – среди глубокой тишины прозвучал громкий возглас князя Ивана Долгорукого.

Это было столь неожиданно, что все замерли, а затем послышались возгласы:

– Какое завещание? Откуда завещание? С чего он в голову взял это?

Собрание членов Верховного тайного совета заволновалось.

Один только князь Дмитрий Голицын оставался спокоен. Зная, что на его стороне значительное большинство голосов, он был готов к каким угодно «выпадам».

– Господа члены Верховного тайного совета! – начал он, окидывая насмешливым взглядом фигуру Ивана Долгорукого. – Тотчас по кончине в Бозе почивающего императора я в частной беседе со многими вами говорил, что кажется мне подозрительным, почему князя Долгорукие, особливо Алексей, не желали никого впускать в покои умирающего Петра Алексеевича... Теперь я понял, почему это делалось.

– И почему? – рванулся князь Иван Долгорукий.

– А потому, что, видно, очень уж вы о здоровье нашем беспокоились, боялись, как бы мы не заразились, а кроме того, были заняты изготовлением большого чуда для нас всех, – ответил князь Голицын, после чего низко поклонился собранию и спросил: – Дозволите ли вы, господа, чтобы допрос князьям Долгоруким чинил я?

– А ты кто же? Заплечных дел мастер, чтобы чинить допрос нам? – вспыхнул князь Алексей Долгорукий, вскакивая.

– Эй, попридержите язык, князь Алексей! – крикнул князь Голицын. – За такие слова ответ тебе держать придется! – Он снова обратился к собранию: – Дозволите ли вы, господа, чтобы в нашем сегодняшнем полном собрании находился и доктор, лечивший покойного государя?

– А это зачем? К чему? – послышались голоса.

– А к тому, что он может многое сказать нам о том завещании, о котором только что упомянул князь Иван Долгорукий.

Собрание выразило согласие, и через несколько секунд в зал был введен немец-доктор.

С достоинством отвесив поклон верховникам, он скромно сел на стул близ князя Дмитрия Голицына.

– Князь Иван Долгорукий, вы заявили, что после кончины его императорского величества осталось завещание? – спросил последний.

– Да! – твердо ответил Иван Долгорукий.

– Что же в оном завещании говорится? – продолжал допрос Голицын.

– Что императрицей должна быть сестра моя, Екатерина. Такова воля царя, – вызывающе произнес Иван Долгорукий.

Голицын громко рассмеялся. Большинство верховников в недоумении переглянулись.

– Вот, господа, то чудо, которое князья Долгорукие изготовляли для нас в спальне Петра Алексеевича! – хохоча выкрикнул Голицын. – Понимаете ли вы теперь, почему они столь важно выступают?

– Ха-ха-ха! Ох-хо-хо!.. – прокатилось по собранию родовых вельмож.

– А где же это диковинное завещание? – продолжал «пытать» Голицын.

– Его видел и читал и владыка-митрополит, а для того, чтобы оно не пропало, я сберег его. Вот оно! – сказал Долгорукий, открыл деревянную коробку и вынул из нее знаменитый testament работы Прокофия Лукича. – Вот слушайте, что в нем написано! – важно произнес Долгорукий и стал читать содержание «завещания».

По мере того как он читал testament, веселое настроение членов Верховного тайного совета усиливалось все более и более, так что последнее слово «аминь» было покрыто уже громовым раскатом хохота.

– Ох, уморил! Ох, распотешил! – схватились за животы Голицын и его присные, да и другие не отставали. – Аминь? Так и сказано в testamente: аминь?

Долгорукий стоял, словно бык, оглушенный ударом, и бессмысленно поводил по собранию глазами, налитыми кровью.

– Что это? Чему смеетесь? – хрипло спросил он.

– Ох, князь, ох! Ишь что выдумал! Сочинил да еще «аминь» ввернул! – продолжал издеваться Голицын. – С сей оказии следовало бы тебя, князь, Аминь-Долгоруким величать! Да Бог уж с тобой, не будем ссориться!.. А только ты скорее эту пакость сожги вот в этой печи...

– И это будет очень умно, потому от этой бумажки заразиться могут многие, – впервые открыл рот доктор, молчавший до тех пор.

– Как?! – воскликнул Долгорукий. – Царское завещание вы осмеливаетесь называть пакостью? Это – преступление! Я вас всех призываю в свидетели, что князь Дмитрий Голицын дерзновенно оскорбил священную память государя императора!..

Голицын выпрямился.

– А-а, так ты вот как заговорил, князь Алексей?! – крикнул он. – Ты же мне грозить удумал? Хорошо же, я выведу вас на чистую воду!.. Когда составлено завещание почившим государем?

– Пять месяцев тому назад, если считать умеешь, – сверкнул глазами Долгорукий.

– Пять месяцев, говоришь? Тут вот в твоём завещании сказано: «Понеже чувствуя себя хворым...» Когда же это пять месяцев тому назад государь хворать изволил? Или не ведомо всем нам, что до страшной болезни он был всегда – по милости Божией – здоровехонек? Что? Замолк? Э, да что тут говорить! Пусть вот лучше господин доктор поведает нам, как и откуда это завещание появилось.

Немец-доктор встал и только что собирался открыть рот, как Алексей Долгорукий, чувствуя, что все пропало, что показания доктора, который, быть может, подглядел, подслушал, могут погубить его в глазах всех верховных вельмож, воскликнул:

– А, вы думаете, что мне так желательно, чтобы царствовала Екатерина Долгорукая? Так вот, нате, смотрите! – и он на кусочки разорвал «завещание».

– Надо бросить в печку!.. Там зараза сгорит!.. – под оглушительный хохот верховников закричал немец-доктор.

Его сейчас же с миром и отпустили, «за ненадобностью».

Вскоре после «аминь-долгоруковского действия» высокое собрание перешло к выбору преемника умершему императору.

Голицын сильно волновался, открывая «прения» по этому вопросу. Хотя он и знал, что большинство верховников будет поддерживать его, однако понимал, что и возражений будет немало. Так оно и случилось.

После горячей, продолжительной речи, в которой Голицын яркими красками расписывал прелесть «полегчания» способом ограничения царской власти, вскопился Татищев.[49]

– Не быть сему! Самодержавие должно быть ничем не ограничено! – пылко воскликнул он.

– Стойте, стойте! Да вы наперед решите, кому корону вручить?.. – посыпались голоса.

И вот тут большинством голосов было решено «просить Анну Иоанновну на царство», после чего стали составлять текст ограничительной грамоты.

Волнение верховников все усиливалось.

– Князь Дмитрий Голицын, изготовил ли ты «кондиции»?

– Вот они, готовы.

– Читай!

Князь Дмитрий Голицын начал громко читать:

– Первое: «Без согласия Верховного тайного совета не должна выходить замуж».

– Так! Так! Правильно.

– Второе: «Без его же согласия не могу назначать себе преемника».

– Верно!

– «Без согласия и разрешения совета не начинать войны, не заключать мира; войскам быть под ведением совета».

– О, это чересчур! – побагровел Татищев.

Князь Дмитрий Голицын невозмутимо продолжал чтение «пунктов» ограничительной грамоты:

– «У шляхетства живота, имения и чести без суда не отнимать; государственные доходы не расходовать». – Тут вдруг Голицын встал. Он гордо выпрямился и, оглядев всех пылким, горящим взором, закончил: – «А буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны российской». Согласны на это?

– Согласны! – загремели голоса.

– В таком случае мы пошлем немедля послов к нашей будущей императрице! – возбужденно воскликнул Голицын.

И послы были снаряжены.

XI. Джиолотти и наемный убийца

В Митаве царило полное недоумение. Весть о кончине императора Петра Алексеевича поразила достойных бюргеров, но все они ломали голову над вопросом: кто же теперь царствует или будет царствовать в России? Анна Иоанновна, потрясенная смертью Ключенау, совсем впала в хандру. Несмотря на ласки Бирона, она бродила как тень по угрюмым залам Кетлеровского замка.

– Что с тобой? – раздраженно спросил ее Бирон. – Я привез тебе корону, а ты раскисла?

– Где она, где твоя корона? – саркастически воскликнула герцогиня.

– Ты уж и Остерману не веришь?

– А черт его знает!.. Может, он изменил нам!..

Как-то, завтракая с глазу на глаз со своим Бироном, Анна Иоанновна вдруг схватилась за сердце.

– Что с тобой? Тебе худо? – испуганно вскочил фаворит.

– Шаги... шаги... Это – его шаги? Да?.. Он идет! Идет!

Анна Иоанновна вскочила со стула.

Бирон побледнел.

– Кто он? О ком вы говорите?.. Ваше высочество, это плохо, если вы еще до вступления на российский престол сойдете с ума. Тогда мне не миновать каторги...

– Эрнст, милый, я не знаю, что со мной, но чувствую, что меня обволакивает какая-то странная, непостижимая сила! Ах смотри, он!

– Черт возьми! Кто «он»?! – вскакивая, бешено закричал Бирон. – Вы решили и меня свести с ума?

– Вы ошибаетесь, дорогой Бирон! Ее величество не сошли с ума. Это – я, великий магистр

Джиолотти! – слышалась французская речь знакомого, таинственно чудного голоса.

У Бирона поднялись волосы.

– Джиолотти? – вырвался у него испуганно-радостный крик.

Великолепная, мистически-страшная фигура великого магистра ордена «Фиолетового креста» предстала перед изумленными Анной Иоанновной и ее фаворитом.

– Да, это – я, ваше императорское величество! – склонился пред Анной Иоанновной великий чародей, бывший факир, снял с мизинца кольцо и подал его ей, говоря по-французски: – Это кольцо герцогини должно быть переименовано на кольцо императрицы. О, ваше величество!.. Там, в Венеции, я не переставал думать о вас! Та таинственная сила, которой я обладаю, сделала величайшее чудо: вы стали императрицей всероссийской.

Анна Иоанновна, красная от радости и удовольствия, беспомощно развела руками.

– Все кольца отдать готова я вам, – воскликнула она, – за исключением одного: кольца императрицы, потому что я сама его еще не имею! Бирон, налейте скорее вина нашему дорогому гостю.

Джиолотти выпил залпом стакан вина.

И вдруг, лишь только он допил его, смертельная бледность покрыла его лицо. Он вскочил словно ужаленный и крикнул:

– Долой, долой все это!

Анна Иоанновна и Бирон тоже вскочили, испуганные.

– Что с вами? – спросил Бирон.

– Скорее в зал! Скорее! – Джиолотти первый бросился в тронный зал.

Анна Иоанновна совсем растерялась.

– А что там, в зале? – спросила она.

– Вы увидите то, что произойдет сейчас, – нервно воскликнул Джиолотти.

Анна Иоанновна робко, несмело, еле передвигая ноги, вошла в тронный зал старых Кетлеров, где царил тьма, так как темно-малиновые занавески на окнах были спущены и не пропускали ни одного луча света.

– Смотрите, ваше величество! – приказал Джиолотти.

– Куда? Я ничего не вижу.

И вдруг слабый, нежный свет озарил зал.

Бирон забылся до того, что при Джиолотти громко закричал:

– Смотрите, Анна, на трон! На трон смотрите!

Весь трон был ярко освещен. На том месте, где находилась курляндская герцогская корона, теперь сверкала, переливаясь радужными огнями, российская императорская корона.

Волшебное видение продолжалось несколько секунд, потом мало-помалу огни потухли, и зал

снова погрузился в тьму.

– Это поразительно! – воскликнул Бирон. – Но вот что скажите, дорогой синьор Джиолотти: скоро ли явится к ее величеству депутация от членов Верховного совета?

И он зажег восковой спичкой одну из свечей в канделябре.

– Да, да, мне так хотелось бы узнать это! – вырвалось у Анны Иоанновны.

Джиолотти поклонился и промолвил:

– Это вы увидите сейчас, я покажу вам на стене приближение послов, а пока я должен заняться другим: я должен спасти вашу жизнь, Бирон!..

Бирон отшатнулся и воскликнул:

– Как: спасти мою жизнь? Что вы говорите?..

– Да, да, вам угрожает смертельная опасность, – продолжал великий магистр. – На вас готовится покушение. О, как дьявольски хитро задумано оно!

Бирон, отличавшийся нахальством, а еще больше – трусостью, схватил великого чародея за руку и крикнул:

– Джиолотти, во имя Бога, вы должны спасти меня! Помните, что моя жизнь нужна России и что императрица Анна Иоанновна щедро наградит вас!

– Да, да! – пылко воскликнула Анна Иоанновна. – Десятки миллионов будут в вашем распоряжении, если вы спасете жизнь моего верного друга.

У «конюха» промелькнула мысль:

«А что, если он просто запугивает меня для того, чтобы побольше содрать?»

– Кто же собирается посягнуть на мою жизнь? – приободрившись, задал он вопрос Джиолотти.

Великий магистр повернулся к Анне Иоанновне и тихо произнес:

– Человек, который собирается сделаться очень близким для вас существом.

– Что? Кто же он? Неужели?.. – И Анна Иоанновна запнулась, страхась произнести это имя.

– Вы угадали, ваше величество, – сказал Джиолотти. – Этот человек – Мориц Саксонский.

– Ах он негодяй! – загремел Бирон, забывая все правила приличия. – Но где доказательства? Этот «выскачка» осмеливается посягать на меня, на Бирона! Да знает ли он...

Джиолотти, насмешливо поглядев на фаворита, возразил:

– Ну, какой же он «выскачка», дорогой Бирон! Он – царской крови. Да вы не волнуйтесь: я спасу вас...

Единственная свечка, зажженная Бироном, потухла. Мрак снова окутал зал.

– Умоляю тебя, Создатель Мира, яви нам великое чудо видеть!.. – начал по-латыни сильнейшее заклинание жрецов Изиды Джиолотти.

На стене появились искры. Секунда – и стена осветилась фиолетовым светом. На этом фоне

сначала слабо, а потом все сильнее и сильнее стала вырисовываться фигура.

– Мориц! – не выдержав, крикнула Анна.

Перед таинственным «видением» – Морицем Саксонским – стоял, подобострастно склонившись, небольшого роста худощавый человек. Он держал в руке маленькую восковую фигурку лошади и что-то вкалывал ей в правую ногу.

– Господи, что делает с бедным животным этот негодяй? – воскликнул Бирон.

Видение исчезло.

– С разрешения вашего величества, я попросил бы вас в столовую. После такого напряжения я всегда имею привычку выпить стакан доброго вина, – уклончиво ответил Джиолотти.

– А вот насчет посольства, дорогой синьор... – начала было Анна Иоанновна.

Но чародей сухо перебил ее:

– Дайте же мне возможность отдохнуть!

В столовой Джиолотти действительно выпил стакан красного вина. Легкий румянец заиграл на его побледневших щеках. Как ни в чем не бывало, словно то, что он сделал, являлось простым фокусом, великий магистр принялся непринужденно болтать, рассказывая обо всем, что произошло в это время в России, с такими подробностями, словно он был непосредственным очевидцем.

– Откуда вы все это знаете, синьор Джиолотти? – дивилась Анна Иоанновна.

– Да ведь я же все время был здесь, у вас, в России.

– Как так?! – привскочил Бирон. – Ведь я писал вам в Рим и в Венецию!

– Совершенно верно: вы писали, но не мне, а моему двойнику.

– Какому двойнику?! – прохрипел Бирон. – Разве есть еще какой-нибудь второй Джиолотти?

– Нет, другого нет...

– Вы... вы издеваетесь надо мной? – крикнул Бирон.

– И не думаю.

– Так какого же черта вы говорите, что я писал вашему двойнику?

– Я и настаиваю на этом, – спокойно ответил Джиолотти.

Герцогиня глупо хлопала своими маловыразительными глазами. Она ровно ничего не понимала, но только чувствовала, что ее Эрнст сердится.

– Я вас спрашиваю в последний раз: кому я писал письма?.. – встал Бирон.

– Мне!..

– Так как же вы говорите, что вы все время находились в России?

У Бирона на губах проступила пена того дикого, необузданного гнева, который впоследствии заставлял трепетать почти всю Россию.

– У вас очень короткая память, дорогой Бирон! – насмешливо произнес Джиолотти. – Кажется, я вам уже пояснил, что такое раздвоение личности. Я во всякую минуту могу одновременно находиться в различных местах. Все это время Джиолотти-молекулы были там – и в Риме, и в Венеции, но флюид-Джиолотти не покидал вашей необъятной империи.

В дверь столовой кто-то почтительно-робко постучался.

– Войдите! – по-немецки крикнул Бирон.

– Ах, ваше сиятельство, какое несчастье! – воскликнул любимый конюшенный «конюха».

– Что такое? – спросил Бирон.

– Эрнестина, ваша любимая лошадь, бьется, как иступленная...

– Почему? – вспыхнул фаворит.

– Ее подковал мастер... Не знаю, что произошло с ней, но только она хрипит, дрожит...

– Кто подковывал? Франц?

– Нет, ваше сиятельство... Может быть, кто-либо из его помощников.

– Ступай! Я сейчас приду. – Бирон засуетился и обратился к Джиолотти: – Хотите посмотреть мою конюшню?

Великий магистр, выпрямившись во весь рост, сказал:

– С одним условием, Бирон.

– С каким?..

– Если туда пойдет и ее величество, а теперь уже ее императорское величество. Она так любит лошадей...

Анна Иоанновна согласилась, и они отправились втроем.

В великолепной конюшне, этом излюбленном детище Бирона, было сухо, чисто, светло. Превосходная лошадь билась в судорогах. Она особенно дрыгала правой ногой.

– Моя милая Эрнестина! Что с тобой, моя прелесть? – произнес Бирон и хотел было подойти к лошади.

Но дорогу ему загородил Джиолотти.

– Оставьте! Ни шагу далее, Бирон! – властно произнес он.

– Это почему же? – вспыхнул фаворит.

– Потому что здесь ваша смерть...

– Где? – вздрогнул и затрясся Бирон.

Джиолотти тихо шепнул ему:

– А видение на стене забыли?

В эту минуту в конюшню вошел старик Франц.

– Какого дьявола ты послал ковать Эрнестину, старый мошенник? – грубо, как настоящий конюх, заорал Бирон.

Старый Франц побледнел не столько от страха, сколько от обиды и дрожащим голосом сказал:

– Это мой новый помощник, ваше сиятельство... Он уже подковал не одну лошадь... Я оставался доволен его работой, и так как мне нездоровится, то я и поручил ему Эрнестину.

– Он давно поступил к вам помощником? – спросил Джиолотти.

– Нет, недавно, около двух недель назад, – пробормотал Франц, с испугом глядя на бившуюся лошадь. Он подошел, нежно и ласково посвистывая, к лошади и наклонился над ее правой задней ногой. – Ну, ну, не надо, моя хорошая Эрнестина!.. Пстой... пстой! Я посмотрю, что наделал с тобой этот глупый осел...

И тут, прежде чем кто-либо успел вымолвить слово или вскрикнуть, произошло нечто страшное: Эрнестина изо всей силы лягнула старого Франца. Ужасный удар пришелся в голову, и последняя вмиг обратилась в бесформенную кровавую массу. Смерть кучера была ментальна.

Анне Иоанновне сделалось дурно, так что Джиолотти должен был поддержать ее, иначе она упала бы.

– Боже мой, что же это такое?.. – воскликнул Бирон.

– Вот что предстояло вам, дорогой Бирон, – ответил чародей. – Не правда ли, как хитро было придумано?

– Да объясните все толком!

– Тот человек, который поступил помощником к несчастному Францу, – не кто иной, как подосланный убийца. Зная вашу безумную любовь к лошадям, ваши враги и решили сыграть на этом.

– Но что же они сделали с моей бедной Эрнестиной?

– Негодяй впрыснул ей под кожу яд, обладающий свойством вызывать сильнейшие судороги. Часа через полтора лошадь падет, так что вы, Бирон, лучше пристрелите ее, прекратите ее страдания. Ну-с, так план был таков. Ваша любимая лошадь заболевает. Конечно, вы поинтересуетесь посмотреть, что с ней. Она страшно дрыгает правой ногой. Вы заинтересуетесь и, забыв осторожность, наклонитесь. Этого довольно. Бешеным ударом отравленное животное снесет вам голову, что и случилось с бедным стариком.

– Черт возьми, какие негодяи! – загремел Бирон. – Эй, вы все, псы и негодяи, оцепить весь замок! Искать повсюду проклятого убийцу!

– Вы спасли жизнь моему верному другу, синьор Джиолотти. Как мне благодарить вас! – воскликнула Анна Иоанновна.

– Да, да, вы спасли мне жизнь! Я никогда не забуду этого, – горячо произнес и Бирон.

XII. Прибытие послов

Когда вернулись в замок, Анна Иоанновна, несмотря на пережитое волнение, снова обратилась к Джиолотти с просьбой «погадать» о том, когда произойдет долгожданное событие – приезд послов.

– Сегодня, – ответил тот.

– Матушки! Да неужели? Вот радость! – чисто по-русски, по-бабьи воскликнула герцогиня. – А может, не приедут?

– Будьте уверены, ваше высочество, приедут сегодня, и очень скоро.

По случаю праздника и прекрасной, мягкой погоды почти все жители Митавы находились на улицах и площадях. Часть достопочтенных горожан и горожанок разъезжала в собственных «выездах», другие прогуливались пешком.

И вдруг в разгар этого уличного движения появились две быстро мчащиеся повозки, запряженные по шести лошадей каждая. В повозках виднелись важные, надменные фигуры, очевидно «бояр» (в Митаве всех русских вельмож-сановников называли боярами). Обе повозки были окружены верховыми солдатами в блестящей форме.

Митавцы рты разинули и стали гадать, что бы должно означать столь неожиданное появление русских «бояр», солдат – словом, этого диковинного поезда.

– В замок едут! К герцогине! – слышались возгласы в толпе. – С какими такими вестями?

А кортеж все ближе и ближе подъезжал к старому замку Кетлеров.

С сильно бьющимся сердцем, почти дрожа от волнения, стояла Анна Иоанновна у окна зала. Одета она была в парадное платье и в мантию, подбитую горностаем; на голове сверкала герцогская корона.

Бирон, в парадном мундире обер-камергера, стоял позади Анны Иоанновны. Его лицо подергивалось судорогами волнения и было бледно.

– Они уже въехали, Эрнст! Смотри, смотри! – волновалась герцогиня.

– Я вижу, ваше высочество... Вот первым вылезает из повозки князь Дмитрий Голицын, а вот и его брат... Господи Боже!.. И сам Алексей Долгорукий?! Когда же они спелись?..

– Их надо встретить, Эрнст?

– Разумеется. Я встречу их на первых ступенях лестницы. Не волнуйтесь, Анна, вы должны быть невозмутимо покойны и величественны.

Джиолотти, который находился тут же, подошел к Анне Иоанновне и, подав ей маленькую золотую рюмку, сказал:

– Вы очень взволнованны, ваше высочество. Выпейте это – и вы почувствуете себя великолепно.

Анна Иоанновна благодарно взглянула на него и выпила содержимое рюмки.

С низким придворным поклоном встретил «конюх» послов.

– Ее высочество, увидев приближение столь высоких и почетных гостей, поручила мне скорее встретить вас, ваши сиятельства, – вкрадчиво произнес Бирон.

– А-а, господин обер-камергер Бирон! – громко произнес Дмитрий Голицын. – Весьма рады

видеть вас, а ее высочество благодарим за почетный прием.

Все трое обменялись с тайным другом герцогини рукопожатиями.

– В добром ли здравии изволит пребывать ее высочество? – осведомился князь Алексей Долгорукий.

– По милости всемогущего Бога ее высочество вполне здорова, – ответил Бирон.

– Прежде чем нам предстать перед ее высочеством, любезный господин Бирон, нам оправиться бы надо, – произнесли князя Голицыны.

– Прошу вас, ваши сиятельства, следовать за мной! – вновь низко поклонился Бирон.

Он великолепно играл роль робкого, покорливого слуги своей повелительницы. Дерзкий, надменный фаворит сразу стушевался в нем.

Это, по-видимому, произвело отличное впечатление на спесивых вельмож-верховников, которые в эти смутные дни являлись фактическими хозяевами – правителями России.

«Послам» было отведено помещение старого курляндского герцога, и здесь они могли оправиться после дороги, облачиться в парадные туалеты. Заботливость и предупредительность Бирона простерлись до того, что в охотничьем кабинете был заранее приготовлен стол, уставленный лучшими винами и прихотливыми яствами.

– Не угодно ли, ваши сиятельства, подкрепиться после длинной, утомительной дороги? – предложил Бирон.

Он знал слабость младшего Голицына и Алексея Долгорукого к вину.

– Что ж, можно, – ответили они. – Вы очень обязательный человек, господин Бирон. Мы постараемся отплатить вам за ваше митавское гостеприимство. Ах, если бы вы только знали, с каким делом пожаловали мы сюда!

«О, ослы, ослы! Вы мне отплатите! Нет, вы вот поглядите, как я вам отплачу!» – пронеслась в голове Бирона злобно-торжествующая мысль.

Прошло несколько времени.

– Ваше высочество и ваша светлость! – звучно произнес Бирон, распахивая дверь в тронный кетлеровский зал. – Имею высокое счастье оповестить вас о прибытии высоких и славных членов Верховного тайного совета: князя Долгорукого и князей Голицыных.

Первым за Бироном стоял Алексей Долгорукий, чуть-чуть позади – оба брата Голицыны. Анна Иоанновна сидела на своем скромном герцогском троне.

– Я более чем рада видеть вас, господа князя!.. – важно произнесла она.

Все трое подошли к «захудалому» трону и, приветствуя герцогиню, поцеловали ее пухлую руку.

– Находитесь ли вы, ваше высочество, в добром здравии? – произнес Дмитрий Голицын. Едучи сюда, мы все время молили Господа Бога об этом.

– Спасибо, князь Дмитрий, я здорова. А ежели бы и была больна, какая кому от того печаль могла приключиться?

– Упаси Боже! Ваша жизнь, ваше высочество, драгоценна для России!.. – торжественно

сказал Долгорукий.

– Моя жизнь драгоценна для России? – усмехнулась Анна Иоанновна. – Это давно ли? С каких пор? И что такое я, забытая племянница великого государя, сосланная сюда, в чухонскую Митаву?

– Ваше высочество! – выступил князь Дмитрий Голицын. – То, что вы изволили произнести, есть сущая правда. Негоже было так бессердечно поступать с племянницей великого императора. Ведомо нам все, что претерпели вы в эти семнадцать лет заточения в Митаве. Но наша ль в том вина? Разве мы являлись распорядителями судеб империи? Что мы могли поделаться, когда и видели неправду? Не корите же нас за это, ваше высочество!

– Справедливо сказал брат, – промолвил другой Голицын.

– Верно!.. – вздохнул князь Долгорукий.

– А теперь мы обязаны сообщить вам: император Петр Второй Алексеевич скончался. Ведомо вам сие?

– Ведомо.

– А ведомо ли вам, что у нас нет пока нового императора?

– И это ведомо, – твердо произнесла Анна Иоанновна.

– Мы, ваше высочество, явились к вам по поручению членов Верховного тайного совета, – начал опять Дмитрий Голицын. – После кончины его величества возник вопрос: кому следует наследовать корону российскую. И вот тогда я первый подал свой голос за вас. Правду я говорю? – обернулся Голицын к брату и Долгорукому.

– Правда... Твое это дело, князь Дмитрий, – ответили оба.

– Вы видите, ваше высочество, что я ни на минуту не забывал о той, которая томится в Митаве, о племяннице великого государя.

– Спасибо! – вырвалось у герцогини.

Князь Голицын продолжал:

– Одному Богу известно, сколь трудно мне и тем, которые разделяли мои взгляды, отстаивать царский престол для вас. Но я это сделал. Если вам угодно, вы с сегодняшнего дня – императрица всероссийская. Мы привезли вам корону.

– Мне?! – воскликнула Анна Иоанновна. Она хотела что-то сказать еще, но не могла уже: сильное напряжение нервов разрешилось истерикой.

Произошла паника. Все бросились помогать будущей императрице.

Фрейлина Менгден совсем растерялась.

Но вдруг случилось чудо: сразу, моментально, Анна Иоанновна выпрямилась во весь рост и с совершенно спокойной улыбкой обратилась к послам:

– Это так... пустяки... худо со мной сделалось... Так вы корону мне привезли?

– Да, ваше высочество, – низко склонился Голицын. – Один росчерк пера – и вы – императрица.

– А что же я должна подписать? – как-то особенно экзальтированно спросила герцогиня.

– Вот эту бумагу! Угодно вашему высочеству выслушать содержание ее? Мы предупреждаем вас, ваше высочество, что это – воля народа.

Анна Иоанновна молча согласилась на прочтение и, когда чтение ограничительной грамоты окончилось, тотчас же подписала ее.

XIII. В Москве. «Остерман работает»

Тепло, торжественно, со звоном колоколов всех сорока сороков, встретила первопрестольная Анну Иоанновну.

Хотя народу избрание ее на царство и казалось каким-то диковинным, чудным, непонятым – кто знал о ней, захудалой герцогине Курляндской? – тем не менее народ радовался, что появилась царская власть, а не власть одних верховников.

Долгорукие поселились около покоев Анны Иоанновны и никого не пускали к ней без себя.

Для бывшей герцогини Курляндской получилось заточение еще более тягостное, чем митавское.

Бирон отправился к Остерману. Великий дипломат заканчивал беседу, по-видимому, весьма важную, с князем Черкасским,[50] который бывал у него почти ежедневно. Этот князь Черкасский, представитель «шляхетства» дворянства, страшный богач, но человек в высокой степени ограниченный, сыграл известную роль в уничтожении замыслов верховников об ограничении царской власти.

– Подождите, Эрнст Иванович, я сейчас к вашим услугам, – бросил Остерман Бирону. – Итак, князь, вы не струсите?

– Что вы! Что вы! Конечно, нет...

– Приезжайте ко мне вечером. Надо будет о многом еще договориться, – окончил беседу Остерман.

Черкасский уехал, едва взглянув на Бирона и надменно кивнув ему головой. Впоследствии этот надменный кивок дорого обошелся князю.

– Я сейчас хочу проехать к Анне Иоанновне, Бирон, – сказал Остерман.

– Я не видел ее вот уже несколько дней, – угрюмо произнес Бирон.

– Вы же не уверите меня, дорогой Эрнст Иванович, что это чересчур огорчает ваше сердце? – тихо рассмеялся Остерман. – А просто вас разбирает бешенство, что около нее теперь находитесь не вы, а эти пьяные звери. Верно?

– Да! – резко ответил Бирон.

– Ничего не поделаешь, Бирон, надо потерпеть. Пусть все думают, что фаворит герцогини, когда она сделалась императрицей, получил чистую отставку.

Бирон хрипло рассмеялся.

– Нам надо вести нашу игру очень тонко! – произнес Остерман. – Если мы хотим опираться на дворянство и на войско, чтобы уничтожить ограничительную грамоту да и весь этот Верховный тайный совет, то необходимо, чтобы ни дворянство, ни войско, ни духовенство не боялись особенно нас, немцев. А то они будут так рассуждать: «Освободим мы государыню от властных князей-вельмож, ан, глядишь, в лапы к немцам попадем! А лучше ли от того будет? Те все же – наши, русские, свои, а эти немцы – басурмане!» Понимаете, Бирон?

«Конюх» молча кивнул головой.

– Вы в особенности должны ступать, – продолжал Остерман. – О той роли, которую вы играли при царице-герцогине Анне Иоанновне, знают очень многие. * * *

Всякий раз, когда Остерман появлялся во дворце, лица князей Долгоруких вытягивались. Они ненавидели его, но и страшно боялись – боялись его поразительно острого ума, изворотливости, ловкости...

– Как чувствует себя ее величество? – осведомился Остерман у Алексея Долгорукого.

– Опочивает, кажется, – ответил тот.

– Ну, ничего, я разбужу ее! – улыбнулся Остерман.

Долгорукий не выдержал и спросил:

– Скажите, наш великий оракул,[51] о чем это вы столь продолжительно беседуете с императрицей?

– А вас почему это так интересует, ваше сиятельство? – насмешливо улыбнулся Остерман.

Долгорукий смешался, но тотчас ответил:

– Нет, я просто так любопытствовал.

– Вступая на престол, Анна Иоанновна желает поучиться кое-какой государственно-политической мудрости, – продолжал Остерман. – Зная меня, как опытного в сих делах дипломата, она и выразила требование, дабы я обучал ее...

– Гм... – ухмыльнулся в бороду Долгорукий. – Особенно чего же ей стараться? Делами государственными не одна она, чай, будет ведать.

Остерман шепнул на ухо Долгорукому:

– Да она и совсем не будет ведать ни о чем, князь Алексей. Разве мы не связали ее по рукам и по ногам?

Лицо Долгорукого просветлело.

– Значит, вы в нашей партии? – воскликнул он.

– А то в чьей же? Разве я – не член Верховного тайного совета? Или вы исключили меня оттуда?..

Тут Долгорукий крепко пожал руку великого дипломата и произнес:

– В таком случае надо действовать заодно. Ведомо ли вам, великий оракул, что по Москве ходят по рукам подметные письма?

– Ведомо!.. – спокойно ответил Остерман.

– А что писано там, знаете?

Остерман вместо ответа вынул листок бумаги и, протянув его Долгорукому, спросил:

– Одно из этих, князь Алексей?

Долгорукий обомлел. Он несколько секунд молчал, а потом тревожно воскликнул:

– И вы, Остерман, столь спокойно относитесь ко всему этому?

– Я никогда не волнуюсь и не теряю головы. Опасность велика, я знаю это. Но ведь мы настороже, князь?

– А если нас осияют? Если мы проморгаем? – заволновался Долгорукий. – Вот, например, знаете ли вы, кто является первыми смутьянами? Знаете ли вы, кто волнует народ, войско и дворянство?

– Знаю. И не только знаю понаслышке, но каждый день вижу и разговариваю с ними, – проговорил Остерман.

– Кто же они, если вы их знаете? – забыв всякую осторожность, закричал Долгорукий.

– Волынский[52] и князь Черкасский, – отчеканил Остерман.

– Так ведь их надо схватить, арестовать... сослать... четвертовать!.. Чего же вы медлите?..

Ироническая улыбка пробежала по губам Остермана.

– Вы ошибаетесь, князь Алексей!.. – промолвил он. – Каждый раз, как они являются ко мне, я получаю от них драгоценные сведения. Ведь они считают меня своим сторонником и потому вполне откровенны со мной. А мне, всем нам необходимо быть в курсе их замыслов, знать настроение и большинства дворянства, и войска. Поэтому вы не волнуйтесь: я не пропущу нужного момента. Я вам скажу больше: я арестую даже Бирона... А знаете, почему и для чего?

Долгорукий насторожился.

– Для того чтобы его место на время занял князь Иван Долгорукий... – еле слышным шепотом произнес Остерман. – Анна Иоанновна – женщина, и притом с пылким темпераментом. Вы понимаете?.. Раз князь Иван сблизится с ней – она очутится в ваших руках. А вы... вы не забудете моей услуги, Долгорукий?..

– О! – вырвалось у того. – Все поделим!

– Я знал, что вы, как умнейший человек, поймете меня. Ну, теперь я иду к государыне. Смотрите, чтобы никто не помешал нашему свиданию. Предупредите князя Ивана, растолкуйте ему...

– Все исполню, все... – довольным голосом пробормотал Долгорукий.

XIV. «Уроки» Остермана

– Ваше величество, где вы? – тихо спросил Остерман, входя в красную гостиную.

Он поводил глазами, но нигде не видел заточенной императрицы.

Портьера распахнулась, и из спальни вся в слезах, угрюмая, понурая вышла Анна Иоанновна.

– Что же это такое? – не здороваясь, накинулась она на своего «тайного руководителя». – В ловушку меня заманили? Да? В капкан засадили?..

По-видимому, Остерман был готов к подобному приему, потому что ни один мускул не дрогнул на его лице, и он тихо, но спокойно продолжал:

– Через три дня все будет окончено, ваше величество! Но ради Бога, говорите тише, иначе все, все пропадет, все разрушится! – Он склонился перед царственной затворницей и, горячо поцеловав ее руку, прошептал: – Разве вы перестали верить вашему верноподданному слуге Остерману? О, ваше величество, вы обижаете меня!.. Я знаю, ваше величество, как тяжело вам и в каком унижительном положении находитесь вы. Но вы терпели много; потерпите же еще всего три дня.

– Ах! – истеричным воплем вырвалось из груди Анны Иоанновны. – Терпеть и терпеть! Это – все, что я получаю от жизни. Ну, вот, я стала царицей!..

– Вы еще не коронованы, ваше величество, – поправил ее Остерман.

– И что же? Меня опять держат в плену, в заточении. Эти проклятые князья Долгорукие стерегут меня, словно собаку в будке. Но я не хочу этого, не хочу! Я убегу отсюда, я закричу на улицах народу: «Спасайте свою царицу из рук тюремщиков и палачей!»

Остерман бесцеремонно взял императрицу за обе руки, усадил ее в кресло и стал посвящать ее во все тонкости своего хитроумного плана.

– Понимаете, ваше величество?

– Да, да, – мало-помалу оживлялась Анна Иоанновна.

– Видите, что сделаться самодержавной императрицей, не имея на то прямого права, не так-то легко, – продолжал свое утешение хитроумный Остерман. – Поэтому потерпите еще всего день, два, три. Ваш план обратиться к народу великолепен; это самое придумал и я, а поэтому подпишите вот эти воззвания.

Остерман развернул перед Анной Иоанновной целую кипу листов.

– А что это такое? – испугалась та. – Боже мой, я уже подписала ограничение себе!.. А это, быть может, уже совсем отречение от престола или даже смертный приговор мне?

Тогда Остерман взял один из листов и шепотом начал читать несчастной «царице»:

– «Воззвание к моим верным солдатам. Братцы! Вашу императрицу наглые члены Верховного тайного совета насильно заставили подписать ограничительную грамоту, коей я, императрица Анна Иоанновна, лишаясь права управлять царством. Все права хотят захватить в свои руки Голицыны, Долгорукие и прочие иные господа верховники. Позор, поношение, обида царскому роду, коему вы, солдаты, служили всегда верой и правдой. Меня во дворце заключили, как в темницу: каждый шаг мой стерегут. Верные мои солдаты, верная и любезная моя армия! Идите и ослобоните меня! Присягайте только мне, как самодержавице, но не присягайте Верховному совету. Жду от всех вас, братцы, помощи, изволения от своих дерзновенных тиранов».

– Так! Так! Так! – захлопала руками Анна Иоанновна. – О, эти проклятые князишки! Я им

покажу, как оскорблять царскую кровь!

– Подписывайте скорее, ваше величество! Каждая секунда дорога! – торопил ее Остерман, боявшийся внезапного появления которого-нибудь из Долгоруких.

Анна Иоанновна подписала все воззвания.

– А теперь помните, что вы, ваше величество, должны быть особенно ласковы с Долгорукими, особенно с князем Иваном. Они не должны держать в подозрении ни вас, ни меня, – продолжал поучать императрицу Остерман, затем встал, чутко прислушался и преувеличенно громко произнес: – До свидания, ваше величество!

В дверях стоял Алексей Долгорукий.

– Итак, вы усвоили себе, что такое ограниченный монарх? – почтительно спросил Анну Иоанновну Остерман.

– Да, – растерянно ответила императрица.

– Уверяю вас, ваше величество, что это – самый лучший, удобный и выгодный образ правления, – продолжал великий дипломат. – Вы – императрица, но не можете же вы одна управлять такой машиной, как Российская империя? Я правду говорю, князь Алексей? – обернулся Остерман к Долгорукому.

– Это – святая правда, ваше величество, – поклонился тот государыне.

– Завтра или послезавтра я буду иметь высокое счастье снова явиться к вам, ваше величество, на урок. Вы позволите? – сказал Остерман.

– Я буду ждать вас с нетерпением, господин Остерман! – улыбнулась Анна Иоанновна, протягивая ему руку.

«Великий оракул» прижался долгим поцелуем к «державной» руке и быстро вышел из покоев императрицы.

– Ну, что, как она? – перехватил его на дороге Иван Долгорукий.

– Чудесно! Все идет как нельзя лучше!.. А вот вы поразвлекли бы ее!.. – улыбнулся Остерман.
– Скучает ее величество...

– Можно! – осклабился отвратительно-цинично князь Иван.

По уходе Остермана князь Алексей Долгорукий обратился к Анне Иоанновне:

– Вот, ваше величество, человек! Ума – палата!

– Да, – усмехнулась императрица, – малость поумнее нас с тобой будет. А ты вот лучше скажи, что это за скучища у нас тут в Москве? – В ее голосе задрожала злоба к этому главному тюремщику. – У меня в Митаве и то было веселее... – продолжала она. – Хоть поговоришь с кем-нибудь, а тут сиди одна, как заключенная.

– Что делать, ваше величество, надо обождать малость. Вот через два дня состоится официальное провозглашение вас императрицей, тогда дело иное будет, – ответил Долгорукий. – Вы, ваше величество, игру на гуслях любите?

– А что? – оживилась Анна Иоанновна. – Я часто слыхала игру на гуслях, еще до замужества моего, когда девицей была и у матушки жила. А ты почему про это спросил, князь?

– К тому, ваше величество, что Иван мой – большой по этой части затейник. Играет он страх хорошо, да и поет, что соловей залетный. Если угодно вам, может, он позабавит вас. Но только надо это аккуратно сделать, чтобы никто не видел, не слышал, а то пойдет слух, что вот, дескать, государь император только что помер, а та, которая царицей нашей будет, в веселие ударяется. Сами изволите знать Москву: город смирный, богобоязненный, не то что Петербург, где машкерные и иные бесовские действия и лицезрения творятся, – проговорил Алексей Долгорукий.

Анна Иоанновна смутилась. Она уже видела Ивана Долгорукого, этого разудалого, лихого молодца, с его грубо-красивым, наглым лицом, молодца, который «не щадит ни бабьей, ни девичьей чести».

– А будет ли взаправду хорошо это? Не выйдет ли зазорно? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Что ж, ничего!.. Только осторожно, говорю, поступить надо. Ужо вечерком, как поулягутся все во дворце, Иван и придет с гусями. Присылать, стало быть?

«Ох, искушение!» – растерянно подумала Анна Иоанновна, но вдруг решилась.

– Что ж, пусть приходит... Очень уж скушно!.. – отрывисто сказала она и почему-то отвернулась от Алексея Долгорукого.

XV. Молодой гусяр и царица

В течение всего конца дня и начала вечера «скушливой» тридцатисемилетней Анне Иоанновне было что-то не по себе. Какое-то безотчетное, неясно-смутное волнение охватило все ее существо. Она не находила себе места, больше ходила, чем сидела, и ни разу не «повалелась» на софе. То чувство, которое овладело ею, было знакомо ей. С такой силой, как сегодня, она испытывала его всего несколько раз в жизни: в последний раз – при встрече с рыцарски-великолепным Морицем Саксонским. То же ноюще-сладкое томление в груди, то же замирание сердца, та же истома во всем пышном, грузном теле.

«Ох, дурость во мне бабья поднимается» – так определяла она сама подобное состояние.

Как у всех крупных, дородных, праздно-ленивых женщин того времени, украдкой изрядно попивавших и целыми днями валявшихся на пышных перинах, у Анны Иоанновны наблюдалась повышенная чувственность. Томясь, волнуясь, поджидая красавца Ивана Долгорукого, она старалась думать о своем верном друге Эрнсте, но – странное дело! – образ Бирона совсем не появлялся. А думать она хотела о последнем для того, чтобы отогнать от себя «искушение».

И, словно подсмеиваясь, издеваясь над ней, какой-то таинственно-чудный голос нашептывал ей:

«Ты ведь молода еще. Эка невидаль – тридцать семь лет!.. Старше тебя многие, а грешат мыслями... Что твой Бирон? Немец, конюх, лошажник... И как тебе, бедной, жить-то до сих пор приходилось? Маета одна... А они, взять бы хоть ту же Екатерину Долгорукую, вон как тут веселились, какие попойки да забавы устраивали».

А другой голос тоже шептал:

«Ты не забудь, кто – ты... Ты ведь послезавтра – императрица всероссийская... Разве

можешь ты забываться, хотя бы по-женски?»

Тихо, бесшумно отворилась дверь покоев Анны Иоанновны, и послышался звучный, красивый, молодой голос:

– Дозволишь ли войти, пресветлая царица?

Вздрыгнула Анна Иоанновна, вскочила с кресла и приложила правую руку к сильно заколотившемуся сердцу. Взглянула она – и ахнула.

«Экий красавец! Экий молодец!» – так и ожгло ее всю.

Перед ней стоял князь Иван Долгорукий в костюме гусяря. На нем были высокие сафьяновые сапоги, шаровары темно-алого бархата, голубая шелковая рубаха-косоворотка. Грудь – что наковальня кузнечная: бей молотом – не дрогнет. А эти сильные руки? А эти плечи в косую сажень? А эти кудри? А главное – глаза: жгут они, нутро все поворачивают.

– Ах, это ты, князь Иван? – вспыхнула Анна Иоанновна.

Улыбнулся хищной улыбкой Долгорукий-младший, обнажил белые, словно кипень, зубы и пылко произнес:

– Какой я, пресветлая царица, князь? Разве не видишь, что простой я гусляр. Князь Долгорукий там, позади дворца остался, а видишь ты здесь только гусляра-сказочника Ивана.

Анну Иоанновну словно волна какая-то подхватила. Простая русская женщина властно проснулась в полуонемеченной, бывшей герцогине Курляндской, а ныне – полуимператрице.

– А коли ты – не князь, так какая же я царица? – вырвалось у нее, и она помимо своей воли оглядела затуманенным взором статную фигуру «баяна».

– Царица – всегда царица, а мы-то вот – иное дело: людишки мы подневольные, слабые, маленькие, – продолжал ломать роль гусляра князь Иван, держа в правой руке гусли.

– Что же ты стоишь, князь Иван?.. Садись!.. – указала Анна Иоанновна на место на софе рядом с собой.

Лихо, ухарски тряхнул он кудрями и послушно сел близ царицы.

А она промолвила:

– Сказывали мне, что играешь ты хорошо на гусях, князь Иван... Вот и захотелось мне игру твою послушать...

– Ничего, иные одобряют!.. – сверкнул большими зубами князь Иван.

– Поди, сколько сердец девичьих иссушил?.. – все более и более начинала впадать в его тон Анна Иоанновна.

Иван Долгорукий тихо рассмеялся:

– Не считал! Про меня мало ль чего не говорят... Всю Москву, вишь, женскую да девичью попортил я.

– А не правда, что ли? Отпираться будешь? – волнуясь все сильнее и сильнее, спросила Анна Иоанновна.

– Буду, пресветлая царица. Какой я озорник? Я – монах, что ни на есть схимник самый строгий. Много ль мне надо? Чару-другую зелена вина, а на закуску – уста румяные, сахарные, грудь белую, лебяжью... Эх! Найди такого еще скромника, царица!

И он впился в Анну Иоанновну своим пылким, воровским, удалым взором.

Ту всю словно варом обдало.

– Вот ты какой!.. – вырвалось у нее.

– Не осуди, царица!.. Каков есть. А только одно знаю, в одном крепок я: хоть на дыбе пытай меня – не стану победами своими бахвалиться, тайны ночек хмелевых раскрывать.

Князь Иван, положив гусли на колени, провел руками по струнам. Тихие, вздрагивающие звуки вдруг зазвенели и пронеслись как-то робко-несмело по покоям государыни.

– О чем сказку сказать тебе, пресветлая государыня? – ближе придвинулся к Анне Иоанновне Иван.

– Пой... про что хочешь... – не отодвинувшись, произнесла она.

– Жалостливое что аль веселое? – спросил князь Иван, а сам глазами словно вот душу хочет съесть.

– Что ж с веселого начинать?.. Веселое напоследок!.. – перехваченным голосом прошептала Анна Иоанновна.

– Хорошо! А есть обычай такой, царица, что перед оказыванием подносят гусяру чару меда стоялого аль вина какого заморского. Обычай этот не нами заведен, от дедов наших ведется. Не рушь же его, царица!.. – все тем же в душу льющим голосом произнес Иван.

«Царица», словно замороженная, быстро встала и вскоре принесла два кубка с каким-то вином; один из них она подала князю Долгорукому, другой поднесла к своим губам.

– Ну, пей, раскрасавец гусяр, молодец удалой, и я с тобой вина пригублю, – сказала она.

Глаза Анны Иоанновны горели лихорадочным блеском, грудь высоко подымалась.

– Спасибо на ласке, царица!.. – низко поклонился князь Иван. – А только коли пить, так пить уж до дна. А то гусяру скушно будет сказки тебе играть.

Анна Иоанновна до дна осушила большую чару крепкого вина. Огненная влага разлилась по ее жилам. Еще сильнее забурлила, заиграла кровь и к сердцу прилила, и в голову бросилась.

– Хорошо, царица? – тихо спросил Иван.

– Хорошо! – бурно вырвалось у Анны Иоанновны.

Теперь она села еще ближе к Долгорукому, так что почувствовала на своей щеке его горячее дыхание.

Сильно, смело коснулся Иван струн гусель. Зарокотали те, застонали, заплакали. И начал он «сказание».

Песнь на гусях Ивана Долгорукого

Ой вы, гусли-гусельки, веселые мои!
Вы поведайте нам, гусли, сказочки свои!
Распотешьте девицу, красна молодца,
Чтоб взыграла кровь их, удалы сердца.

Начинают гусли: с давних, слышь ты, пор
На Руси пресветлой появился вор.
Он – старик высокий, с белой бородой,
Ходит он все больше, все ночной порой.

Как идет – так песни удалы поет,
Бородой косматою лихо так трясет.
«Кто ты будешь, дедко? Как тебя зовут?» —
Вопрошают люди. Сами бледны... ждут.

Я – сам бог Ярило, Хмелем звать меня,
Много показать вам я могу дивья.
Тайной заповедною лишь один силен,
В радостях, в весельях я один волен».

Подивились люди: «Полне, дедко, врать!
Неужель людей всех в плен ты можешь взять?» —
«Ой, могу, людишки, чары напустить,
Одному мне будут люди все служить!»

Выдвинулся парень. Был он лих и смел
И в глаза Яриле гордо поглядел.
«Ты зовешься Хмелем? Хорошо, старик!
Я побью тебя сейчас же, в этот самый миг.

Ежели всеильны чары все твои,
Ты развеи мне горе, муки все мои.
Полюбил давно, слышь, я цареву дочь
И не сплю, не ем я, – прямо мне невмочь.

Ах, хочу лебедку я к груди прижать
И уста царевны пылко целовать!
Только та царевна за замком живет,
Свора псов иземных ее стережет».

Отвечает Хмель тут: «Гусли ты возьми
И к царевне Зорьке смело ты иди!
Грянь по струнам звонким, песенку ей спой,
И она ответит: «Ах, желанный мой!»

И пробрался парень, хоть и труден путь.
Ну, как вдруг увидят, на дыбу возьмут?
Вот уж и царевна. Вспыхнула, дрожит
И на красна молодца сурово глядит.

«Ой ты, тать ночная! Ой ты, вор лихой!..
Как ты смел пожаловать в царский терем мой?»
Не ответил молодец... лишь в очи поглядел,
И на гусях-гусельках он песню ей запел.

«Ах, зови, царевна, палачей своих,
Пусть уж снимут голову со плечушек моих!
Но на пытке лютой буду умирать
И «люблю царевну!» стану все кричать!»

Что же тут царевна молвила в ответ?
Оглянулась... Горенка... Никого-то нет...
Перед ней молодчик статный, удалой...
И шепнула только: «Ах, желанный мой!..»

Окончил Иван Долгорукий... Замер последний звук... И вдруг Анна Иоанновна почувствовала, как сильная рука сжала ее в объятии.

– Опомнись! – крикнула она. – Как ты смеешь?.. Князь Иван, пусти... Ой, что ты делаешь?..

– Анна, счастье мое, лебедушка ты моя!.. – хрипло вырывалось у Ивана Долгорукого.

Вино ли сказалось, или зверь проснулся в этом необузданном молодчике княжьей крови, неизвестно, но только он запрокинул Анну Иоанновну и покрывал ее лицо исступленными поцелуями, пылко шепча в то же время:

– Брось, слышь, говорю, брось ты этого проклятого немца! Ну, что ты в нем нашла хорошего?.. Ты меня люби, я трон твой буду на плечах своих держать, царица моя, Аннушка моя!.. Ты – русская; к чему тебе возиться с немцем? Ты не гляди, что я молод. Молод да удал, а удали во мне – что в океане воды. Никому тебя в обиду не дам, ножки твои державные целовать буду, водой той умываться стану...

Альков царицы не выдал своей заповедной тайны, и неизвестно, что ответила на это несчастная, затравленная политическими интригами бывшая митавская затворница...

XVI. «Страшная» ночь московских затворов

Остерман только что отпустил из своего кабинета какого-то таинственного незнакомца в маске и, откинувшись на спинку кресла, мечтал об отдыхе, хотя бы минут на двадцать, как в кабинет ворвался Бирон.

Он поистине был страшен. Его лицо было бледно как полотно, глаза вытаращены, волосы стояли дыбом.

– А-а, вы этого добивались, Остерман? – бешено завопил он.

Вздремнувший было маститый российский дипломат вскочил в испуге.

– Что такое? Что с вами, Бирон? В своем ли вы уме? – воскликнул он.

– Я-то в своем, а вот вы-то, Остерман, не знаю!.. – продолжал неистовствовать Бирон.

Остерман улыбнулся.

– Теперь я все понимаю... – спокойно произнес он.

– Вы? И понимаете? А откуда вы можете понимать весь ужас того, что произошло? – безбожно коверкая русскую речь, крикнул Бирон.

– Я вам поясню. Вы из дворца?

– Да. Я... я должен был ее видеть... Я боюсь оставлять ее одну так долго без себя. С величайшим усилием я проник во дворец... Оказывается, князя Долгорукие отдали строжайший приказ никого не пускать. Но я сумел заставить все двери распахнуть передо мною. Да кто же я, черт меня возьми? Муж ее или тряпка?

– Муж? Ну, знаете, Бирон, это немного чересчур! – расхохотался Остерман. – Эх вы хватили!..

– Да, да! Я покажу этим варварам, что тот, кто держал в своих объятиях царевну, имеет право быть первым у трона императрицы.

Бирон выпрямился. Что-то бесконечно алчное, хищное засветилось в его глазах.

– Продолжайте лучше, Бирон, свое повествование!.. – осадил его великий дипломат.

– У дверей покоев Анны я увидел князя Алексея Долгорукого. Перед ним стояли бутылки вина, – взволнованно заговорил Бирон. – Он спал как убитый... Чтобы удостовериться в том, спит ли он или притворяется, я схватил его за конец бороды. Он что-то пробормотал и опять захрапел. Тогда я взялся за ручку двери. Та была заперта. Я обошел секретным ходом кругом и проник в спальню. И там я... Черт меня возьми!..

– Ну?.. – привстал Остерман.

– В красной комнате, на софе, сидели Анна и этот проклятый Иван... Он играл ей что-то на гусях и... держал ее в объятиях левой рукой. Я хотел ворваться и убить Долгорукого на месте, но...

– Испугались?.. О, еще бы!.. Этот Иван ударом кулака кладет медведя, – похлопал Бирона по плечу Остерман. – Все, что вы мне поведали, совсем не интересно. Успокойтесь и помните, что Анна никуда не уйдет из наших рук, а если она теперь «забавляется» – Бог с ней.

– А если эти забавы перейдут в серьезное чувство? – с тревогой спросил Бирон.

– Пустяки! – махнул рукой Остерман. – А трон-то держать будем мы, а не они. Их песенка спета. Послезавтра в России будет царствовать самодержавная императрица. Послезавтра Верховного тайного совета не будет. * * *

В небольшой комнате, в которой колыхались клубы табачного дыма и чувствовался сильный запах вина, находилось более чем разношерстное общество. Рядом с нарядным залом придворного щеголя сидели в расстегнутых мундирах офицеры; бок о бок с ними сидели рясоносцы, примыкая непосредственно к двум лицам в простых суконных кафтанах; около тех были – фраки и жабо.

Это была та знаменитая «конспиративная квартира», которая спасла России самодержавие.

Ее хозяева – Волынский и Черкасский – были сильно взволнованны. Первым держал речь Волынский.

– Господа! Послезавтра мы должны окончательно решить вопрос: идти ли нам в полон или вырваться на волю... Вы желаете?

И он произнес горячую, страстную речь, в которой мрачными красками нарисовал их тягостное положение.

За ним говорил князь Черкасский. Он еще более подлил масла в огонь: собрание совсем зашумело.

И вдруг в разгаре их споров появилась фигура Остермана.

– Остерман!!! – пронеслось по собранию заговорщиков.

– Да, это – я, господа! – послышался его металлический голос.

Все умолкли. Все собирались слушать, что скажет этот знаменитый «оракул».

– В вашем собрании, – произнес он, – я, господа, вижу представителей всех сословий Российской империи. Я рад этому, так как каждому из вас я должен вручить, по повелению ее величества, ее послание.

– Как? Сама пишет? – слышались голоса заговорщиков.

– Сама подписала. Позвольте мне прочитать вам их все.

И Остерман начал с воззвания к войску.

Гвардейские офицеры, слегка пошатываясь от чрезмерного возлияния богу Бахусу, встали и торжественно отдали честь.

– Да здравствует наша самодержица! – заорали они хриплыми, сиплыми голосами.

– Господа, не кричите: за нами следят, – засуетился князь Черкасский.

– Кто следит?! Да мы их, таких-сяких, в куски изрубим!!!

Остерман вручил офицеру воззвание, подписанное Анной Иоанновной, испросил торжественным голосом:

– Итак, вы клянетесь, что это станет достоянием вашего полка?

– Клянусь!

– Вы прочтете его тем, кого поведете завтра во дворец?

– Прочту. У нас все решено, ваше высокопревосходительство, – ответил офицер.

– А знаете ли вы, кто находится теперь в казармах? – пристально смотря в глаза офицеру, спросил Остерман.

– Нет, не знаю.

– Там Миних.[53]

И, лишь только Остерман произнес имя великого полководца, восторженный гул голосов прокатился по комнате.

– Он? Сам?..

– Да. Имейте в виду, господа, что мы играем в крупную игру и что нам надо выиграть сражение! – внушительно произнес Остерман и обратился к попу: – Вы, батюшка, священник. Прошу, глядите на меня не как на лютеранина-еретика, а как на сына единой христианской веры. Довольны ли вы тем, что творится ныне на Руси православной? Разве бояре-князья Долгорукие и иные православные не колеблют в царях духа благопристойной религиозности? Кто, как не князь Иван Долгорукий, приводил в опочивальню юного императора в канун великих праздников блудниц и потешниц? – Голос Остермана все усиливался. Этот «старик» вдруг сразу помолодел на много-много лет. – Они нас зовут «басурманами», эти пьяные, дикие князья. Вы, господа, не обессудьте, что я сказал это, – обратился великий дипломат к князю Черкасскому и титулованному офицеру Масальскому. – Вы на них не похожи; вы – доблестные люди... Нет, я о них говорю, об этих палачах. Видит Бог, я хотел воспитать императора Петра в духе и правде христианских начал и правил, я – немец!.. Правда?

Рясоносцы молчаливо кивнули головой.

– Правда! Правда!

Остерман не мог удержаться от доброй понюшки табака, а затем продолжал:

– А коли правда – не угодно ли вам вот эту бумажку с подписью государыни? – И он отдал второе воззвание.

Общее недоумение читалось на всех лицах... Что это говорит и делает великий «оракул»?

Орлиным взором обвел собрание Остерман и произнес:

– Слушайте, господа, меня внимательно. В России должна быть неограниченная монархия. Когда власть царицы не будет ничем и никем связана, ограничена, тогда всем будет лучше... Нельзя допускать к трону одних избранных. Они захватят власть. Все то, что предлагают Голицыны и Долгорукие, все эти пункты, кои в Митаве сгоряча подписала Анна Иоанновна, и то, что она должна будет подписать торжественно завтра, в день провозглашения ее императрицей, является гибелью для страны. Нам надо упразднить Верховный тайный совет. Это – первое.

– Вы видите, – обратился Черкасский к «конспирантам», – великий птенец Петра Первого, знаменитый Остерман, сам член Верховного тайного совета, заявляет вам, что это мрачное учреждение надо уничтожить. Или и теперь вы станете сомневаться в том, что мы ведем безумную, опасную игру, которая может окончиться неудачей? Да разве, если бы это была неверная ставка, господин Остерман примкнул бы к нам?

Почти до утра шло тайное заседание заговорщиков во главе с будущим канцлером Остерманом.

XVII. Сон Анны Иоанновны

После ухода «смелого» Ивана Долгорукого, долго не могла прийти в себя Анна Иоанновна – а был уже час поздний, предутренний... Ужас овладел ею.

– Как могла я до того дойти? – охала она. – Что ж теперь будет? В полон попала я к князьям Долгоруким. Ежели строгость приму – они мне сейчас же о гусях вспомнят. А Эрнст мой? Ну, как он узнает?.. – Несколько раз, чтобы успокоить себя, она подкреплялась стаканчиками вина, и с каждым новым приемом отравы у нее становилось легче на душе. – А что я сделала такого?.. Эка важность, подумаешь! Да разве я не царица? Что хочу, то и буду делать... – подбодряла она себя.

Красавец Иван Долгорукий неотступно стоял перед ее глазами. Она точно еще чувствовала его прерывистое дыхание, силу его медвежьих объятий.

С большим трудом ей удалось заснуть... Сначала сон был тревожный, часто прерывающийся. Анна Иоанновна вскакивала на постели и кричала диким, испуганным голосом: «Ой, ой!.. Пусти!» Но постепенно она успокоилась, и вскоре сон перешел в глубокий.

И страшное, диковинное стало сниться ей.[54]

Мрачная комната со сводчатым потолком – не то вроде огромного склепа, не то погреб – озарена багрово-красным светом. Этот страшный свет вырывается из пасти огромной печи, стоящей в углу. Целая масса каких-то странных, непонятных предметов заполняет почти все пространство унылого подземелья. Анну вводят и говорят ей:

– Ваше величество, садитесь на этот стул. Сейчас вы увидите, как мы будем расправляться с врагами.

– Чьими врагами? – спрашивает она, стараясь рассмотреть лица тех, кто привел ее сюда.

– С моими! – слышится ей знакомый голос.

– Ах, это ты, Эрнст? – узнав Бирона, задает она вопрос.

– Да, это я. Ты, для которой я достал трон, изменила мне. За это ты обречена на страшную пытку: на твоих глазах первым будет замучен Иван Долгорукий.

Жутко, страшно царице. С тоской всматривается она в диковинные предметы, которыми заставлена комната.

– Что это, Эрнст? – робко спрашивает она, указывая на какое-то сооружение, похожее на качели.

– Это – дыба, – отвечает с отвратительной усмешкой ее фаворит.

– А это?

– Это – железные гвозди, которые вбивают под ногти пытаемым. Два гвоздя будут вбиты и Ивану.

– А что вот это такое? – показывает Анна Иоанновна на кресло.

– Это – для особо важных преступников: кресло раскаливают добела и потом на него сажают пытаемого...

Около печки сидит на корточках палач... Он подбрасывает поленья дров в печь, откуда летят искры.

Все больший и больший ужас овладевает Анной Иоанновной. Она пытается бежать, но ее грубо схватывает за руку Бирон.

– Куда?! – хрипло спрашивает он. – Бежать задумала? Нет, посмотри до конца!..

– Пусти меня, пусти, Эрнст! Мне страшно!.. – молит она. – Смотри, какие-то страшные руки хотят схватить меня.

Но Бирон молчит.

– Введите его! – кидает он затем приказ заплочному мастеру.

И вводят человека, полуобнаженного. Он молод, красив, но дрожит мелкой-мелкой дрожью.

– За что вы схватили меня? Я – Иван Долгорукий, а вы кто? – иступленно кричит он.

– А мы – палачи!

«Палачи?! Господи, где же я?» – с тоской думает Анна Иоанновна.

– Где ты? Знай, Анна, что ты в комнате пыток, тайных сыскных дел канцелярии, – шепчет, наклоняясь к ней, Бирон.

– Кто же учредил эту канцелярию?

– Я! – гордо отвечает Бирон. – Начинайте допрос с пристрастием!

И Ивана Долгорукого начинают допрашивать.

– Хотел ли ты простудить государя?

– Нет, не хотел. Сами посудите: какая мне от того могла польза быть, когда он меня другом своим ближним считал? – отвечает Долгорукий.

– А зачем же ты спаивал его?

– Сам он пить хотел...

– А девиц непотребных, заморских блудниц доставлял ты ему?

– Нет, не доставлял, – трясет головой Иван Долгорукий.

– Врешь, негодяй! – слышится ответ. – Ну-ка, ребята, взденьте его на дыбу!..

И князя Ивана вздымают. Слышится легкий хруст костей, и князь кричит:

– Ой-ой! Снимите, снимите, палачи! Тяжко мне, больно!..

– Сознаешься?.. – захлебываются от удовольствия палачи, в особенности Бирон.

– Сознаюсь!.. – еле слышно шепчет Долгорукий.

– Доставлял царю?

– Доставлял...

– А сестру свою, проклятую девку Екатеринку, хотел окрутить с царем?..

– Я тут ни при чем. Сжальтесь! Люди вы или звери?.. – рвется из рук палачей добрый молодец.

А один из палачей уже вбивает ему под ноготь блестящий гвоздь.

– Говори! Сознавайся! – гремит голос Бирона.

– Хот... хотели...

– Завещание подделали?

– Подделали, – извиваясь от боли, кричит Иван Долгорукий.

Анне Иоанновне душно... Она чувствует, что еще минута – и ее сердце разорвется на куски.

– Пустите его! Пустите! Что вы с ним делаете? – в ужасе кричит она и пытается броситься к Долгорукому на помощь, но не может: ноги словно приросли к тому стулу, на котором она сидит; она только замечает, что Бирон с раскаленной палкой подходит к ней и, грозя ей этой палкой, кричит:

– За него заступаешься? За того, кто тебя с трона хотел удалить? Разве ты не понимаешь, глупая женщина, что если бы их план удался, то ты и я – мы сгнили бы в Митаве?.. Жгите его!.. А только я один вопрос ему задать хочу. – И Бирон вплотную подходит к замученному Долгорукому и спрашивает: – Сладко тебе, князь Иван?

– Сладко...

– А почему тебе сладко?

– А потому, что в харю твою плюнуть могу! – исступленно кричит Долгорукий и плюет прямо в лицо «лошаднику».

Этот плевок – какая-то кровавая пена...

Отшатывается Бирон...

Анна Иоанновна громко вскрикнула и проснулась. Она хотела вскочить с кровати, но не могла... Какая-то непреодолимая сила тянула ее возбужденную вином голову к подушке. И она снова забылась сном, тем больным, кошмарным сном, который часто мучил ее и довел до серьезных припадков, которые тогдашние врачи не умели определить, на которые теперешняя медицина определяет приступами *hysteria magna*. [55]

Большая площадь битком набита народом. Целое море голов. На высоком помосте в ожидании своей жертвы разгуливают палачи. Они в красных рубахах, с ременным кнутом за поясом и в своих страшных колпаках.

– Везут! Везут!.. – проносится рев толпы.

Она, эта толпа, уже соскучилась в ожидании вида крови.

– Царица едет! Царица! – еще громче прокатывается громкий крик народа.

И вот Анна Иоанновна в парадной карете подъезжает к лобному месту. Рядом с ней Бирон.

– Пощади их! – умоляюще обращается она к Бирону.

– Ни за что! Они должны умереть. Первым будет четвертован князь Иван Долгорукий! – отвратительно смеется «конюх». – Смотри, Анна, вот он уже на помосте.

Захолонуло сердце Анны Иоанновны. И все увидели, как палачи разложили на кобылке князя Ивана Долгорукого, как привязали его ремнями, как топором рубили ему ноги и руки...

XVIII. «Услуги» княжны Екатерины Долгорукой

Чуть свет проснулась Анна Иоанновна.

Как радовалась она пробуждению от мучительного кошмара!

Лишь только она успела одеться, как в ее опочивальню вошел князь Алексей Долгорукий.

– Хорошо ли изволили почивать, ваше величество? – спросил он, поглядывая на нее с какой-то особенной, колдовской улыбкой.

Анна Иоанновна вспыхнула, отвернулась и тихо промолвила:

– Спасибо, хорошо! Только сон один нехороший видела.

– Сохрани и помилуй, ваше величество! Какой же сон? – воскликнул князь Алексей.

– Не буду тебе говорить, князь Алексей. Тебя и твоих касается он, – замялась Анна Иоанновна.

Побледнел Долгорукий.

– Про меня? Про моих? А что же такое во сне видели? – опасно прошептал он. – Кого из нас, Долгоруких, вы видели?

– Ивана, – прошептала Анна Иоанновна.

– А-а! Ну, что ж, это не беда, государыня... А вот я понапомнить дерзаю вам, что день сегодняшний – великий день.

– А что? Какой день? – отрываясь от дум, спросила она.

– Сегодня вы, ваше величество, должны будете официально подписать ту грамоту, сегодня вы будете объявлены всенародно императрицей российской, – произнес Алексей Долгорукий.

Вздрыгнула Анна Иоанновна. В эту историческую минуту в ней происходила страшная борьба: кому отдаться. С одной стороны – немцы: Остерман, ее Бирон, Миних, Левенвольд и вся их сильная немецкая партия; с другой – эти Голицыны, Долгорукие, Ягужинский и прочие. Кто более твердо будет держать ее трон? Те или другие? Как русская женщина, она тяготела, безусловно, к своим.

Но Бирон? Разве не он старался для нее? Разве не он откопал в дальней Венеции таинственного мага, который предрек ей судьбу?

– Ах, да, я и забыла. Сегодня ведь! – возбужденно ответила Анна Иоанновна.

– Там, в приемном зале, ожидает вас Остерман! – сообщил Долгорукий. – Дозволите ему войти?..

Анна Иоанновна провела рукой по лбу. Она еще не совсем пришла в себя после угарной ночи. Наконец она ответила:

– Он, князь Алексей, входит ко мне без доклада. Впустите!

Через несколько секунд в комнате «императрицы» появилась фигура великого дипломата.

– Ваше величество! – почтительно склонился великий немец к руке еще не коронованной государыни. – Вы кажетесь подавленной...

– Я плохо спала, – понуро ответила Анна Иоанновна.

– Ай-ай-ай! – покачал головой Остерман, бросая на Долгорукого странный взгляд. – Что же это вы, любезный князь Алексей, плохо помогаете нашей повелительнице?

– А вы помогите лучше! – усмехнулся Алексей Долгорукий.

– А вот сейчас, одним словом. Не верите, князь Алексей? – И Остерман, подойдя к Анне Иоанновне, громко произнес, пристально глядя ей в глаза: – Радуйтесь, государыня, сегодня .

Анна Иоанновна долго глядела в глаза Остерману.

– Вы говорите, что сегодня? – произнесла она побелевшими губами.

– Да! – твердо произнес Остерман. – Позвольте же вам, государыня, как я и обещал, преподать последний урок политической мудрости относительно конституционного образа правления, который вам угодно ввести в уклад жизни Российской империи. Но... а-ппчхи. – Остерман, вынув табакерку, понюхав, снова чихнул и продолжал: – Но вам надо сначала сделать диспозицию сегодняшнего дня. Правда, князь Алексей?

– Правда, наш великий оракул!.. – ответил Долгорукий.

– Кто будет одевать вас к парадному выходу, ваше величество? – обратился Остерман к Анне Иоанновне. – Я советовал бы вам попросить князя Алексея Долгорукого пригласить для сей okazji его дочь Екатерину. За то счастье, что она будет присутствовать при вашем туалете и помогать вам облачаться в мантию императрицы, вы, ваше величество, не откажете в милости пожаловать ее в ваши обер-гофмейстерины. Правду я говорю, князь Алексей? – насмешливо обратился Остерман к Долгорукому.

Анну Иоанновну словно осенило. Она все поняла. Поняла она то, что сила, стало быть, на стороне Остермана, раз он так уверенно говорит за нее; поняла, что надо слушать его, не противоречить ему; поняла, что надо мстить этой «подлой Катерине», которая хотела вырвать у нее трон.

Долгорукий побледнел.

– Она больна, ваше величество... навряд ли она сможет подняться с кровати, – пробормотал он, бросая недоумевающие взгляды на Остермана, своего «единомышленника».

– Я желаю этого!.. – топнула ногой Анна Иоанновна. – Она, твоя, князь Алексей, Екатерина, должна присутствовать при позорном акте, когда вы будете лишать меня самодержавия.

«Дура! Ах, дура! Она, того гляди, проболтается!» – подумал великий «оракул» и тотчас произнес:

– Ваше величество, я должен заметить вам, что вы выразились резко: ограничение прав монарха – вовсе не позорный акт. Сейчас я убежу вас в этом... Все это время вы разделяли со мной тот взгляд, что пора дать империи большую самостоятельную волю... А-п-пчхи! – Остерман подошел к Алексею Долгорукому и еле слышно бросил ему: – Ступайте скорей за Екатериной!

– А вы зачем надумали доставить ей это унижение? А? Ловушка немецкая? – прохрипел Долгорукий.

– Что вы, что вы, князь Алексей? Для политики это надо. Пусть все видят, до чего любовь Долгоруких к царице простирается: бывшую невесту царя, а потом и кандидатку на престол в услужающие к ее величеству поставили.

Долгорукий не мог понять: правду говорит «лукавый немец» или он просто издевается над ним?

– Что же ты, князь Алексей, не слыхал, что ли, моего приказания? – нетерпеливо воскликнула Анна Иоанновна.

– Сейчас, ваше величество, я отправляюсь за ней, – дрожащим от бешенства голосом произнес Долгорукий.

«Что это с ней? Откуда взялся вдруг этот властный тон, эта горделивая осанка?» – недоумевал он, выходя из покоев государыни. * * *

– Вставай, Ваня! – тормошил Алексей Долгорукий красавца Ивана, отдохавшего после бессонной ночи.

– А... мм... – промычал тот в богатырском сне.

– Вставай, говорю!

С трудом очухался князь Иван.

– Что надо? – недовольно спросил он.

Алексей Долгорукий принялся рассказывать только что происшедшую сцену в покоях Анны Иоанновны, прибытие Остермана и диковинный приказ о том, чтобы Екатерина одевала ее к парадному выходу. По мере того как говорил Алексей Долгорукий, все большее и большее изумление появлялось на лице князя Ивана. Сон с него сразу слетел.

– Да ну?

– Вот тебе и «ну»! Не чаял я, что после вчерашнего дня так дело пойдет!.. – развел руками Алексей Долгорукий. – Что же, разве ты не повеселил ее?

Иван усмехнулся.

– Разве меня не знаешь? – вопросом ответил он.

– Так чего же она фордыбачиться начала?

– А это – штуки проклятого немца.

– Пожалуй, – тревожно вырвалось у Алексея Долгорукого. – Ну, мы поборемся еще! – гордо

выпрямился он. – Она в наших руках, не вывернется! Да и Остерману не резон ссориться с нами. Нет, пустяки все это, зря труса мы празднуем!.. Мало ли что глупой бабе на ум взбредет?! Ты иди к сестре, вези ее, а мне здесь прохладиться некогда: нельзя без себя дворец да и ее оставлять...

Князь Иван почесал затылок и произнес:

– Ой, заартачится Екатеринушка, не поедет! Разве сам не знаешь ее характера дикого?

– А ты уговори, урезонь, Ванюша!

– А если не поможет? – спросил Иван.

– Силком тащи, волоком!.. Не навлекать же нам на свои головы беды из-за ее глупостей?.. Иди, иди, а я поеду. Непокойно что-то сердце у меня.

– К какому часу торжество-то назначено?

– К двум. Время есть, а все же поторопиться надо.

Князь Алексей уехал, а Иван отправился к сестре.

Ему пришлось разбудить ее, и, когда он сказал ей, в чем дело, Екатерина впала в такое бешенство, что, забыв о присутствии взрослого брата, вскочила с кровати в одной рубашке.

– Что?! – затопала она о ковер своими хорошенькими маленькими ножками. – Я должна ехать одевать ее? Я?! Да ты рехнулся, что ли?

– И не думал. Это ее желание, – ответил Иван сестре. – Не забывай, Катя, что с сего дня она станет уже официально императрицей.

– Императрицей! Скажи, пожалуйста! Не она, а я... понимаешь – я должна была быть императрицей! – произнесла княжна, горделиво откидывая назад свою красивую головку.

Иван Долгорукий невольно рассмеялся, глядя на свою сестренку, стоявшую перед ним в одной рубашке и мечтавшую о короне.

Екатерина, заметив улыбку брата, окончательно вспылила.

– Эх вы, «сильные», «могучие»!.. Прозевали вы трон для меня! – с горечью произнесла она. – Ведь я невестой же царской была.

Это взорвало князя Ивана.

– Да что ты душой притворяешься? – крикнул он. – Сама ведь знаешь о подложном завещании. Что же поделаешь, если дело не выгорело? Зато теперь все едино вся власть будет в наших руках. С Голицыными мы поладим. Вот, кстати, один из них, Василий, все на тебя зенки пялит. Выйдешь за него – той же царицей будешь. Ну, собирайся скорее! Добром не поедешь, силой повезу.

– Меня? – сверкнула глазами княжна Екатерина.

– Тебя. Чего ты на самом деле ломаешься? Мало, что ли, у нас и так хлопот и забот, а тут из-за твоих капризов неприятности получать!..

– Не хочу я, не могу унижение такое принять, чтобы подавать туфли да платье!..

– Да ты, дура, то сообрази: ведь сегодня для Анны день не торжества, но унижения, ведь

сегодня ей покажут, какая на Руси будет царская власть. Ха-ха-ха!.. Короче воробыного носа, поняла ты? – цинично расхохотался Иван. – Так ты зачем же хочешь лишать себя удовольствия унижением ее насладиться? Смотри, дескать, вся Россия знает, что ежели бы меня царицей выбрали, так я без всякого ограничения государством правила бы; а выбрали тебя – на, получай, как нищая, милостыню – игрушечную корону, корону без власти.

Помимо ожидания, эти слова Ивана произвели такое сильное впечатление на Екатерину, что она даже с радостью стала поспешно одеваться и поехала с братом во дворец. * * *

– Что же это вы, милая, заставляете себя так долго ждать? – резко обратилась Анна Иоанновна к вошедшей в ее покои княжне Екатерине Долгорукой и впилась воспаленным взором в ее прелестное лицо.

«Говорят, что она уже извела любовь. Да что-то непохоже: ишь, как свежа», – с завистью подумала Анна Иоанновна.

Смертельно побледнела Долгорукая от такого «ласкового» приветствия.

– Так как я до сих пор горничной еще не была, то не привыкла торопиться, – надменно ответила она.

Анна Иоанновна вскочила со стула, подошла к Долгорукой и, близко наклонившись к лицу красавицы княжны, прошипела:

– Ах, вот как вы умеете, милая, разговаривать?

Екатерина Долгорукая гордо выпрямилась. Резкий ответ уже готов был сорваться с ее уст, но страшным усилием воли она овладела собою и побелевшими от бешенства и волнения губами прошептала:

– Разве я сказала что-нибудь дерзкое или оскорбительное?

– Оскорбительное?! – воскликнула Анна Иоанновна, сжимая кулаки. – Да разве ты или иной кто можете оскорбить императрицу всея Руси?

Еле заметная, иронически-злобная улыбка пробежала по губам красавицы Долгорукой. Она вспомнила все, что слышала от брата.

«Погоди, скоро ты узнаешь, какая ты будешь императрица всея Руси!» – пронеслось в ее голове.

Остерман, оставшийся безмолвным зрителем этой тяжелой сцены, почтительно обратился к Анне Иоанновне:

– Разрешите мне удалиться, ваше величество; вам пора приступать к туалету. Съезд уже начался.

– Да, да, мой милый Остерман, вы правы! Пора, пора! – возбужденно воскликнула Анна Иоанновна.

Остерман склонился к руке повелительницы и, целуя руку, проговорил:

– Ах, я и забыл доложить вашему величеству, что до вашего выхода в парадный зал у вас домогаются получить аудиенцию обер-камергер Бирон и прибывший из Митавы синьор Джиолотти.

Радость, но вместе с тем и какое-то большое смущение вспыхнули в глазах Анны Иоанновны.

– Хорошо... Я их приму, – произнесла она.

Остерман вышел. Начался «великий» туалет императрицы.

На малиновой бархатной подушке сверкала, переливаясь разноцветными огнями, алмазная императорская корона. Тут же сверкали звезды; они должны были украсить грудь императрицы.

Каким взглядом, полным тоски и печали, смотрела на эти вожделенные предметы Екатерина Долгорукая! Ведь все это, все эти символы безумно-могучей власти могли принадлежать ей. А теперь? Теперь она была унижена, оскорблена.

– Вы заснули, милая? – послышался сердитый окрик Анны Иоанновны. – Наденьте мне на ногу туфлю! – и она протянула свою толстую ногу красавице Екатерине Долгорукой.

– Я не могу наклоняться... у меня голова кружится...

Анна Иоанновна побагровела от бешенства и прохрипела:

– Если ты, тварь, не наденешь мне туфли на ноги, так я тебя в Сибирь сошлю!

И Долгорукая надела...

Туалет окончился. Анна Иоанновна стояла во всем великолепии и величии парадного царского одеяния. Ее лицо, искусно подкрашенное, казалось красивее обыкновенного, благодаря также необычайному блеску, каким сверкали ее глаза.

– Теперь, княжна Екатерина Долгорукая, вы свободны и можете идти в тронный зал. Я желаю, чтобы вы присутствовали при сегодняшней торжественной церемонии, – пренебрежительно обратилась она к Долгорукой.

Та, бледная, вышла из покоев императрицы.

– Ступайте и вы все! – приказала Анна Иоанновна остальным фрейлинам.

В эту минуту, «по своему праву», без доклада вошел Алексей Долгорукий. Злобно, хитро, исподлобья оглядел он величественно-пышную фигуру ненавистной Анны Иоанновны и спросил, низко кланяясь:

– Вы готовы, ваше величество?

– Как видишь, князь Алексей. А у вас все готово? – И Анна Иоанновна впилась каким-то особенным, загадочным взглядом в лицо того, кто вкуче с Голицыными подкопался под самодержавие ее трона.

И невольно смутился Алексей Долгорукий.

– Да, ваше величество, все готово. В тронном зале собрались все. И митрополит уже приехал, – ответил он.

– А, и он? И ему хочется поглядеть, как русская царица и императрица будет подписывать отречение от своих исконных державных прав?

– Ваше величество!

– Ничего, ничего, князь Алексей, я ведь шучу!.. – криво усмехнулась Анна Иоанновна. – Будь покоен: я никогда не забуду твоих услуг. Сейчас я выйду. Но прежде я хотела бы повидать тех двух лиц, кои испрашивают у меня аудиенции. Один из них – Бирон. Он был мне предан и

верно служил мне, когда я была жалкой загнанной герцогиней Курляндской. Пусть он, как обер-камергер, поведет меня и к ступеням трона. Другой – синьор Джиолотти. Он спас меня от болезни. Ему тоже первое место. Так вот ты и вступи их, князь Алексей.

– Кого же пригласить первым, ваше величество? – спросил Долгорукий, заметно вздрогнув и побледнев.

– Синьора Джиолотти, – приказала Анна Иоанновна.

XIX. Императрица, кудесник и «конюх»

– Ваше величество! – прозвучал знакомый властный голос, и, прежде чем Анна Иоанновна успела опомниться, к ее ногам склонился великий чародей и пылко воскликнул: «Soit b?ni ce jour, votre Majest?! Le dernier acte de votre tragedie est fini...»[56]

– Так это – правда? Меня не обманывают? – пролепетала Анна Иоанновна.

– Нет, нет, ваше величество. В то время как мы говорим с вами, сюда уже тайно приближаются те силы, которые должны спасти вас.

– И сейчас все окончится?

– Все, все, государыня. Вчера я уже видел все то, что совершится сегодня, и сегодня вы мне дадите кольцо самодержавной императрицы.

Анна Иоанновна была окончательно потрясена. Джиолотти, великий магистр таинственного ордена, осыпал ее руки страстными поцелуями...

– Там, ваше величество, ожидает вас тот, кто сыграл большую роль в вашей жизни и который будет играть еще большую. Пусть он войдет. Но... – тут Джиолотти близко наклонился к уху Анны Иоанновны и таинственно зашептал: – Но, ваше величество, вчерашнюю ночь с национальным русским инструментом – гусями – вы должны искупить.

Анна Иоанновна вся побелела.

– Как?! – отшатнулась она. – Вы это знаете?!

– Это знаю не только я, но и он. Поэтому вы, лишь только он войдет, должны будете поздравить его с будущей герцогской короной Курляндии.

– А разве это случится когда-нибудь? – затрепетала Анна Иоанновна.

– Без сомнения. Я предрекаю вам и ему это важное событие. Или вы мне не верите? – сверкнул глазами Джиолотти.

На пороге стоял Бирон в парадной форме.

– Эрнст! – тихо слетело с губ императрицы.

Бирон был бледен. Его глаза сверкали худо скрытой злобой, голова надменно запрокинулась назад. Он быстро и решительно подошел к Анне Иоанновне и хрипло произнес:

– Я полагал, что русская императрица никогда не может так низко пасть, чтобы забавляться со своими развратными смердами. Я полагал, что к трону, который добыл я вам, вас поведу

я. Но, кажется, я ошибся? Прикажете мне позвать князя Ивана Долгорукого? Может быть, и теперь, в эту страшную минуту, когда ваша судьба висит на волоске, у вас явится желание позабавиться игрой на гусях? – И вдруг Бирон грубо схватил Анну Иоанновну за руку: – Слушайте, Анна: еще не все произошло, еще вы не освобождены, еще вся сила в наших руках. Понимаете вы это? – А затем он опустился перед смятенной императрицей на колени и пылко воскликнул: – Моя дорогая Анна, за что вы так жестоко надсмеялись надо мной? Ведь я безумно люблю вас. За вас я готов отдать последнюю каплю крови. – Бирон вскочил. – Говори, отвечай: ты моя?

И Анна Иоанновна покорно ответила:

– Твоя.

– Ты больше никогда этого не сделаешь? Ты не изменишь твоему Эрнсту?

– Не изменю.

– Так вести тебя туда, в этот страшный зал?

– Веди!..

XX. Да здравствует самодержавная императрица!

Тронный зал дворца имел необычайно торжественный вид. Все верховники были уже в сборе. В своих роскошных мундирах, сверкающих алмазными звездами и золотым шитьем, они, образовав особую группу, вели тихий разговор. Здесь – как это возможно только во дворце с его интригами – «враг» дружески-любезно беседовал с «врагом».

На лицах всех собравшихся можно было прочесть острое ожидание чего-то решительного, важного. Сегодняшнее официальное провозглашение Анны Иоанновны императрицей, событие, которое должно было случиться вот сейчас, невольно волновало всех. Но в то время как одни ликовали, другие стояли с понурыми, бледными лицами.

К числу первых принадлежали те верховники-конституционалисты, которым удалось в Митаве вырвать подпись Анны Иоанновны на ограничительной грамоте; к числу вторых – все те, которые предчувствовали для себя ужас полновластного владычества отдельной кучки лиц вроде Голицыных и Долгоруких.

Ни для кого не являлось тайной, что при провозглашении Анна Иоанновна вторично должна будет отречься от всех прочих прерогатив самодержавной царской власти.

Центром всеобщего внимания являлись князья Голицыны, в особенности Дмитрий, и князья Долгорукие – Алексей и Иван. Это были те, кто через час-два должны были явиться настоящими вершителями судеб Российской империи.

Как ни старался князь Алексей Долгорукий владеть собой, его волнение невольно бросалось всем в глаза. Он был бледен, как никогда. Его взоры беспокойно блуждали, отыскивая фигуру Ивана. А тот со своим красивым, развратным лицом стоял с младшим Голицыным. Он что-то рассказывал последнему и, сверкая белыми зубами, довольно громко, без стеснения хохотал.

– Что это с князем Алексеем Долгоруким? Смотрите, как он бледен и расстроен!.. – слышались тихие голоса.

Князь Дмитрий Голицын, беседовавший с Алексеем Долгоруким, тоже не мог не заметить его расстроенного вида и тихо спросил:

– Что с тобой, князь Алексей? Ты взволновался, гляди: у тебя даже руки ходуном ходят.

Какая-то судорога пробежала по лицу всесильного вельможи, и он ответил:

– Я думаю, что и ты, князь Дмитрий, не вполне спокоен.

– Я? И не думаю волноваться!.. – усмехнулся Голицын. – Через час все будет окончено. Она станет императрицей, но править государством будем мы.

– Слушай, князь Дмитрий, – начал шепотом Долгорукий. – Слушай! Тяжелое предчувствие мучает мою душу. Сердце ноет, словно беду слышит.

– Что это ты, князь Алексей, в бабьи приметы веровать стал? Стыдись, – улыбнулся князь Голицын.

– Ах, князь Дмитрий, ты вот все шутки шутишь, а я зорко ко всему приглядываюсь.

– Ну и что же ты увидел?

– Большую перемену в ней. Вот уже несколько дней, как она голову подняла, на меня поглядывает насмешливо, вроде бы с издевкой. Это, помяни мое слово, неспроста.

– Что же тебя, князь, удивляет? Ведь она императрицей себя чувствует.

– Нет, не то это. Чудится мне, что за нее Остерман работает.

– Да разве он – не наш?

– А кто его знает? Кто разгадает эту хитрую немецкую лисицу?.. – продолжал высказывать свое беспокойство Долгорукий. – А вот сейчас приехали во дворец Бирон и какой-то таинственный синьор Джиолотти. Анна удалила меня и вела с ними какую-то беседу. О чем? Кто их знает! А только одно скажу: не к добру это, князь Дмитрий. Ах, вон, гляди, вон он, этот таинственный иноземец!

Дмитрий Голицын поглядел и побледнел не менее, чем Алексей Долгорукий.

– Господи! Какой диковинный... какой страшный!.. – прошептал он, хватая руку Долгорукого.

– Я говорил тебе... Этот человек, похожий на антихриста, несет нам несчастье!

Суеверный ужас застыл на лицах обоих князей.

Джиолотти, в своем диковинном для москвичей костюме великого магистра, в фиолетовом плаще, со сверкающей таинственным сиянием цепью на шее, шел гордо, важно, величественно. Общее изумление овладело всеми.

– Кто это? Смотрите, смотрите: он направляется прямо к трону! Кто этот дерзновенный смельчак? – слышался шепот.

Джиолотти действительно подошел к трону и остановился около него, по правую сторону.

Появление «страшного» незнакомца особенно поразило митрополита. Он обратился к сонму высшего духовенства, стоявшему позади, и довольно громко произнес:

– Кто сей человек? Кто смеет подходить столь близко к священным ступеням трона

помазанников Божиих? По лику его вижу, что человек он иного племени, басурман, еретик, едва ли не жидовин.

Что ответили близстоящие митрополиту, неизвестно, так как в зале произошло сильное движение благодаря появлению двух лиц. Это были Остерман и Бирон.

Бирон в парадной форме обер-камергера подошел к дверям внутренних покоев императрицы и остановился как вкопанный. Его поза была надменна, горделива. В ту же минуту Остерман подошел к Дмитрию Голицыну и Долгорукому.

Лица тех просияли. Засверкали взоры и их приспешников. Все кончено: раз Остерман, сам Остерман открыто присоединился к группе верховников-заговорщиков, значит, победа на их стороне. «Великий оракул», вовремя заболевающий, всегда вовремя и выздоравливал.

– Мы погибли! Остерман изменил нам! – взволнованно прошептал Ягужинский Татищеву.

– Да, кажется, что так, – закрипел тот зубами.

И все те, кто стоял за самодержавие Анны Иоанновны, поникли головами.

Остерман со своей непроницаемой улыбкой любезно беседовал с Голицыным и Долгоруким.

– Ну, ваше превосходительство, сейчас конец? – спросил Остермана Долгорукий.

Великий дипломат вынул свою знаменитую «луковицу» и, поглядев на время, произнес:

– Да. Сейчас конец неопределенному положению, князь. Сейчас выйдет ее величество, подпишет – уже официально – ограничительную грамоту, и тогда... тогда мы провозгласим ее императрицей всенародно...

Сказав это, Остерман еще раз поглядел на «луковицу».

– Что это вы на часы все смотрите? – подозрительно прищурился Голицын.

– Не надо затягивать окончание нашего действия, – улыбнулся знаменитый дипломат.

В это время к Бирону подошел князь Иван Долгорукий. Он с явной насмешкой окинул своим орлиным взором фигуру «конюха» и нахально спросил:

– Что это вы здесь торчите у покоев императрицы, любезный господин Бирон?

Бирон вспыхнул и громко ответил:

– Торчать, любезный господин Долгорукий, могут только чучела и пугала, а люди обыкновенно стоят.

– Так-с!.. – еще задорнее оглядел Иван Долгорукий Бирона с ног до головы. – Ну, так скажите: чего вы здесь стоите?

– Я не обязан отдавать вам отчет в своих поступках и действиях! – надменно ответил «конюх».

– Берегитесь! – злобно прохрипел Иван Долгорукий. – Вы забываете, любезный, что кроме Курляндии и Московии России принадлежит еще и Сибирь, в которой хватит места и для вас.

– Вы правы, любезный Долгорукий. Но еще большой вопрос: кто первый из нас попадет туда... Но я скажу больше: помимо Сибири существует еще и плаха.[57]

В тронном зале появилась Анна Иоанновна. Миг – и все низко, чуть не до земли поклонились ей. Анна Иоанновна в своем великолепном царском одеянии медленно шла к трону. Впереди шел Бирон; по бокам – справа и слева – Остерман, князя Голицыны во главе с Дмитрием, и князя Долгорукие, во главе с Алексеем.

Несмотря на естественное волнение, выражавшееся то во внезапной бледности, то во вспыхивающем румянце, лицо Анны Иоанновны в общем было спокойно. Холодная, надменная улыбка как бы застыла на ее губах. Это была не жалкая, приниженная улыбка захудалой, затравленной герцогини Курляндской, которая унижалась не только перед венценосными родственниками, но и перед «презренным рабом» Меншиковым. Нет, это была улыбка императрицы, сознающей всю мощь своей власти над миллионами верноподданных рабов. Но сколько ненависти и злобы сверкало в ее глазах!

Первым у ступеней трона приветствовал Анну Иоанновну митрополит с крестом в руках.

Процессия остановилась. Надо было выслушать приветствие высокочтимого архипастыря церкви.

– Ваше императорское величество! – начал он, сильно волнуясь. – Неисповедимыми путями Божиими вы избираетесь в императрицы всея православной, святой Руси. О, ликуй, радуйся, народ православный!.. Господу Богу угодно было призвать к себе драгоценную жизнь нашего возлюбленного монарха, императора Петра Алексеевича Второго. Осиротел тогда народ русский, православный. «Кто будет управлять нами, кто будет пещись о животах наших?» – скорбно восклицали люди. Но смилостивился Господь Бог над детьми Своими и даровал народу новую царицу. Царица эта – ты, всемилостивейшая государыня! Сейчас тебя провозгласят царицей, и радостный клич пронесется по земле Русской. О, сладчайший день, о, день великого торжества! Я, скромный служитель престола церкви, приветствую тебя, царица: гряди, гряди с миром на счастье и благо твоего народа! Царствуй счастливо, великая государыня, правь мудро, справедливо твоей державой, ибо Царь Царей, Царь царствующих благословляет твою десницу!

Окончил митрополит и, высоко подняв крест, осенил им императрицу, а потом протянул ей его для целования.

Анна Иоанновна перекрестилась широким крестом и, целуя крест, тихо спросила митрополита:

– Меня, владыко, благословляешь на царство?

– Тебя, пресветлая государыня императрица!

Глаза Анны Иоанновны засверкали. Она выпрямилась еще горделивее.

В эту минуту князь Дмитрий Голицын, оттеснив митрополита, низко склонился перед государыней и начал торжественным голосом:

– Ваше императорское величество! В этом священном тронном зале, перед лицом всех собравшихся высших сановников, вы, ваше величество, соблаговолите подписать то самое, что вы подписали в Митаве.

Гробовая тишина воцарилась в тронном зале дворца.

Ее нарушили дальнейшие слова Голицына:

– Но, прежде чем вы подпишете эту грамоту, которая станет достоянием народа, я почтительнейше прошу вас, ваше величество, ответить на следующие вопросы. Ведомо ли вам, что народ желает, дабы тяготы государственной власти вместе с вами разделяли члены

Верховного тайного совета?

– Ведомо, – ответила Анна Иоанновна.

– С вашего ли согласия и с вашего ли желания пункты сей ограничительной грамоты составлены?..

Прежде чем Анна Иоанновна успела ответить, Голицына перебил Остерман:

– То, о чем вы говорите, князь Голицын, ведомо, наверно, императрице... – И он тихонько шепнул Голицыну: – Чего вы тянете? Пусть прямо подписывает...

Это был исторически-знаменитый ход великого дипломата: ему было необходимо, чтобы Анна Иоанновна всенародно, то есть в присутствии главенствующих классов империи, не произнесла роковой, неизбежной фразы: да, дескать, эта ограничительная грамота составлена с моего желания и согласия. Остерман выразительно поглядел на Анну Иоанновну. Она вспомнила главный урок своего блестящего учителя и, придав всей своей фигуре приниженный вид, покорно пробормотала:

– Вы желаете, чтобы я подписала вторично этот акт? Хорошо, я повинуюсь воле членов Верховного тайного совета. Вот моя подпись! – и она, быстро подойдя к столу, на котором лежала грамота, подписалась под ней.

– Я говорил, что у этой женщины все должно повторяться дважды в жизни, – пробормотал Джиолотти на ухо Бирону.

– Да здравствует императрица Анна Иоанновна! – закричали Голицын и Долгорукие, а за ними и их сторонники.

Пушечный выстрел с верков Тайницкой башни[58] был ответом на эти слова.

Анна Иоанновна едва стояла на ногах. Ее лицо было блее горностая. Сначала она обратила взор на Бирона – тот утвердительно кивнул головой, потом поглядела на Остермана – этот довольно улыбался. Взглянула императрица на Джиолотти – и сразу под влиянием его чудесного, таинственного взора успокоилась.

«Они спасут меня... Не может быть, чтобы меня так вероломно предали они...» – молнией пронеслось в ее голове.

Но вдруг ее взгляд встретился с ликующе-торжествующим взглядом Екатерины Долгорукой. В этом взгляде она прочла такую безумную злобу и хитрую радость, что все ее существо пронзила мысль:

«Измена!»

– Ура! Да здравствует императрица Анна Иоанновна!! – продолжали греметь находившиеся в тронном зале дворца.

Трепещущая Анна Иоанновна стояла на ступенях трона.

И вдруг какой-то неясный шум донесся из коридоров дворца. Этот шум происходил как бы от гула многих взволнованных голосов. Толпа придворных смолкла, замерла, удивленно поглядывая друг на друга. Что это за шум? Откуда он? Почему?

Князя Голицын и Долгорукий смертельно побледнели.

– Что это... что такое?.. – испуганно пролепетал Голицын.

Совершенно позабыв о присутствии императрицы и всего двора, Долгорукий схватился за голову.

– Это, кажется, то, о чем я тебя предупреждал, – хрипло шепнул он Голицыну и стал знаками подзывать к себе Остермана.

Последний, заложив руки назад, повернулся к Долгорукому и Голицыным спиной.

– А! – вырвалось у тех подавленное восклицание гнева и страха.

Заслышав шум, Анна Иоанновна облегченно, радостно вздохнула. Она как-то сразу поняла, что это надвигается то спасение, которое ей обещали и Остерман, и Бирон, и великий чародей Джиолотти. Она быстро поглядела в глаза этим людям и убедилась в том, что не ошиблась.

Шум все усиливался. Теперь уже можно было разобрать отдельные возгласы:

«Пустите! Вы не смеее!.. Мы будем защищать вход. Не нарушайте приказания императрицы!.. Это – ложь! Это распоряжение не императрицы».

Послышался звон оружия.

– Господи, что это там делается?! – испуганно загудели в дворцовом зале.

– Свят, свят, свят, Бог Саваоф... Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его!.. – громко произнес митрополит дрожащим голосом.

Анна Иоанновна с радостной улыбкой поспешно спустилась со ступеней трона.

Как раз в эту секунду опомнившийся от испуга князь Алексей Долгорукий бросился по направлению к главным дверям тронного зала.

– Стой, князь Алексей!! – властно крикнула Анна Иоанновна. – Ты это куда устремился?

Тот остановился как вкопанный. Все замерли, затаили дыхание.

– Ваше величество, я хочу узнать, что там происходит.

– Не беспокойся. Я узнаю сама.

– Но это невозможно! – воскликнул Долгорукий. – Никакая опасность не должна угрожать вашей драгоценной жизни...

– Молчать! – в бешенстве, иступленно крикнула Анна Иоанновна. – Как смеешь ты мне прекословить? А-а, вы думаете, что вы совсем связали меня вашей грамотой?! Это мы сейчас увидим! – И она бросилась к дверям.

В эту секунду новый яростный вопль и звон сабель ворвались в тронный зал.

– Долой, негодяи! Как вы смеее не допускать до императрицы ее верноподданных дворян и ее верных солдат?! В последний раз: дорогу – или мы будем стрелять! – гремели голоса.

Анна Иоанновна, ликующая, упоенная торжеством, распахнула двери и громко крикнула:

– Прочь, дерзновенные!.. Как вы смеее не пускать ко мне? Кто отдал вам такой приказ? Сюда, сюда, ко мне, мое дворянство, моя гвардия!!

Секунда – и в тронный зал не вошла, а, подобно какой-то лавине, нагрянула, ворвалась толпа

людей. Тут были статские и военные. Впереди первых находился князь Черкасский, во главе вторых, – офицер Масальский.

Те, кто стоял поблизости дверей, в испуге шарахнулись в сторону, давя друг друга.

– Всемиловейшая государыня! – начал взволнованным, запыхавшимся голосом князь Черкасский, опускаясь на одно колено перед Анной Иоанновной. – Мы, дворянство, подали членам Верховного тайного совета наши планы относительно нового государственного устройства, по коему вам, ваше величество, куда больше будет предоставлено прав и привилегий, чем по их ограничительной грамоте. Но господа верховники наши планы рассматривать не желают. Повели сие сделать, всемиловейшая государыня! – окончил Черкасский.

Сильное изумление отразилось на лице Остермана.

«Каналья! В последнюю минуту тоже свои «планы» выдумал...» – подумал он.

Анна Иоанновна вспыхнула. Этого она не ожидала, и, хотя Остерман и шепнул ей тихо: «Не волнуйтесь, это ерунда», однако она вздрогнула и резко бросила Черкасскому:

– Вот как! Стало быть, и вы, господа дворяне, тоже желаете ограничить по-своему царскую власть вашей императрицы? Признаюсь, не это ожидала услышать я от вас!..

– Государыня... – начал было Черкасский.

Но продолжать ему дальше не пришлось.

– Довольно!! – загремел вдруг с необычайной силой голос полупьяного Масальского, которого даже слегка качнуло при этом. – Довольно!! Как, князь Черкасский, и вы пристаёте к этой шайке, которая хочет отнять самодержавие у нашей возлюбленной монархини?

Лицо Масальского пылало бешенством. Он положил руку на эфес сабли и наступал на Черкасского.

Тот смертельно перепугался и замахал руками.

– Да нет, нет, Бог с ними, с этими «кондициями»! Только не желаем мы тогда и Верховного тайного совета...

– Верно! Молодец! – продолжал Масальский и громко, обратясь к товарищам-гвардейцам, крикнул: – На колени господа, перед великой самодержавной императрицей!

Все гвардейцы, как один человек, опустились на колени.

– Ваше императорское величество! – начал Масальский, а за ним и другие гвардейские офицеры. – Не хотим мы, чтобы нашей государыне предписывались законы. Вы, ваше величество, должны быть такой же самодержицею, как все прежние государи. Вас чуть не силой принуждали и принудили подписать ограничительную грамоту! Злодеи! Как они смели посягать на священную царскую велью? Прикажите, ваше величество, – и мы принесем к вашим ногам головы злодеев!

– Спасибо вам... Благодарю вас, мои доблестные, верные господа офицеры, за вашу преданность и любовь к самодержавной российской короне! – воскликнула Анна Иоанновна. – Так что же: стало быть, могу я грамоту сию уничтожить?

Остерман уже подавал Анне Иоанновне только что подписанную ею знаменитую грамоту.

– Рвите ее, рвите, ваше величество! – загремели гвардейцы, дворяне и часть верховников.

Анна Иоанновна высоко закатила глаза, словно призывая благословение Божие, опять широко перекрестилась и разорвала толстую бумагу.

И в эту секунду послышалось падение тела на пол. Это Екатерина Долгорукая свалилась в глубоком обмороке...

– Ура! Ура! Да здравствует самодержавная императрица!! – гремел тронный зал сотнями возбужденных голосов.

Голицыны и Долгорукие еле держались на ногах. Их лица были не только бледны, но сини.

– Эй, вы, узурпаторы, чего же вы молчите?! – подскочили к ним гвардейцы. – Ну, живо кричать!!

И Голицын, и Долгорукие, шатаясь, прерывистыми голосами крикнули:

– Да здравствует... самодержавная... императрица!..

А Анна Иоанновна, сияя восторгом, снимала кольцо с пальца.

– Синьор Джиолотти! – громко произнесла она. – Вот вам то, что вы просили меня. – А вас... вас я отблагодарю после!.. – тихо шепнула она Бирону и Остерману.

Примечания

1

...в качестве герцогини Курляндской... – Курляндское герцогство было основано в 1561 г. после распада Ливонского ордена. Во главе его в 1562–1737 гг. стояли магистр Ливонского ордена Кетлер и его потомки, в 1737–1795 гг. – Бироны. С 1710 г. Курляндское герцогство находилось в сфере влияния России, а в 1795 г. было присоединено к ней.

2

...думавших более «о добром пиве и кнастере»... – Кнастер (нем.) – сорт крепкого курительного табака.

3

Бестужев-Рюмин Петр Михайлович (1664–1743) – граф, государственный деятель и

дипломат. С 1712 г. – гофмейстер и генерал-комиссар при Анне Иоанновне. Фактически от имени России руководил Курляндским герцогством. В 1728 г. Анна Иоанновна обвинила его в казнокрадстве и отправила в Петербург. В 1730 г. он был нижегородским губернатором, затем отправлен в ссылку в свое имение. С 1737 г. жил в Москве.

4

Гофмаршал (нем.) – придворный чин в некоторых монархических государствах. В царской России ведал приемами в довольствии двора.

5

Матушка... сестры... странницы... «говорливые» бабы и девки... – В. О. Ключевский писал: «В ежедневном обиходе она (Анна Иоанновна. –

Ред.) не могла обойтись без шутих-трещоток, которых разыскивала чуть не по всем углам империи: они своей неумолкаемой болтовней угомоняли в ней едкое чувство одиночества, отчуждения от своего отечества...» (Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 272).

6

Гофмейстерина (нем.) – придворная должность. Ведала дворцовым хозяйством и придворным церемониалом.

7

В Верховном тайном совете решили навязать вам и Курляндии двоюродного брата герцога Голштинского... – Верховный тайный совет был учрежден Екатериной I в 1726 г. как совещательный орган. Фактически решал все государственные дела. При Петре II, в описываемое время, шесть членов Верховного тайного совета принадлежали к двум семьям старой московской, знати: Голицыных и Долгоруких. В 1730 г. Анна Иоанновна ликвидировала Верховный тайный совет, а члены его (верховники) были лишены занимаемых ими постов. С 1731 г. ближайшим совещательным и исполнительным органом при императрице являлся Кабинет ее величества.

8

Вы, конечно, хорошо знаете Лефорта? – Лефорт был саксонским посланником в России.

9

Елизавета Петровна – вторая дочь императрицы Екатерины I. (Все подстрочные примечания принадлежат автору.)

10

Это трудно определить точно, все зависит от того, кого иметь в виду: Анну или Елизавету.

11

Относительно этого поцелуя Мориц позже говорил: «Это был поцелуй коровы».

12

Герцог Фридрих-Вильгельм умер, да здравствует герцог Мориц Саксонский!

(фр.)

13

Бестужев выпрямился... перед своим ставленником. – Бирон был рекомендован на службу к Анне Иоанновне Бестужевым.

14

При словах «моя сестра шлет вам поклон» Бестужев изменился в лице. – Бирон намекает здесь на любовную связь П. М. Бестужева с его сестрой.

15

Черт побери! Что же должно это означать, ваше превосходительство?

(нем.)

16

Из Варшавы едет Василий Лукич Долгорукий, а к курляндской границе подъезжает сам светлейший Александр Данилович Меншиков. – Долгоруков Василий Лукич (1672–1739) – князь, дипломат. Был послом в ряде иностранных государств – Польше, Дании, Франции, Швеции. Член Верховного тайного совета. //

Меншиков Александр Данилович (1673–1729) – русский государственный деятель, полководец. Ближайший сподвижник Петра I. При Петре II подвергся опале и умер в ссылке в Березове в октябре 1729 г.

17

Кейзерлинг (Кайзерлинг) – канцлер Курляндии.

18

Какая муха укусила эту русскую корову?

(фр.)

19

Мориц Саксонский был побочным сыном курфюрста Августа II. В молодости он предавался беспутной жизни, что, впрочем, не помешало ему отлично изучить военное дело и впоследствии проявить на службе Франции блестящий талант полководца.

20

Это солдаты. Что же должно это означать?

(нем.).

21

...такой великолепный Немврод, как вы, не должен бояться ничего. – Немврод (Нимврод, Нимрод) – в ветхозаветной мифологии богатырь и охотник.

22

Блюститель нравов

(лат.).

23

Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя! (

лат.).

24

...ВЫ

первые сделали «pollice verso»... (с повернутым пальцем)

(лат.). – Рукой с большим пальцем, обращенным вниз, зрители римского цирка выражали свое требование добить поверженного гладиатора.

25

«Анна – моя звезда» – «секретное» выражение Эрнста Бирона.

26

Она была еще в пудермантеле, но уже причесанная. – Пудермантель – накидка, которую надевали, когда пудрились.

27

Пиво.

28

Я имел уже честь видеть ваше высочество в Москве на коронации ее величества императрицы

(фр.).

29

Да потухнет свет!

(лат.)

30

Бенгальский.

31

Расти, о дерево великой тайны, расти! В твоём «теле» находится знак и сила вечной жизни... Я, я сам (egmet), великий магистр, обладающий величайшей властью, желаю этого...

(лат.).

32

Черт побери! Что сделали вы с моим носом?

(нем.)

33

Проклятому.

34

В этом самоопределении Джиолотти мы видим сокровенное «кредо» великих адептов храма Изиды. Изида (Исида) – в древнеегипетской мифологии богиня жизни, воды и ветра, покровительница плодородия и материнства.

35

Дыхание людей, владеющих высшею мерой оккультных знаний, обладает неисчерпаемой силой.

36

...дунул... в лицо женщины, находившейся в состоянии полнейшей каталепсии... –
Каталепсия

(греч.) – оцепенение, потеря способности к произвольным движениям.

37

...он только что получил секретное сообщение из Петербурга, что над головой его дочери, княгини Аграфены Петровны Волконской, стоящей во главе политического заговора, собираются грозные тучи. – Княгиня Волконская Аграфена Петровна – дочь П. М. Бестужева – была активным членом оппозиционного Меншикову кружка. За это она была наказана высылкой из Петербурга. С падением Меншикова опалу по отношению к бестужевскому кружку продолжал Остерман. Членов кружка обвинили в государственной измене, княгиню Волконскую сослали в Тихвинский женский монастырь.

38

Остерман Андрей Иванович (Генрих-Иоганн-Фридрих) (1686–1747) – граф, государственный деятель, дипломат. Выходец из Вестфалии. На службе в России с 1704 г. Был воспитателем Петра II. В 1726–1730 гг. был членом Верховного тайного совета, с 1734 г. – первый кабинет-министр. Умер в Сибири, куда был сослан после переворота 1741 г., когда на

престол вступила Елизавета Петровна.

39

Проф. А. Трачевский.

40

Знак смерти

(лат.).

41

Положение Анны Иоанновны при дворе было столь ничтожно, что ее не только порфиноносные особы, но и простые смертные величали просто «Ивановной», разумеется, за глаза.

42

Ей загородил дорогу Ягужинский. – Ягужинский Павел Иванович (1683–1736) – граф, государственный деятель и дипломат. Сподвижник Петра I. В 1722 г. был генерал-прокурором, затем послом в Польше и Пруссии. С 1735 г. – кабинет-министр.

43

...ничего более чудесного для тестамента и придумать невозможно. – Тестамент – завещание.

44

Я сделал все, что мог; кто может сделать лучше – пусть делает (лат.).

45

Во главе их был князь Дмитрий Голицын. – Голицын Дмитрий Михайлович (1665–1737). С 1694 г. капитан Преображенского полка. В 1697 г. обучался навигации в Италии. Был посланником в Константинополе, в Польше и Саксонии. С 1707 г. – киевский воевода, а затем губернатор. В 1726 г. стал одним из организаторов Верховного тайного совета. Один из авторов «кондиций». После неудачи верховников назначен членом Сената. Жил большей частью в своем имении Архангельском под Москвой. В 1736 г. был привлечен к суду, обвинен в служебных злоупотреблениях и заточен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер.

46

...послышался голос второго Голицына. – Голицын Михаил Михайлович (1675–1730) – брат Д. М. Голицына, князь, генерал-фельдмаршал, сенатор, президент Военной коллегии, член Верховного тайного совета.

47

Исторически точные слова князя Дмитрия Голицына, произнесенные им в частном собрании, на заседании Верховного тайного совета.

48

По образцу Речи Посполитой так величалось в то время простое нетитулованное дворянство.

49

Татищев Василий Никитич (1686–1750) – русский историк и видный государственный деятель. Управлял казенными заводами на Урале, был астраханским губернатором. Автор выдающегося исторического труда «История Российская с самых древнейших времен...» в 5-ти книгах, а также других сочинений исторического, географического и философского содержания.

50

Черкасский Алексей Михайлович (1680–1742) – князь, кабинет-министр. При Анне Леопольдовне – канцлер.

51

Так величали Остермана при дворе.

52

Волынский Артемий Петрович (1689–1740) – государственный деятель. Выдвинулся при Петре I, когда был казанским губернатором и дипломатом. В период господства Меншикова попал в немилость, а при Анне Иоанновне снова возвысился. Возглавил дворянскую группировку, выступая против немецкого господства. Но большинство сановников не поддержало его. Он был обвинен в попытке государственного переворота и казнен в 1740 г. А. П. Волынский – герой известного романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом».

53

Миних Бурхардт Крястоф (Христофор Антонович) (1683–1767) – граф, генерал-фельдмаршал. На русской службе с 1721 г. При Анне Иоанновне был президентом Военной коллегии. Играл активную роль во внутренней и внешней политике России. После ноябрьского переворота 1741 г. был арестован и сослан в Сибирь.

54

Это был вещий сон: впоследствии все, за исключением личного присутствия Анны Иоанновны, сбылось наяву.

55

Одна из форм тяжкого нервного заболевания.

56

Да будет благословен сей день, ваше величество! Последний акт вашей трагедии сыгран...
(фр.)

57

Эти слова Бирона оказались пророчески-вещими: впоследствии Ивана Долгорукого четвертовали, а другим его родственникам отрубили головы и били их батогами. Даже тех людей, которые были с ним знакомы, сослали в Сибирь.

58

Пушечный выстрел с верков Тайницкой башни... – Верки – крепостные оборонительные сооружения.